

Юрий Горошко (позывной “Тавр”)

**ИСПОВЕДЬ
РОССИЙСКОГО ДОБРОВОЛЬЦА**

(Полная версия)

*Комбригу А.Б. Мозговому
и всем бойцам бригады “Призрак”,
посвящается эта книга*

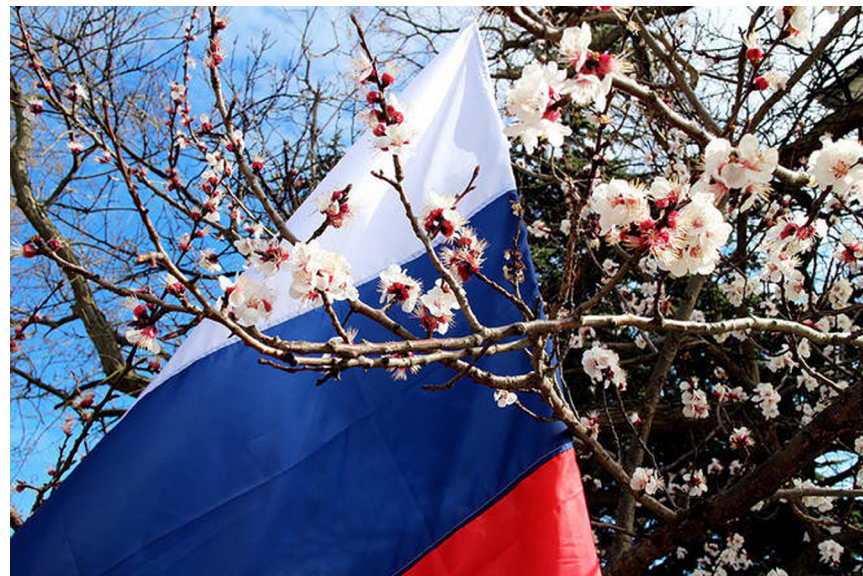
**“Традиция”
Москва, 2017 г.**

УДК
ББК

Юрий Горошко (позывной «Тавр»). Исповедь российского добровольца
–М. : ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2017. – 276 с.

ISBN

Представляемая читателю книга является уникальной летописью бригады «Призрак» и подлинным реквиемом её легендарному командиру. Автор, российский доброволец Юрий Горошко («Тавр»), служивший в личной охране А.Б. Мозгового, живо и ярко описал боевые будни и быт родного подразделения, образы, характеры своих соратников и, конечно, самого Комбрига. Мемуары Горошко далеки от какой-либо лакировки действительности, от пресловутой «политкорректности» в угоду «руководящей и направляющей». В них читатель встретится всего лишь... с правдой. Той самой правдой об Ополчении Новороссии, его героях и предателях, которую так старательно стараются теперь замолчать, фальсифицировать, подменить разнообразными полуправдами или же откровенной ложью. Тем ценнее свидетельства, подобные «Исповеди российского добровольца», т.к. именно они не позволят ни забыть, ни оболгать, ни предать - памяти погибших, борьбы продолжающейся, Новороссии, которая, как утверждал А.Б. Мозговой, случится несмотря ни на что.

© Горошко Ю., 2017
© ИП Бурина А.В., 2017

РУССКАЯ ВЕСНА

- 22 февраля 2014г.

Сижу дома, смотрю по ТВ, как еще действующий президент Украины Янукович подписывает акт об отречении от престола. На душе как-то паршивенько. И не за него - Яныка, а за «Беркут», который стоял и умирал против разъяренной толпы. Стоял и ждал от него приказа. Не дождался. Вот сейчас он, еще президент, подпишет бумажку. Подписывает. Расписываются так же и там же - Яценюк, Тягнибок и Кличко, потом послы Германии, Франции и Польши. Щелкают фото и видеокамеры. Все счастливые и довольные, у всех улыбки на лицах. Не улыбается только сам Янык. Он уже все понимает. Он уже здесь никто. Он уже бывший. У него задача теперь только одна - быстро и желательно целым свалить из страны. Он понимает, что «Беркут», который он только что кинул в пасть толпы, его уже не спасет.

Следующий кадр - Киев, майдан.

Вернее площадь, где довольная толпа скандирует - «Слава Украине!»... и сама же себе отвечает: «Хероям слава». Толпа скачет. Скачут все! Потому, как - «Хто нэ скаче, той москаль». Переключаю канал. Там то же самое. Везде идут факельные шествия, горят покрышки и довольные лица людей, которые думают, что они уже практически в Европе. Тогда они еще не знали, что это только начало... Начало конца!!!

- 16 марта 2014г.

КРЫМ НАШ!!! Ура товарищи! Наконец то, свершилось!!!

Не знаю, как для тебя читатель (извини что на «ты»), но для меня это был реальный праздник, со всеми вытекающими!!! И не потому, что мы оттяпали у укропов часть яко бы ее территории, а потому что мы забрали СВОЕ!!! А еще, потому что я этого ждал всю свою сознательную и местами даже бесшабашную, жизнь! Я в Крыму прожил 15 лет!!! И мне есть, что вспомнить. Там я пошел в школу. Страшно подумать, еще при Брежневе. Там же я ее и закончил, уже при Кравчуке, а вернее для меня будет - при Ельцине... Первая любовь, первый поцелуй... пионерские лагеря, пер-

«Мирные» протесты на майдане

Мирный майдан, тащит дровишки в костёр революции достоинства

вые дискотеки, драки, первая рюмка водки, походы в горы и на море, встречи с друзьями, первый выстрел из АК-74 на полигоне, в Перевальном, где служил мой отец - офицер советской, а затем и российской армии, это все было там - в Крыму!!! Поэтому вам, простым россиянам, меня не понять. Для вас Крым, это просто еще одна область на карте России, а для меня, это возвращение моей Родины, моего детства и юности!!!

Назад, в прошлое.

1992 год. Мне 17 лет. Помню, как я иду по воинской части в Перевальном, где когда то служил мой отец. При Союзе это было СВОУ - Симферопольское Военное Объединенное Училище. Объединенное, потому что учились и служили там не только военнослужащие срочной службы советских войск, но и наши братья по разуму и идеологии из других стран. Там проходила военную подготовку полмира - Куба, Мозамбик, Гвинея Бисау, Ангола, Вьетнам, Лаос, Кампучия, Никарагуа, Афганистан, Йемен, Алжир, Ливия, Эфиопия, Нигерия, Конго, Кения, Мадагаскар и т.д...И вот я иду по плацу бывшего нашего СВОУ и вместо портретов Суворова, Кутузова и Жукова, вижу портреты Мазепы, Хмельницкого и Пилсудского...Вместо герба советского союза, вижу украинский трезубец!!!...Вижу и понимаю, что все - я живу в Укропии... В простой, обычной укропии, где уже другие ценности и идеалы...Смотрю на эти портреты, и понимаю, что непроизвольно сжимаю зубы и кулаки...Потому что это- НЕ МОЕ!!!

ВРАГ У ВОРОТ

- середина апреля 2014г.

По ТВ показывают, как колонны украинской бронетехники движутся на Донбасс с разных направлений. Начинаются первые обстрелы и оборона Славянска, или как его местные называют - СлАвинск. Порошенко еще не президент, но уже кандидат. По укрупии вовсю разгорается предвыборная президентская гонка. А пока на его место сажают временно исполняющим Турчинова, он же пастор, он же один из идеологов майдана.

Одновременно идут поиски и аресты «Беркутят». Видя весь этот беспредел, Донецкий «Беркут», а за ним и Луганский, переходит на сторону ополчения. В стране разгорается гражданская война и полная пропаганда в СМИ с обеих сторон. У укров она своя, у нас - своя. Да, вы не ослышались. Именно пропаганда! Потому что картинка по ТВ и реальность происходящего, были далеко друг от друга, как Луна от Австралии. Но это я уже понял потом, когда сам попал на Донбасс. И об этом после...

А сейчас я сижу дома, в Москве, и взахлеб смотрю новости по ТВ, и читаю инет... По всем канал только одно - Донбасс, Донбасс, Донбасс... Ощущение такое, что уккры уже подошли к МКАДу и вот-вот его перережут. Моя супруга, тогда еще гражданская, то же смотрит вместе со мной. Потому как, куда же деваться, если я все это смотрю. Правда смотрит она пока как-то не особо внимательно. У нее свои дела и заботы. Но это пока... Пока ее муж сам не уедет на Донбасс... Но тогда она об этом еще не знала. Она просто смотрит...

- 2 мая 2014г.

Одесса, в доме профсоюзов, правосеки и просто «сочувствующие им граждане» жгут людей. Кадры жуткие, а порой даже жестокие. Люди, спасаясь от пожара, падают из окон, горят внутри здания. Их тут же добивают обкуренные и счастливые молодчики... «Слава Украине!»... «Хероям слава!», «Слава нации, смерть москалям!», несется с экранов телевизоров страны... У меня в жилах стынет и закипает кровь. Приходит осознание того, что игры в демократию и прочую либерастию, закончились... Это уже вой-

на! Реальная война. Там, где пропадают и умирают люди. Умираю по-разному. Кто-то по убеждениям и за идею, а кто-то просто так, потому что говорил по-русски. Потому что высказал вслух свое мнение об укropaх и о майдане в целом...

И вот я сижу и смотрю все это по новостям... Смотрю и воюю с укрaми в инете. Ну, как воюю? Тупо сижу дома, на диване... и в свободное от работы время, высказываю все, что я о них думаю... Я - «диванный воин!». Схватки у нас идут прямо не на жизнь, а «на смерть». В этом процессе и потоке инфы правда естественно на моей стороне. Впрочем, укropaы считают обратное... и закидывают меня ссылками по истории своей страны, которую им заново переписали их самостийные «ученые и просветители». Из этих самых ссылок я узнаю, что Спартак был древним укромом, который первый поднял восстание рабов. Правда, поднял он их не против москалей, а Рима, но то не важно. Главное, что он их предок.

Еще я узнал, что «древние укropy» выкопали черное море, первыми придумали и построили подводную лодку, и что испанская провинция Галисия, произошла от слова Галиция, Галичина. Что Кубань на самом деле - это территория бывшей Украины, так же как и прилегающие Орловские, Курские, Воронежские и Ростовские губернии. Обычно вся эта «диванная война» заканчивалась тем, что укropy меня, вместе с Путиным, посылали на..., после чего благополучно оправляли в «черные списки». И так каждый день...

- июнь - июль 2014 года.

Донбасс уже не горит, он полыхает так, что снаряды попадают и на российскую территорию... Бои идут везде... Славянск, Краматорск, Лисичанск, Северодонецк, аэропорты Донецка и Луганска, Красnodон, Изварино, Антрацит, Шахтерск, Торез, Снежное, Красный Луч, Бои идут за Саур-Могилу. Каждый день, ежедневно, постоянно... По новостям только одно - Донбасс, Донбасс, Донбасс... Тогда же я и услышал это имя - Мозговой!!! Алексей Борисович Мозговой!!! Его батальон «Призрак», а тогда он был еще только батальоном, вел успешные бои за Лисичанск и Северодонецк. Укropaы неоднократно их хоронили в своих новостях, а потом сами же воскрешали. После очередной такой «гибели» бойцов батальона, они стали их называть уже не иначе, как при-

зраками. Мозговому, как он сам потом об этом говорил, эта идея понравилась и батальон стал носить имя - «Призрак»!!!

Тогда, летом 2014 года, я и предположить не мог, что буду служить именно в «Призраке», в личной охране этого человека...

Но об этом после. В следующих главах моей повести.

БЕЖЕНЦЫ

- лето 2014 года.

Война на Донбассе уже не горит, она полыхает. Украинская бронетехника расстреливает дома и машины идущие в сторону границы России. Авиация бомбит населенные пункты уже в открытую и не стесняясь. Ужас и хаос повсюду. Фронта, как такового нет. Бои идут везде. Укропы пытаются взять в кольцо отдельные отряды и батальоны ополченцев и добровольцев. Перекрыть дороги ведущие к КПП - Изварино, Должанский, Гуково, Мариновка, Успенка и т.д... Беженцев расстреливают прямо на дорогах. Кто-то из них, так никогда и не доедет до границы, сгорев в своей машине. Кому то повезет больше. Людские потоки не иссякают ни днем, ни ночью. Всем хочется жить! Поэтому бегут тоже все! Женщины, старики, дети... и мужчины. Да, вы не ослышались. Мужчины тоже. Вернее, мужчинами они были ДО войны, а сейчас это просто испуганные особи мужского пола...

Вот что мне рассказывали наши ребята, кто в то время стоял на блок-постах и контролировал эти самые потоки беженцев.

- «Тавр, вот прикинь. Останавливаем мы один автобус с надписью «Дети». Заглядываем туда. А там 3 бабы, 2 ребенка и 10 мужских, здоровых таких рыл.»

- Документы на проверку, куда следуете? - спрашиваем у одного из них.

- В Россию.

- Зачем?

- Так война же.

- Мы в курсе, что война. Почему вы не в ополчении тогда?

- Ну, так мы это... Не годные мы к армейской службе.

- Так и мы не годные, но стоим же тут.

Мужичкам ответить нечего. Они молчат.

- Короче так, парни. У нас приказ - пропускать в первую очередь женщин, стариков и детей. На детей и стариков вы явно не похожи. Поэтому одеваем все юбки, платья и дружно ...ем пешком до границы. Тут не далеко уже.

- Ребята, может не надо? Засмеют же.

- Если шкура своя дорога, одевайте и валите отсюда.

Делать нечего особи одевают платья, юбки и бредут к российской границе. Полчаса позора и ты в России!!!

Я слушаю этот рассказ, улыбаюсь и говорю:

- Что, вот так и шли?

- Да, Тавр, представь себе, одевали и шли.

Или вот такой еще рассказ очевидца.

- Короче, Тавр, останавливаем мы Джип один. Типа беженцы. За рулем сидит мужик, рядом видимо жена, на заднем сидении куча сумок и вещей. Багажник проверили, тоже забит.

- Куда путь держим? - спрашиваем у мужика.

- К границе.

- С какой целью?

- Попасть в Россию, в Крым.

- А почему не к нам. Защищать родной Донбасс?

- Это не моя война.

- А чья тогда?

- Видимо ваша, раз тут стоите.

- Ну, если наша, тогда давай мне ключи от твоего дома, от машины, ну и жену тоже свою давай. Раз это моя война, а не твоя.

- Ребята не надо, пропустите.

- Ладно, дядя, вали отсюда, пока мы добрые.

Дядя прыгает в машину и газует так, что Шумахер просто пацан перед ним. Завтра, в Крыму, где-нибудь под Алуштой или Судаком, сидя на берегу черного моря, он будет рассказывать своим друзьям, как он «геройски преодолевал» российскую границу. Ну, и про злых ополченцев конечно тоже расскажет.

Но, что самое интересное. Когда наступит время. Его жена поздравит с 23 февраля. Родственники будут поднимать бокалы и говорить хвалебные речи в честь таких вот «защитников» отечества и все будут счастливы... Потому что кому то блок-пост, казарма, окопы. А кому то - море, пиво, баня, шашлыки... и парфюм на 23 февраля... КАЖДОМУ СВОЕ!!!

Но ради справедливости, хочу добавить, что не все мужчины остались в России. Часть из них, перевезя своих жен и детей, вернулась на Донбасс и достойно воевала! Но были и такие, кто вернулся только когда сошел снег, весной-летом 2015г. Сейчас они сидят в Луганске, Алчевске, Краснодоне или Донецке в теплых квартирах, кабинетах... и рассказывают, как они «геройски воевали». Но об этом в следующих частях моей исповеди...

ДОБРОВОЛЬЦЫ

В предыдущей, третьей части, я описал, какие бывают беженцы? И что не все они таковыми являются в действительности. Давайте договоримся с вами сразу. Я буду впредь называть вещи своими именами. Без разных там сантиментов, политкорректности и прочей либерастии. Да, беженцы были! Много беженцев! Были женщины, старики и дети, которые бежали от войны, потому что хотели жить. И это объяснимо и понятно. Чисто по-человечески понятно. Никто не хочет умирать...Но были еще и просто испуганные особи мужского пола, которые эскадронами сваливали с Донбасса, потому как считали (а многие до сих пор считают), что это не их война! Я их не осуждаю. Это был их выбор. Просто я с такими никогда за один стол не сяду. И рюмку за 23 февраля, с ними тоже не выпью. Даже если это будет знаменитый спортсмен, бизнесмен, актер или еще кто-то. Для меня они просто особи мужского пола. Надеюсь, что я свою точку зрения ясно выразил?

Итак - ДОБРОВОЛЬЦЫ!!! Слово, состоящее из двух слов: «Добро» и «воля». То есть это человек, который сам, по доброй воле поехал воевать и умирать за других. БЕСПЛАТНО. Этот человек уволился с работы, зачастую хорошо оплачиваемую и на свои собственные деньги поехал добровольно туда, откуда другие ехали в обратном направлении. Получалось, что-то типа «двухстороннего движения». Одни выходят, другие заходят. Что двигало, движет и будет еще двигать этими людьми, спросите вы? Зачем, почему, а главное - ради чего они туда поехали? Лично мне этот вопрос задавали очень часто и много раз. Поначалу я отвечал на все эти вопросы. А когда надоело, сел и написал этот стих....

«Зима пришла на огненный Донбасс...

Истерзанный, израненный, изрытый...

Он нас позвал. И в этот трудный час,

Стоим мы с автоматом и молитвой.

Не спрашивайте нас - «зачем мы здесь?»

Не задавайте глупых и наивных вы вопросов.

Здесь так же, как в России жжет метель,

И здесь стреляют по кварталам из «Утесов».

Не спрашивайте - «как и почему?»

- «Зачем тебе, все это парень было нужно?»
- «И для чего ты сытую Москву,
Оставил так легко и не натужно?»
Я вам не буду просто отвечать,
Я глупые вопросы пропускаю...
Ведь умному не нужно объяснять,
Он сам ответ на те вопросы знает...
Ну, а диванным воинам скажу:
«Коль смерти не боитесь, приезжайте,
И если сытую и чистую Москву,
На грязь полей, готовы променять вы!»
Не нужно говорить, что - «я женат»
Свою жену оставьте лучше дома.
Что в руки вы не брали автомат,
И что вам не на что, добраться до кордона.
Здесь рэмбо не воюют, вам скажу.
И нет здесь тех, кому заняться было не чем.
Они приехали за вас и за страну.
Чтоб завтра был такой же зимний вечер.
У нас все так же, то же, что у вас.
Есть мать, отец, жена, работа, дети.
Нам просто на Донбасс не наплевать,
А вы по-прежнему сидите в интернете...
Я вас не осуждаю, не хочу.
Нет права у меня на вас такого.
Сам променял я сытую Москву,
На грязь полей... и на венки терновые!!!»

Сразу хочу внести ясность. Этот стих был написан мной в декабре 2014 года. Когда я сам уже был на Донбассе. Поэтому я сейчас слегка опередил события и хронологию моей исповеди. А посему не буду забегать вперед, а буду писать все по порядку....

- август 2014 года.

Подразделениями добровольцев и ополчения уже оставлены Славянск, Краматорск, Лисичанск, Северодонецк, половина Донецкой и Луганской области. Укроповская армия беспорядочно и постоянно пытается идти в наступления, попадая при этом

в котлы и окружения. Одним из таких, как вы помните, в августе 2014 года был Иловайский котел!!! Укропа там наши ребята накосили немерено!!! Потери у украинской армии были не просто большими, они были катастрофическими! Многие украинские СМИ так это и называли - Иловайская катастрофа!

Не буду вас тут отвлекать хроникой боев, вы сами это можете легко найти у себя в памяти, либо в инете. А кто слышит об Иловайске первый раз, скажу лишь, что бои были жесткие.

В новостях везде и по всем каналам, только Донбасс. На всю страну показывают, как с России туда едут наши добровольцы. Их показывают, о них снимают ролики и посвящают целые передачи. Кажется, что если ты откроешь микроволновку, то оттуда раздастся строгий голос диктора - «А ты записался в добровольцы?»... Я смотрю все это постоянно, ежедневно!!!... Я весь уже там. Ну, практически весь. Осталось дело только за малым - поднять свою задницу и встать с дивана. Но не могу. Потому что у меня в августе свадьба! Да, представьте себе. Там война, а у меня «на носу» свадьба. Что делать? А ничего, я пока молчу. Правда, один раз я бросил «первый шар», когда по новостям в очередной раз показывали Донбасс.

- Зай, я наверное скоро туда поеду...

Моя Зая, она же будущая законная жена, смотрит не меня и говорит примерно следующее:

- Туда, это куда?

- Ну, на Донбасс.

- Какой еще Донбасс, ты об этом даже не думай. Или ты забыл, что у нас свадьба?

- Нет, не забыл.

- Тогда давай не будем. Я даже не хочу об этом слышать.

- Ну, я это... просто мысли вслух.

Делаю вид, что я, конечно же, все понимаю и что свадьба важнее, чем Донбасс. На этом моя Зая успокаивается. Как покажет время - зря. Она еще не знает, что для себя я уже все решил.

Алексей Мозговой

СБОРЫ

В августе 2014 года отшумела, отплясала и отгуляла моя свадьба! Не буду тут расписывать подробности, скажу лишь, что все было, как и положено - загс, парк Царицыно, лимузин, Воробьевы горы, далее - ресторан, банкет, свадебный торт... и т.д. Все довольны, все счастливы!!!

- А дальше что? - спросите вы.

- А дальше был... Донбасс.

Но не сразу. Решение я уже принял. Надо было только теперь об этом сказать моей уже законной супруге.

- Сентябрь 2014 года.

Подразделения ополченцев и добровольцев Новороссии уже не обороняются, они идут в наступление. Особые успехи были на южном направлении. Взяли Новоазовск. Кажется, что вот-вот будет освобожден Мариуполь. Каждый день с экранов страны идут репортажи о ходе наступательной операции. Кажется еще немного, еще чуть-чуть и победа в кармане. Украинская армия беспорядочно, а иногда и просто хаотично, отступает.

Но в Мариуполь наши так и не зашли. Почему? Этот вопрос я задавал вначале себе, а потом и ребятам, из Мариуполя, которые воевали на нашей стороне. Как они мне рассказывали, город тогда был практически свободен, без какой-либо серьезной обороны со стороны ВСУ. Укропы попросту сбежали. Заходи и бери город. Но не взяли! Версий тогда и сейчас много. Одна из них, то что наступление ополчения выдохлось и яко бы не могло уже вести, на тот момент, активных боевых действий. То, что они сами не ожидали, что так далеко продвинутся на юг и не были к этому готовы. Что закончился запас боеприпасов и продовольствия. Ну и т.д и т.п.

А есть другая версия.

Всем известно, что сам Мариуполь и Мариупольский порт - это вотчина господина Ахметова, который неофициально содействовал и помогал ополченцам в их борьбе за Донбасс. Не думаю, что делал он это все по каким-то идейным соображениям. Просто спасал свой бизнес, который мог легко потерять. Потерять, потому что мариупольский порт, если бы его взяли войска Ново-

россии, чисто юридически уже не имел бы права осуществлять свою портовую деятельность, в никем не признанной республике. В том числе и Россией. А это уже другой коленкор. Это уже колоссальные убытки. Поэтому сверху пошла команда - Мариуполь не брать! Наступление остановили. Вот две версии того, почему Мариуполь так и не был освобожден? Какая версия вам ближе? Решайте сами.

Я сижу и смотрю все это по новостям. Но просто сидеть и смотреть я уже не могу. Я должен быть там.

- Зай, я еду на Донбасс.

Моя Зая, поворачивается и как бы не понимая спрашивает:

- Что ты сказал?

- Я еду на Донбасс.

- Ты это сейчас серьезно?

- Да.

- А меня ты спросить не хочешь, что я думаю об этом?

- Марин, я знаю, что ты не в восторге. И это нормально. Но я все равно туда уеду. Просто знай это.

И тут моя Марина, делает мудрое решение. Есть такое выражение - «Если ты не можешь предотвратить революцию, надо ее возглавить». Она поняла, что остановить меня НЕ возможно и НЕ реально, даже если пристегнуть к батарее (я бы уехал на Донбасс вместе с батареей). А раз так то:

- Хорошо, я тебя поняла. Это твой выбор и твое решение. И хоть я против этого, но я тебя поддерживаю. Я на твоей стороне. Я с тобой.

С этого момента я мог спокойно и с легким сердцем ехать на войну. Понимаю, что парадоксально это звучит, но так все и было. Ведь, когда ты знаешь, что тебя дома ждут и есть надежный тыл, воевать как-то легче. Согласны?

Но ехать просто так, не зная к кому и куда, лишь бы приехать на Донбасс, я не хотел. Вернее считал это глупостью. Уже тогда мне стало ясно, что не все так там гладко и понятно, как мне это показывают в новостях. Говорят, что у человека, одна из самых больших проблем в жизни, это проблема выбора. Когда надо принять решение. В данном случае мне нужно было понять для себя, в какое подразделение мне ехать?

Скажу честно. Долго я не колебался. Уже тогда я знал, кто такой Алексей Мозговой, и что из себя представляет бригада

«Призрак». Я читал и смотрел его интервью различным изданиям. Видел его видео-мосты по скайпу с полевыми командирами украинских подразделений, где он им практически по полочкам разжевывал и раскидывал, что такое хорошо и что такое плохо? Рассказывал, каким он видит будущее Донбасса, Украины и самой Новороссии? А он был именно сторонником Новороссии!!! Не отдельных там, каких то княжеств - ЛНР и ДНР, а именно большой и целостной Новороссии. Без олигархов, воров и бюрократов. При чем говорил и доказывал, он это на столько искренне и правдиво, что ты понимал - я ему верю. Борисыч был незаурядным человеком и личностью! С неподражаемой харизмой! Это чувствовалось во всем. И не только в его словах, но и как я потом сам убедился лично, в его поступках. Люди это видели и тянулись к нему. Поэтому, когда передо мной встал вопрос, куда ехать и к кому? Ответ был один - в «Призрак», к Мозговому!!!

Но тогда, в сентябре 2014г, я даже и предположить не мог, что попаду не просто в «Призрак», а буду у этого человека, в его личной охране...

- начало ноября 2014 года.

Получаю зарплату и еду в армейский магазин. Там покупаю, все то что мне нужно и необходимо: два комплекта обмундирования - зимнее(утепленное) и одно летнее, повседневное. Зимние берцы, армейскую куртку, разгрузку, пару комплектов нижнего теплого белья и много чего еще, что на мой взгляд мне надо на Донбассе. Там же, в магазине, покупаю большую, черную армейскую сумку и складываю все туда. Продавщицы внимательно наблюдая за этим процессом спрашивают:

- Вы наверное на Донбасс собираетесь?

- Ага, туда. А как догадались?

- Да Вы у нас уже не первый, кто так основательно затаривается туда. Удачи вам. Возвращайтесь живым.

- Спасибо, я буду стараться.

Расплачиваюсь. Выхожу из магазина. Еще раз проверяю все ли купил? Вроде все. Дома надо это все еще упаковать и запастись провизией на два дня. Завтра днем, 5 ноября, мой поезд из Москвы, повезет меня на войну.

Дома уже ждет жена.

- Ну, что все купил? - спрашивает она.
- Да, вроде все.
- Билеты тоже?
- Ага.

- Ясно. Я тебе уже все приготовила из еды.
- Спасибо, Зай. Ты у меня настоящая боевая жена.

Вечером, мы вместе с ней, будем собирать мою армейскую сумку. Главное ничего не забыть. И тут я решил позвонить сестре, что бы она, если захочет, меня пришла провожать.

- Алло, привет, родственник!

- Привет!

- Я завтра уезжаю, приходи меня провожать.

- А куда это ты?

- На Донбасс.

Слышу в трубке ее вопросительное молчание.

- А ты туда это зачем, для чего?

- Затем. Уже все решено. Завтра поезд.

- Ты че, с ума сошел. Какой Донбасс, ты о маме с папой подумал?

- Короче так, если хочешь - приходи провожать. Если нет, не хрен мне тут нотации читать. Говорю номер поезда, вагона и кладу трубку.

- 5 ноября 2014 года. Утро.

Проснулся. Умылся. Позавтракал. Оделся. Проверил наличие билетов, паспорта и всего остального. Присели с женой на дорожку. Встали. Поехали на вокзал.

Приехали. Там меня уже стоит, ждет Леха Бибииков, офицер МЧС, мой друг и просто классный парень. Здравуемся, обнимаемся. Подходим к моему вагону. Заношу сумку. Выхожу. Стоим разговариваем.

- Значит, все-таки едешь?

- Да, Лех. Даже не думай отговаривать.

- Да я и не думаю. Вижу по тебе, что это бесполезно. Ты там это, смотри аккуратнее, не на каникулы едешь.

- Да я как бы в курсе, что не на курорт.

Кстати о курорте. Помню, мы с супругой, собирались тогда в свадебное путешествие поехать, в Египет. Она даже отпуск в

ноябре запланировала. Но получилось так, что я уехал по другой путевке. Как говорят - «Горящей», только на Донбасс. Вот такие метаморфозы в жизни бывают.

Мы стоим возле вагона, разговариваем. Маринка моя грустная, но не подавленная. Видно, что она уже тоже свыклась с этой мыслью и все для себя решила. Смотрю, по перрону бегут моя сестра и ее сестра. Все-таки приехали значит. Прямо целое женское трио получается. И сходу мне наперебой заявляют:

- Юр, ты ненормальный. Куда ты собрался ехать? Там же война.

- Девочки, я в курсе, что там война, поэтому я туда и еду. Давайте лучше не будем о грустном. Что вы меня за ранее хороните. Никто не собирается умирать. Все будет хорошо.

И, обращаясь к сестре, добавляю:

- Ты только родителям ничего пока не говори. Я сам скажу... потом.

Проводница объявляет посадку. Мы обнимаемся. Жму Лехе руку. Целую жену и захожу в вагон. Поезд трогается с места. Они мне машут руками и в слезах бегут вслед. Я им тоже машу. Все, я поехал. Завтра я буду уже на Донбассе. Завтра я буду переходить границу. Но об этом в следующей части моей исповеди.

ДОРОГА НА ВОЙНУ

- 5 ноября 2014 года.

Поезд «Москва - Грозный» везет меня на Донбасс. А если точнее, то еду я до Каменск-Шахтинска. Там мне нужно будет выйти и местным автобусом добраться до Донецка. Нашего, российского Донецка, что расположен близ границы с бывшей Украиной, и о существовании которого я даже не подозревал... Пока не началась война.

А сейчас я ехал в поезде, в полупустом, плацкартном вагоне и смотря, как в окне догорает закат и мелькают наши березки, еще раз прокручивал в голове, что мне нужно будет сделать по приезду утром в Каменск - Шахтинск? Проверил еще раз номер телефона человека, которому надо будет позвонить, когда выйду на перрон. Этот номер, мне дал еще в Москве «Хрусталик», он же Миша Польшков.

- Просто так не звони. Говори кратко и по делу. Никаких имен. Спросишь по этому номеру «Механика». Вот адрес, по которому он тебя будет ждать в Донецке. Скажешь, что от меня. Он в курсе.

-А что это за адрес?

- Это база «Призрака». Место сбора добровольцев, перед отправкой через границу.

- Понял тебя. Спасибо за инфу и за помощь, Миш.

- Не за что Юр. Ты главное возвращайся от туда живым.

- Я буду стараться, брат.

Мои воспоминания и размышления, прерывает человек, средних лет, с бородой...Он кладет аккуратно на соседнее, спальное место, что на против меня свой коврик. Садится на него и начинает молиться в сторону заката, которым я только что любовался в окне.

- «Аллааааа....Акбар!». Человек падает лицом в низ и гладит свою бороду....» Аллааааа....Акбар!», следует еще один поклон. За ним еще и еще. И так в течении примерно пяти минут, пока солнце окончательно не скроется за горизонтом.

Потом он встанет, свернет так же аккуратно свой коврик, скажет мне - «извините», и удалится в свое соседнее купе.

Тогда, в начале ноября 2014 года, я не придам особого зна-

чения этому случаю в моей жизни. О нем и об этом человеке я вспомню уже гораздо позже, в феврале 2015, когда наш «Призрак» будет штурмовать Дебальцево...

- утро 6 ноября 2014 года.

Мой поезд прибывает на станцию Каменская. Стоянка 2 минуты. Проводница открывает дверь. Я с ней прощаюсь и вдыхая, свежий, утренний, морозный воздух, выхожу на перрон. Теперь мне надо найти тот самый автобус, что отвезет меня в Донецк и позвонить человеку, который переправит меня через границу.

Нахожу стоянку автобуса. Подхожу к водителю.

- Командир, ты до Донецка едешь?

- Ага, до него самого.

- А когда опрвление?

- Через полчаса.

Значит у меня еще есть время перекусить и подзарядить телефон, который вот-вот сдохнет. А мне связь сейчас нужна, как воздух. Захожу в привокзальное кафе. Перекусываю, заряжаю телефон. После чего звоню «Механику».

- Алло, это Механик?

- Да, он самый.

- Я от Хрусталика.

- Ты где сейчас? - слышу голос в трубке.

- На вокзале, в Каменск-Шахтинске.

- Адрес знаешь, куда ехать?

- Да, знаю.

- Тогда жду тебя. До встречи.

- До встречи.

Кладу трубку. Захожу в автобус.

- Сколько за проезд? - спрашиваю у водителя.

- 53 рубля.

- Ну и цены тут у вас... смешные.

- А ты откуда сам?

- Из Москвы.

- Ну, тогда понятно.

- Не подскажешь, где мне выйти, что бы попасть на этот адрес? (показываю ему бумажку с адресом)

- Это за городом. Доедешь со мной до конечной. Там выйдешь. Увидишь таксистов. Они отвезут.

- Понял. Спасибо.

Я сажусь на заднее сиденье автобуса и, пока мы едем, наблюдаю местные пейзажи и ландшафт за окном. Благо погода хорошая, светит солнце. В автобусе еще несколько человек. По виду явно местные.

Через полчаса пути, я уже в Донецке.

Прощаюсь с водителем. Выхожу. Не далеко от остановки, метрах в двадцати, стоит несколько легковых машин, с курящими мужиками возле них. Явно местные таксисты. Подхожу к ним.

- Мужики, мне надо вот по этому адресу. Показываю адрес.

- 150 рублей.

- Не вопрос.

- Тогда поехали.

Кидаю свою армейскую сумку в багажник, к одному из них.

Сажусь и едем.

По дороге общаемся, о том о сем.

- Ты, наверное, за бугор собираешься, на ту сторону? - спрашивает меня таксист. Мужчина лет шестидесяти.

- Ну, допустим. А что?

- Да, ты не удивляйся. Просто ты уже не первый, кого я везу по этому адресу. Доброволец что ли?

- Ага. Он самый.

Через 10 минут мы въезжаем на территорию какой-то промзоны. Такси останавливается у одного из зданий. Мы выходим из машины.

- Вон, видишь. Над дверями, висит флаг Новороссии. Тебе туда,- говорит таксист.

- Спасибо отец. Отдаю ему деньги.

- Удачи тебе парень. Возвращайся живым.

- Спасибо. Я буду стараться.

Таксист садится в машину и дает по газам. Я кидаю сумку на землю и несколько минут смотрю на флаг. Мой первый флаг Новороссии, который я увидел вживую, а не с экранов страны по телевизору. Впереди у меня будет еще много таких флагов. В том числе и на рукаве, в виде шеврона... Но этот, в Донецке, на базе «Призрака», будет первым!!!

ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ

- утро 6 ноября 2014 года.

Яркое, осеннее солнце заливает светом промзону, где расположена база «Призрака» и куда я только что приехал.

Я кидаю сумку на землю и несколько минут смотрю на флаг Новороссии, расположенный над входом в здание.

- Парень, ты к нам? На крыльце появляется мужчина в камуфляжной форме.

- Да. Мне нужен «Механик».

- Я «Механик».

Подхожу, протягиваю руку. Здравуемся.

- Это я вам звонил. Меня зовут Юрий. Я от «Хрусталика».

- Сам откуда?

- Из Москвы.

- Ясно. Ну, проходи. Поговорим.

Мы оба заходим внутрь. В небольшой комнате, за компьютером сидит еще один мужчина. Здравуюсь и с ним.

- «Давай документы свои», говорит Механик.

Протягиваю ему паспорт и свой военник.

- Скажите, а сколько примерно ждать? - обращаюсь к нему.

- Ждать чего?

- Я имею ввиду, когда мы границу будем переходить? Сколько по времени я у вас тут пробуду?

- Пока не могу точно тебе сказать. Должны еще люди подъехать. Как группа соберется, сразу стартуем. Скорее всего, ночью. Ты пока в соседней комнате подожди. Там чай, кофе, телевизор есть. Располагайся пока.

- Ясно.

Беру свою сумку и перемещаюсь в соседнюю комнату. Там девушка с ребенком смотрят телевизор. Здравуюсь с ней.

- «Вы есть хотите?», - спрашивает она меня.

- Да пока нет. Если только чай.

Она ставит чайник. По телевизору показывают новости. Опять Украину, Донбасс, и как очередная колонна наших белых «Камазов» с гуманитаркой, пересекает границу в Изварино.

- Вы сами тут давно? - спрашиваю ее.

- Второй день. Мы с Краснодона.

- Ну, и как там сейчас?
- Сейчас поспокойнее, а вот летом было страшно.
- А почему вы одна тут, с ребенком. Папа ваш, наверное, в ополчении воюет, да?
- Нет, папа нас бросил.
- В каком смысле бросил?
- В прямом. Он сейчас в России. Точно даже не знаю где? Связи с ним нет.

Я сижу и осмысливаю то, что сейчас услышал.

- Как же вы теперь одна, да с ребенком? Родственники есть у вас?
- Да, есть. Тут вот, в Донецке, - отвечает она. Но они пока не готовы нас принять. Вот сидим, ждем, когда нас куда-нибудь с дочкой распределят. Нам уже все равно. Главное подальше от войны.

Примерно после обеда появляется еще один парень. Тоже доброволец. Знакомимся с ним.

- Андрей. Позывной Корж.
- Юрий. Тавр. Сам откуда?
- С Украины. Николаевская область.
- Ни хрена себе. А сюда какими путями?
- Элементарно. Через Крым. А ты откуда?
- А я из Москвы. Похоже, вместе будем границу переходить.

Может еще кто подтянется?

- Видимо да, отвечает Корж. Открывает свою сумку и начинает переодеваться в привезенную с собой «Горку».

- Где брал, - спрашиваю у него.

- В Симферополе.

В комнату заглядывает Механик.

- Ну, как вы тут?

- Да нормально. Когда выдвигаться будем?

- Ночью, отвечает он.

- Ясно.

Вечером появляется еще один доброволец. Мы с Коржом здороваемся с ним, знакомимся.

- Дима. Позывной будет - Димсон.

- Сам откуда?, спрашиваем его.

- Со Ставрополя.

Сидим уже все вместе с Коржом и Димсоном, общаемся.

Пьем чай, кофе. Каждый конечно рассказывает свою историю, как он добирался сюда и почему решил ехать?

Пока общались, наступил уже глубокий вечер. Примерно часов в десять, на территорию базы заезжает пустой армейский «Камаз», с группой бойцов в камуфляжах. На шевронах у всех - «Призрак».

Загружаем «Камаз», вместе с ними, продуктами - сахар, макароны, рис, гречка, тушенка, сгущенка и т.д. После чего подходит к нам Механик.

- Парни, короче так. Свои сумки кидайте в кузов. Сами со мной в Джип. На той стороне уже, сумки заберете.

Все ясно. Закидываем сумки в «Камаз» и садимся в Джип. С нами садится еще один человек, как я потом понял - проводник. Едем минут 15-20. Механик останавливает на обочине какой-то дороги. Мы выходим.

Проводник (будем называть его так) в двух словах объясняет, что да как?

- Идем тихо, за мной. Между собой не разговариваем. Слышимость здесь хорошая. Не отстаем. Все понятно?

- А идти долго?

- Нет, не очень. Еще вопросы есть?

- Нет.

- Тогда пошли.

Представьте себе тихую, ноябрьскую ночь. Тишина такая, что можно оглохнуть. Над головой чистое небо, звезды...и луна. Я никогда не видел такой яркой луны. Кажется, что она светит специально в тебя на зло, как прожектор. Мы идем через какое-то поле. Судя по всему, еще недавно кукурузное. Под ногами мешаются срезанные стебли. Идем молча. Ощущение такое, что ты, как минимум, пересекаешь Мексиканскую границу в районе штата Аризона. Еще не много и в овраге завоюют кайоты.

Шли мы и правда недолго. Но эта картинка и впечатления, остались у меня в памяти на всю жизнь. Впрочем, как и многие другие вещи, связанные с Донбассом.

И вот, мы, наконец-то, выходим на бетонную дорогу.

- Все парни, тут уже можно разговаривать и даже курить, - говорит проводник. Мы почти уже на месте. Осталось только еще чуть в горку подняться.

Минут десять поднимаемся. Проходим мимо знака - «Государственная граница республики Новороссия». Проходим еще метров триста. Перед нами появляется Блок-пост. Парни в камуфляжах и с автоматами наперевес, улыбаются, здороваются с проводником и с нами. Стоим с ними, курим, общаемся. Я, если честно, уже не помню о чем, потому что-тогда, адреналин просто зашкаливал. Еще минут через пятнадцать подбегает наш «Камаз», с ним еще один.

- Кто полезет в кузов, а кто в кабину? - спрашивает у нас водитель.

- Давай я в кузов, - говорю ему.

- Дело твое. Только смотри там, не замерзни. Ехать будем с ветерком.

- Да я не мерзляк вроде. Не впервой в армейских «Камазах» ездить.

- Ну, тогда по машинам, парни.

Отбрасываю тент и забираюсь в кузов, который забит почти под завязку, какими-то мешками и коробками. Кладу себе свою сумку под зад, что бы мягче было. Со мной лезут еще три бойца. У одного РПК, у двух других АК-74. Я в своем пуховике и джинсах, среди них, без оружия, кажусь просто белой вороной. «Камазы» заводятся, рычат. Мы трогаемся с места и едем.

- Парни, а ехать долго? - спрашиваю у них

- А это, как повезет? Если без приключений, то часа за два доберемся, - говорит мне один из бойцов с позывным Бегемот.

Бегемот и правда похож на бегемота. Большой такой, здоровый и веселый парень, лет тридцати.

- А что, могут быть приключения? - спрашиваю у него.

- Тут все может быть, - улыбаясь, отвечает мне Бегемот, передергивая при этом затвор своего РПК и ставя его на предохранитель.

- Ну, здравствуй что ли - Новороссия! - говорю я вслух сам себе.

Парни смеются. «Камазы» рычат, пылят и несутся так, что я чувствую себя с ними одним целым. Скованным одной цепью. Связанным одной целью!

Вокруг сплошная темнота. Темно даже там, где проезжаем населенные пункты. Из освещения только звезды и луна. При-

мерно через час пути, я понял, что начинаю замерзать. Вернее мерзнут ноги, потому как ими я упираюсь прямо в борт кузова. Начинаю их не много растирать руками, что бы разогреть.

- Что брат, замерзаешь? - спрашивает Бегемот.

- Да не то что бы очень, но да, - отвечаю ему.

Бегемот снимает с себя свой бушлат и отдает мне.

- На вот, прикрой им ноги.

- А как же ты?

- А я себе сейчас другой найду, - подмигивает он мне. И разворачивается к мешкам, которые у нас за спиной. В одном из них, он находит и вытаскивает новенький, армейский бушлат. Натягивает на себя.

- О, кажись, мой размерчик. Ну ка, а че у нас там в коробках?

Через пару секунд, на голове у Бегемота уже красуется новая, армейская каска.

- Вот это я понимаю, гуманитарка, - ржут пацаны. Один из бойцов тоже лезет в коробку, за другой каской.

- На, Тавр, держи. Привыкай потихоньку.

Через пару минут мы уже все четверо сидим в этих касках и смеемся, слушая очередную байку Бегемота из его жизни.

Мы летим в Алчевск. Через Краснодон и Луганск. Летим по дорогам войны. Той войны, что свяжет нас, а некоторых искалечит на всегда. Войны, с которой живыми мы вернемся не все...

АЛЧЕВСК

- ранее утро 7 ноября 2014 года.

Открываю глаза. Пять секунд уходит на то, что бы понять, где я и как я здесь очутился?

В памяти сразу же всплывают события минувшей ночи. Как переходил границу, как потом на «Камазах», мы мчались по дорогам Новороссии, через Краснодар и Луганск. Как в два часа ночи заехали в пустой, ночной и казалось безлюдный Алчевск. СТОП!.. Юра, так ты же уже в Алчевске. Интересно, какой он этот город? Кто в нем живет? Что за люди? Как они тут выживают? Наверное, им тяжело? Наверное, здесь обстрелы каждый день? Возможно, что полгорода уже лежит в руинах, сидит в подвалах, а вторая его часть - держит оборону на фронтах Новороссии, что бы укро-карателям не достался этот город?

Я лежу, смотрю в потолок. В голове мелькают страшные картинки войны, что мне показывало наше телевидение... Вспоминаются так же хроники и кадры боев из времен Великой Отечественной и лозунги - «Все для фронта, все для победы!», «Ни шагу назад, отстоим родную землю». И то, как женщины и дети стоят у станков на заводах страны, делают в три смены патроны и снаряды для фронта, выплавляют чугун и сталь для нашей общей победы.

- В Алчевске жесть металлургический комбинат, - размышляю я.

Наверное, его рабочие тоже перешли на «военные рельсы» и работают в три смены, пока их женщины пекут хлеб и вяжут носки для бойцов Донбасса. Надо будет мне обязательно познакомиться и пообщаться с этими суровыми, алчевскими мужчинами, которые однозначно, как один, встали на защиту своей молодой Республики.

- Тавр, ты завтракать то будешь? - мои размышления прерывает Димсон.

- Буду конечно. Мне, пожалуйста, чашечку кофе с молоком и круасан, - отвечаю ему.

После чего, встаю и, перекинув полотенце через плечо, иду делать утренние, водные процедуры.

Интересно, где это мы, что за здание? В комнате, на втором

этаже, где мы ночевали, стояло в ряд несколько армейских коек, в два яруса. Половина были пустые. Часть бойцов, как мне сказали, была в карауле. Спускаюсь вниз. Там, за большим столом, уже во всю идет суета по приготовлению завтрака. Пара женщин-поварих накрывают скатерть-самобранку. Прохожу мимо них, здороваюсь. Они со мной тоже.

- Вы наверное ночью приехали? - спрашивает одна из них.

- Да, ночью. Все уже спали. А что это за здание такое. Где это мы?

- Это сауна. Вернее сауной она была до войны.

- Серьезно? - Я улыбаюсь во весь рот. И что, парилка и бассейн есть?

- Конечно, есть. И даже бильярд. На втором этаже, - смеются они.

- Хорошо, смотрю, вы тут устроились, - улыбаюсь им в ответ.

Как потом выяснилось, здесь базировалась часть одного из подразделений. Место, конечно, было комфортное, но явно не для армейских людей. Впрочем, пробыли мы там не долго. Уже после завтрака нас отправили в штаб «Призрака», для оформления.

Туда нас привезли на машине. Нас - это меня, Димсона и Коржа. Штаб тогда располагался на Ленинградской улице, в здании, на сколько я знаю, бывшей типографии. Заходим. На первом этаже, в предбаннике сидит боец с оружием - дневальный. Сказав ему, куда и зачем мы прибыли, поднимаемся по лестнице, на второй этаж. Человек, который нас привез, заходит в одну из комнат, докладывая, сидящим там, о прибывшем пополнении. Нас просят подождать пока в коридоре. Стоим, ждем.

Проходит минут десять. Мимо нас проходит группа вооруженных людей в камуфляже, во главе с Мозговым. Вернее, это они проходят, а он пролетает... Я с интересом наблюдаю эту картину. Вот так впервые и вживую я и увидел Борисыча... Он пролетел мимо нас, так же внезапно и быстро, как снаряд, выпущенный из «Града». Тогда, я не придавал этой его манере передвижения, особого значения. Значение я ей придам уже потом, когда сам попаду в его личную охрану...

А пока, я стою в коридоре и наблюдаю, как в соседней комнате за ним закрывается дверь.

Ноябрь 2014 г. Алчевск.

Ноябрь 2014 г. С Тихоном

- Видал, это же Мозговой, - говорит мне Димсон.

- Ага, я заметил, - улыбаясь, отвечаю ему.

Нас по очереди просят зайти в комнату для оформления. Я захожу, здороваюсь с сидящими там людьми, сажусь за стол. Стол расположен буквой «Т». Во главе него сидит мужчина в форме, крепкого телосложения, старше средних лет. Рядом, через стол, молодой боец, который задает мне вопросы, и по ходу проверяя мои документы, что-то там записывает в ноутбук. Вопросы обычные, формальные. Кто такой, зачем, какая воинская специальность, на какой срок планирую вступить в ряды воинов Новороссии и т.д.

Как потом я узнаю, этим «крепким мужчиной, выше средних лет», окажется - Шевченко Юрий Валерьевич. Наш начальник штаба, на тот момент, он же «Ростов» и он же помощник и правая рука Алексея Борисовича Мозгового.

После оформления, в коридоре к нам подходит парень в камуфляже, с шевроном «Призрак». Знакомимся с ним.

- Крым, - говорит он мне

- Тавр, - отвечаю ему. Ты сам из Крыма что ли?

- Ага.

- Я тоже. Правда, сейчас уже в Москве живу.

- Значит земляки, - отвечает он.

Спускаемся все вместе, вчетвером вниз. Грузим свои вещи в багажник его старенькой «Волги». Я сажусь на переднее сиденье. Едем в распорягу. По ходу движения, рассматриваю Алчевск при дневном свете.

- Крым, а тут бои вообще были? - спрашиваю его.

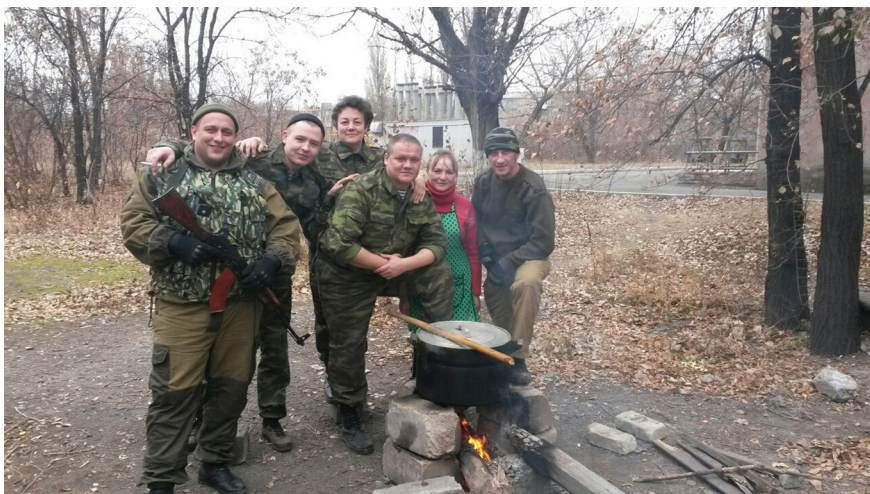
- Нет, не было. В начале лета самолет пролетел, пару ракет выпустил, за городом упали... и все. Так местные до сих пор его вспоминают.

- Странно, я представлял себе не много другую картину, когда сюда ехал.

- А ты что, думал тут Сталинград? - смеется Крым. Это, брат, Алчевск - город непуганых, мирных жителей. Сюда даже «Грады» не долетают.

Тогда, в начале ноября 2014 года, я еще не знал, что мой донбасский «Сталинград» впереди. Только название у этого города будет другое - ДЕБАЛЬЦЕВО.

Я, Димсон и тот самый борщ

УЧЕБКА

- 7 ноября 2014 года.

Мы вместе с Крымом, на его старенькой «Волге», после оформления в штабе «Призрака», подъезжаем в распорягу. Выгружаемся. Заходим в здание. На первом этаже, у окна сидит боец с оружием.

- Полковник здесь? - спрашивает у него Крым.

- Да вроде тут был, - отвечает боец.

Заходим внутрь, на первый этаж. Крым находит «полковника», знакомит с ним. После чего, благополучно сдает нас ему и удаляется к себе.

Все, кто был и есть в «Призраке», и кто сейчас читает эти строки, наверняка уже поняли, о каком «полковнике» идет речь? Он такой, там был у нас один.

Я, если честно, когда увидел его, не сразу понял, кто это? У меня было два варианта - либо, он только что приехал из Египта, где три недели загорал на пляже, либо - цыган... только по форме и при полковничьих погонах, времен советской армии. Но, так как вариант с Египтом, был мало похож на правду, то оставался второй.

Полковника, так все и называли - «полковник». Заведовал он у нас учебным центром, что располагался, на первом этаже. Это была его вотчина. Чем он, не скрывая этого, гордился и всем своим видом всячески подчеркивал. Хотя, если между нами, учебным центром это можно было назвать с большой натяжкой. За все время пребывания там, мы пару раз разобрали и собрали АК-74 (освежили память, благо руки помнят, как это делается)...и послушали лекцию «полковника» о том, какие бывают наступательные операции противника во время ядерной, газовой и воздушной атаки? Проще говоря - куда бежать нам, в случае, если враг вероломно нападет на нас, во время исполнения крепкого и бодрого сна?

После знакомства, он нас - меня, Димсона и Коржа, поселил в одну из комнат на первом этаже.

- Располагайтесь пока ребята. Сегодня уже занятий не будет. Начнем с вами завтра. Скоро у нас обед, - молвил он и благополучно удалился делать обход «своих владений».

После распределения между собой коек, кто, где спит и разбора своих вещей, мы начали писать, через инет, своим родным и близким о том, что благополучно прибыли на войну. Что все у нас тут зашибись. Живем почти, как на курорте. Ни в чем себе не отказываем и не на что не жалуемся. Короче, примерно, как в «Белом солнце пустыне», писал товарищ Сухов своей драгоценной супруге... «Дорогая моя, Катерина Матвеевна...В первых строках своего письма, спешу Вам рассказать, что служба моя здесь не трудная. Я бы даже сказал - легкая...» Ну, а дальше вы знаете...

Правда, писали мы недолго. Пока не погас свет. После чего в комнату заглянул полковник.

- Ребята, вы тут как?

- Да, ничего вроде. Все живы пока. А на долго свет вырубился?, - спрашиваем его.

- Я пока сам не знаю. У нас тут часто света нет. Говорят, диверсанты подстанцию, где-то взорвали. Так что, может, свет не скоро дадут. У вас фонарики и свечки есть?

- Фонарики есть. А вот свечек нет.

- Ну, я если найду, принесу вам. А сейчас у нас обед. Это на втором этаже. Там кухня.

После чего «полковник» удалился. А мы, взяв свои миски, потопали на второй этаж, за обедом.

Благополучно уничтожив то, что полковник назвал обедом, и вскоре поняв, что без света, нет не только инета, но и жизни, я решил осмотреть местные окрестности вокруг нашей казармы. Ну так, на всякий случай. Вдруг, какая-нибудь укропская ДРГ захочет на нас вероломно напасть, а мы будем не в курсе, куда бежать в случае отражения атаки?

Выхожу. Предварительно говорю дежурному бойцу, что сидит на входе о том, что я еще вернусь, дабы он меня потом пропустил обратно. Обхожу здание с левой стороны и к своему удивлению и даже восхищению, с торца, в лесном массиве, обнаруживаю костер, на котором варится наш будущий ужин - борщ. Сразу скажу, я никогда больше, пока был на Донбассе, не ел такого вкусного борща. Борщ на костре - это просто сказка.

Но я отвлекся. Смотрю, там уже несколько человек в камуфляжах, крутятся возле него. При этом беседуя между собой и покуривая. Понимая, что я не один такой, кто решил убить время таким вот способом, знакомлюсь с бойцами.

Среди всех выделялся один парень. Выделяется, потому что был он без глаза. Его имени и позывной я не запомнил, к сожалению. Но зато запомнил его историю, которую он нам рассказал.

- Ты сам откуда? - спрашиваю у него.

- Я из... (и называет свой город), - отвечает он.

- Как там сейчас, укропы сильно лютуют?

- Не то слово. Особенно по началу, когда они в город вошли.

Мы с местными мужиками и «афганцами», когда все только начиналось, решили держать оборону против этих уродов. Правда оружия у нас почти не было. Так, чисто только охотничьи ружья и все. Но «афганцы» нас потом сдали.

- В каком смысле сдали?- спрашиваю его.

- В таком. Они ночью, по договоренности, должны были дежурить на блок-постах. Но, когда укры подошли, то они просто сдали им наши позиции. Короче, засыпал я в одном городе, а проснулся уже в другом. Проснулся от шума и крика во дворе. Выглядываю в окно, а там правосеки, наших пацанов вытаскивают и прямо у подъездов расстреливают. Всех, кто против майдана выступал. ВСЕХ, понимаешь? Прямо на глазах у их жен и матерей. Мне повезло. Меня не нашли. Я дома два месяца просидел, мать прятала. А потом, надоело сидеть. Решил к своим пробираться. Кое-как, окольными путями и огородами добрался. Вот сейчас здесь пока, жду. Меня в ополчение не хотят брать из-за глаза. Я им говорю,- «Да мне похер. Возьмите хоть куда. Я этих тварей зубами грызть буду.»

Я сижу, слушаю рассказ этого парня. И пытаюсь себе представить, через что ему пришлось пройти и испытать? Слушаю и понимаю, что он ведь и правда загрызет укропов, при любой возможности... лишь бы эту возможность ему дали...

РОТА «СБ»

- Начало ноября 2014 года.

Наша рота СБ (в неполном составе)

- Ро-о-ота подье-е-ем!!!

Первая моя мысль - «Бляха-муха, кто же это так там орет, в семь утра?.. Вторая - «Где это я?».

- Тавр, вставай, - говорит мне с соседней койки Корж. - Или ты забыл, что мы уже на войне?

- Сам вставай, - отвечаю ему. Я не готов пока воевать. Я еще не проснулся. Мы так не договаривались. Для начала, мне нужно выпить чашечку кофе и принять контрастный душ.

- Рота, выходим строиться на зарядку, - снова орет дневальный.

«Как на зарядку, зачем на зарядку?»- спрашиваю я сам себя вслух.

- Димсон, куда это мы попали, - кричу я Димсону.

- Тавр - это Рота Службы Безопасности «Призрака», - ржет в ответ тот.

- Seriously? - уже ржем с ним вместе. Ну, тогда пошли на зарядку, раз зовут. Не хорошо заставлять людей ждать.

Вот так началась моя служба в Роте «СБ», бригады «Призрака».

Но прежде, чем попасть в роту, мы три или даже четыре дня просидели в «учебке», на первом этаже, под чутким руководством полковника. Без света, без воды, без инета. Сидели конечно не только мы одни. Вместе с нами так сидело полгорода, если не весь Алчевск. Короче, мы сразу поняли, куда мы попали? Мы попали на ДОНБАСС. Получите, распишитесь.

На четвертый день «сидения» и мытарства, мы стали понимать, что так сидеть можно долго и что приехали мы сюда не за этим.

- Короче, пацаны, - обращаюсь я к Коржу и Димсону. Давайте решать, что делать нам? Я лично, сюда не за тем ехал, что бы ждать «у моря погоды».

- Какие твои предложения?- спрашивает Корж.

- Тут, на втором этаже, расположена рота СБ, - отвечаю ему. Ко мне вчера в коридоре, один парень подходил, кажется позывной у него «Борец». Короче, пообщались мы с ним. Он предложил мне, как вариант, эту роту.

-А сам он кто? - спрашивает Димсон.
- Да хрен его знает. Какая нам разница кто? Человек пред-
ложил. Наше дело рассмотреть. Вы как?
- Давай пообщаемся тогда с ним, где он сейчас? - спрашивает
Корж.
- Его щас тут нет. Зато Крым здесь. Пойду, у него спрошу, что
да как? - отвечаю ему.
Захожу в комнату Крыма, которая была почти напротив на-
шей. Здоровуюсь с ним. И выкладываю ему суть дела. Что нас уже
«запарило» тут сидеть и ждать. Три дня уже типа сидим, а ничего
не происходит.
- Я слышал, что тут, на втором этаже, есть рота СБ «Призра-
ка», - говорю ему.
- Ну да, есть, - отвечает Крым. Вы туда хотите?
- Ага, хотим.
- Сколько вас?
- Трое.
- Сейчас тогда со Стилетом свяжусь. Берет рацию и вызывает
Стилета:
- «Кость, тут к тебе три человека сейчас поднимутся, от
меня, из «учебки», поговори с ними». Конец связи.
Мы втроем поднимаемся на второй этаж. Возле лестницы, у
двери сидит дневальный.
- Вы куда?- спрашивает он.
- Нам к Стилету. Мы с первого этажа, из «учебки». Погово-
рить с ним хотим. Он в курсе.
- Его комната прямо, до конца по коридору и налево. Там
увидите, написано, - отвечает дневальный.
Идем по коридору. Находим комнату. Заходим.
За столом, за ноутбуком сидит молодой парень, с бородкой,
по форме. На вид - лет тридцать.
- Мы от Крыма, - говорим ему.
- Да, я в курсе. Проходите садитесь, - отвечает нам он. От-
куда вы сами, как позывные?
- Тавр. Сам из Москвы, - отвечаю ему.
- Корж. С Украины я. Николаевская область, - уточняет
Корж.
- А я Димсон. Ставрополь, - говорит Дима.
После короткого рассказа Стилета о сути и задачах роты СБ,
спрашиваю у него.

- Ты сам откуда будешь?
- Я из Питера,- отвечает тот.
- Давно здесь?
- С октября. Я вместе с РНешниками сюда заходил. Потом у
меня с ними пошли разногласия. Короче, нет их уже. Уехали об-
ратно.
- Так ты из националистов, что ли? - спрашиваю я Стилета.
- Ага. Только из русских, - отвечает тот.
- Ясно. Ну, так что, берешь нас к себе?
- Беру. Поднимайте свои вещи. Сейчас вам выделим комна-
ту. Считайте, что вы уже зачислены в штат роты.
После того, как нас зачислили и поселили в одну из ком-
нат. К нам «добавился» Ратибор. Взрослый, седовласый дядька,
на вид - лет шестидесяти. Мастер рукопашного русского боя. Ну,
по крайней мере, он всем так рассказывал... Его к нам поставили
«старшим». Получилась «четверка» - Я, Димсон, Корж, и Рати-
бор.
Примерно через два дня, я сильно заболел. Вернее, симпто-
мы начинающейся болезни, у меня были еще в Москве, но тогда
я им особо не придавал значения. А зря. Потому что по приезду на
Донбасс, простуда перешла уже в более тяжелую форму. С темпе-
ратурой, ознобом, насморком и все что с этим связано. Сказалась,
видимо, акклиматизация и нехватка витаминов.
И вот лежу я тихо, мирно на своей койке у окна, предвари-
тельно наглотавшись аспирина, и отчаянно пытаюсь выздоро-
веть. Я на больничном. Кругом война, а я болею.
Лежу я значит, весь такой больной, с температурой, в со-
плях... и сквозь сон, слышу в коридоре какой-то шум. В комнату
заглядывает Димсон.
- Тавр, там Стилет решил спортивные соревнования устро-
ить, кто больше всех раз отожметя от пола за минуту, - говорит
мне он. Ты как, участвовать будешь?
- Не знаю. Помираю я, не видишь что ли, - улыбаюсь я ему.
- Ну, смотри, если че, там все уже собрались, сейчас начнем.
Димсон выходит. Я лежу и думаю, что надо бы мне, конечно,
встать и пойти тоже принять участие. А то не красиво как-то. Все
отжимаются, а я тут при смерти лежу. Не хорошо это. На одну ми-
нуту я-то всяко смогу волю в кулак собрать и отжаться.
Еще минут через пять я встаю, одеваюсь и выхожу в кори-

дор. Там уже вся рота считает и смотрит, как отжимается очередной боец. Я присаживаюсь на корточки и облокотившись на стену, смотрю на все это безобразие... Все естественно делают разное количество раз. Кто-то 15, кто-то 25, кто-то 30 раз. Албанец, помню, сделал 40, Димсон - 45. Стилет с секундомером, стоит и считает количество раз.

- Тавр, ты как, участвовать будешь, или ты болеешь? Уже все сделали, - обращается он ко мне.

- Да, я буду, - отвечаю ему.

Поднимаюсь, выхожу на середину. И начинаю отжиматься - 10...20...30...40...50...60...70...75!

- Стоп, минута. Время вышло, - объявляет Стилет.

Я встаю. Отряхиваю руки. Поднимаю голову... и понимаю, что все на меня смотрят. Секунд через пять, Холс, нарушая тишину, говорит:

- Тавр, а ты вообще КТО???

- Я? Тренер по фитнесу, - отвечаю ему и всем присутствующим, молча смотрящим на меня.

- Охренеть!.. А че, сразу-то не сказал? - смеется Холс.

- Так, а никто и не спрашивал, - улыбаюсь я в ответ.

После этого случая, я стал отвечать за физическое воспитание бойцов нашей роты. Зарядка и занятия в спортзале, стали моими прямыми обязанностями. Но об этом и о многом остальном, в следующих частях моей исповеди...

Тот самый Алчевский рынок. Декабрь 2014г.

Я и Сибирь. Возле православной церкви, что возле рынка.
Декабрь 2014г.

СВАДЬБА В МАЛИНОВКЕ

- середина ноября 2014 года.

Вы смотрели фильм «Свадьба в Малиновке»? Глупый вопрос, правда? Кто же его не смотрел. Его видели все. Лично я, его знаю наизусть. Как и крылатые фразы из этого фильма.

Я собственно к чему это? Алчевск - это та же Малиновка, только побольше, потому что город. Я на полном серьезе сейчас. Не смейтесь.

Когда я прибыл в Алчевск, то естественно решил посмотреть на местных жителей своими глазами. Не с экранов тв или инета, а своими собственными. Чтоб наверняка. Познакомится, так сказать, с суровыми мужчинами этого металлургического города. И в первую очередь с местными ополченцами. Искать я их начал естественно, для начала, у нас в роте.

И я их нашел. Вернее его!!! Потому что из Алчевска он был один - Кедр. Или, как Албанец любил его называть на свой манер - Кедридзе. Меня он, кстати, называл - Тавридзе. Классный парень был этот Кедр. Усердный, исполнительный, старательный. Говорил мало, а когда говорил, лишнего не болтал. Таких в армии любят. Особенно начальство. От них проблем нет. Вот он был из местных, из Алчевских. Еще были бойцы с других городов Донбасса. Дай бог памяти. Это - Аякс, Корунд, Смелый, Метла, Лесник. Если кого-то забыл, не взывайте. На этом все. А как же остальные наши бойцы, спросите вы? А остальные все были добровольцами из России... и других стран бывшего Союза. Кто-то, когда то служил в армии, как я, а кто-то и нет. Были и такие, кто автомат впервые увидел только на Донбассе. Но всех нас объединяло одно - мы приехали на Донбасс добровольцами. По зову сердца, так сказать и души. Но не буду сейчас тут вам кидаться красивыми словами, дабы не уходить от конкретики. Вернемся к «нашим баранам». То бишь - местным аборигенам...

Местных «мужчинок» я, конечно же, тоже нашел. На рынке!!! Их в Алчевске целых два. Но мы чаще ходили к ближайшему от нас. Тот, что расположен рядом с православной церковью. Зачем ходили? А что бы поесть купить. А то вдруг война, а мы

не жрамши. Как-тогда голодными отражать атаку укроповской бронетехники? Вот и ходили мы на рынок. Лично я там сало покупал. Оно, знаете ли, как-то сытнее и жирнее щи получаются, когда туда сальца добавляешь. Особенно, когда в этих щах одна капуста и картошка плавают. Ходили, конечно, не все, а только те у кого деньги были, которые с собой же, из России и привезли.

Идем мы, помню, как-то с Москалем по этому самому рынку. А глаза так и разбегаются от разнообразия и изобилия продукции. Тут есть все! От унитадов и сантехники, до копченой колбасы и ополченской экипировки. Подходим к одному такому доброму молодцу, что-то торгует этой самой экипировкой. А у него там на любой вкус и цвет. И «Горки», и «Цифры» и «Охота», и даже зимние варианты камуфляжа есть.

- Почему?- спрашиваем торговца.

- А вам, ребята, какую? - отвечает он.

- Нам «Горку».

- Летнюю или зимнюю?

- А что и зимняя есть?

- Конечно, есть, - улыбается мужичок.

- Ну, тогда почему зимняя?

- Полторы, гривнами. Вам, как ополченцам, за 1300 отдам.

- Ясно. А от куда это все у тебя, - спрашиваем его, читая на подкладке «Горки» - «Сделано в России.»... Гуманитарка небось?

- Да бог с вами, ребята, какая гуманитарка, - клянется и чуть ли не крестится мужик. Это кум мой, из России возит. Ну, а я вот продаю.

- Понятно. А сам чего в ополчение не идешь, а тут стоишь?

- Так я это... семья у меня. Кормить надо, - божится мужик.

- Так и у нас тоже семьи. Приехали тебя вот защищать. Думали, вы тут с голода пухните. Но судя по твоему фэйсу, до голода тебе еще очень далеко.

- Ребята, ну что вы ко мне прицепились? Вы думаете, я тут один такой стою?

Мы оглядываемся по сторонам и понимаем, что мужик прав. Он такой тут не один.

- Слышь, дядя. А Буденовки у тебя нет?

- Нет, а вам зачем? - не понимает вопроса мужичок.

- Это не нам. Это тебе. Ты бы одел ее и так стоял. А когда власть вдруг поменяется - сменил бы ее сразу на хохляцкую, - смеемся мы и идем дальше, за салом.

Заходим на крытый рынок. Мама дорогая, чего тут только нет?! Практически весь московский «Охотный ряд». Колбасы вареные, копченые, куры запеченные, сало, масло... и конечно мясо. Хочешь свинину покупай, а хочешь говядину. Только бабки давай. Но бабок у нас мало. Поэтому покупаем только сало, сигареты и печенье.

А вот еще, помню, случай был.

Что бы улучшить свою физическую форму, мы почти всей ротой (кто не был в карауле и наряде), ходили заниматься, под моим чутким руководством, в местный спорткомплекс «Металлург». Спорткомплекс конечно устаревший, еще советских годов, но вполне еще приличный. У них там, на втором этаже, есть качалка. Не московский конечно спортклуб, но при желании, все группы мышц прокачать можно. Там же, кстати, в подвале, мы занимались стрельбой... но уже под чутким руководством Михалыча.

И вот занимаемся мы значит спортом... И слышу я, как в противоположном углу зала от меня, Джонни отчаянно общается с местным аборигеном. Мужик по возрасту примерно лет на 55 тянул, но вполне еще спортивный.

- Шо вы сюда приехали? - чуть ли не орет он кому то из наших.

- В смысле? - не понимая вопроса, вступает в разговор Джонни.

- Я говорю, за каким хреном вас сюда принесло? - не унимается мужик.

- Старый, ты че несешь, фильтруй базар? - чуть ли не кидается уже на него Джонни.

- Да я из-за вас пенсию не могу уже полгода получить, - кричит мужик. - Если бы вас тут не было, все было бы нормально.

- Слышь, дядя. Это по-твоему из-за нас тебе, что ли, Порошенко пенсию не платит? - вступает разговор еще один из наших.

Видя то, как по тихому, начинает от этих слов звереть Джонни, я подхожу к нему и оттаскиваю его в сторону.

- Не надо, не лезь к нему, - говорю я ему.
- Тавр, да ты слышал, что этот урод щас сказал про нас?
- Да, слышал.
- Мы тут за него воевать приехали, а он - гнида, нам такое

говорит.

- Это его проблемы. Хрен с ним. Не обращай внимания.

Еле успокоив Джонни от праведного, буйного гнева, продолжаем заниматься дальше.

Мужик поняв, что на этом дискуссия закончилась, одевается и, зыркнув на прощание взглядом, удаляется из зала.

После качалки спускаемся на первый этаж. Там, на площадке, местные играют в мини-футбол. Нормальные такие, молодые и вполне упитанные пацаны, призывного возраста. Я подхожу к одному из них и договариваюсь, что бы мы тоже с ними сыграли. Не в берцах конечно, а только те, у кого из нас есть спортивная обувь. У меня была. Поэтому я тоже играл. Я вообще-то фанат футбола. Болею за ЦСКА. Сам, когда то в молодости, тоже играл в футбол и поэтому при первой же возможности, стараюсь не упустить случая.

Короче, одни из нас играли, другие смотрели и болели. Наигравшись и набегавшись, идем в раздевалку переодеваться. И у меня с одним из этих местных «футболистов», случается там такой диалог.

- Хорошо играете, смотрю, часто бегаете? - спрашиваю его.

- Два раза в неделю. Всяко лучше, чем дома сидеть.

- От чего же дома то сидите? - говорю ему

- Так, а смысл на комбинате работать? Там щас не платят ничего. Так, иногда дают какие-то копейки.

- Ясно. Ну, а к нам желание нет пойти? - снова задаю вопрос.

- А у вас сколько платят? - интересуется паренек.

- А у нас ничего не платят, - отвечаю ему.

- Как это?

- А вот так. Ну, так как, есть желание за Родину бесплатно умереть? - начинаю уже его подкалывать.

- Я подумаю.

Понимая мой подкол, парень ускоряет свое переодевание и выходит из раздевалки молча.

- Ну, что все в сборе? Никого не потеряли? - спрашиваю я у наших бойцов.

- Да вроде все.

- Ну, тогда пошли в распорягу. На сегодня хватит.

АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

- конец ноября 2014 года. Алчевск.

Я, Нарва, Стиллет и Бурят

С того времени, как Я, Димсон и Корж влились в роту «СБ», прошло уже примерно две-три недели. Что бы было понятно, я расшифрую, кто не знает, аббревиатуру букв «СБ» - это Служба Безопасности. Красиво звучит, правда? Самому нравится. Как вы уже знаете, наша рота тогда входила в структуру самой бригады «Призрак». Задачи у нас были разные. Но в основном они сводились к наряду по роте (охрана самих себя), караул в здании бывшей прокуратуры и на то, что бы кошмарить тех, кто по мнению руководства «плохо» или «не правильно» себя вел в городе.

Ну, вот допустим.

Приехали к нам, в Алчевск, бойцы какого-то там подразделения, расслабятся после армейских будней с линии фронта. Сами понимаете, там реальный идет пиф-паф и ата-та, при чем со всего что стреляет и движется, а у нас тихо и глухо, как в танке. Одним словом - тыл. Ну, а так как алкоголь расслабляет по полной, то требуются дополнительные эмоции и прилив адреналина, который есть на фронте и которого нет в тылу. Вот и получалось, что парни выходили с оружием из кабаков и делали пиф-паф в воздух, но уже в городе, а не в окопах.

По Алчевску, естественно, сразу идет кипишь и легкая паника - укрытия в городе! К нам поступает сигнал, о таком вот недоразумении. Мы приезжаем на место «боевых действий» и популярным языком, а так же русским матом, объясняем тем, кто стрелял, что так делать не хорошо. Что люди тут непуганые, боятся любого шороха, и что стрельба в воздух, из автоматов, карается расстрелом без выходных, обеда и права переписки с родственниками. Самым буйным и непонятливым, приходилось повторять второй раз, но уже, когда они принимали горизонтальное положение лицом в асфальт.

Еще мы кошмарили притоны наркоманов, которых в Алчевске было достаточно. До войны этот город вообще считался одним из самых криминальных на Донбассе... Считался пока в него не пришел «Призрак».

Мозговой порядок навел быстро. Думаю, что все помнят, народный суд, который состоялся в конце октября 2014 года, и на

котором судили двух маньяков-извращенцев. Суд тогда был открытый, для всех!!! Одного урода приговорили к расстрелу, второго пожалели и вынесли приговор с отбыванием в местах не столь отдаленных.

Самого Борисыча мы тогда не охраняли. Вернее охраняли сам штаб бригады, который потом находился уже в здании бывшего городского СБУ. И который мы между собой называли просто - «Избушка». Личная охрана у него тогда была своя. Потом, когда «Призрак» позже примет участие в освобождении Дебальцево, эта самая охрана благополучно испарится и самоустранится в первые дни боев. Ребята быстро сообразят, что Дебальцево это не Алчевск. Что там РЕАЛЬНО стреляют, и что пулю или шальной осколок можно получить запросто. Но это будет уже потом, и об этом я буду писать позже...

Что самое интересное, оружия у нас тогда было мало. Его мы передавали «из рук в руки», а если точнее - сдавали, после нарядов и караулов Михалычу, который тогда заведовал нашей «оружейкой». Личный АК был тогда редкостью и этим людям, конечно, все завидовали, молча. Еще в арсенале у нас было несколько СКС (самозарядный карабин Симонова), калибра 7,62, которые помнили еще Сталина. На них даже даты выпуска стояли - 1951,1952,1953 г.г.

Вот с таким арсеналом мы и защищали суровый и мирно спящий город Алчевск... А в свободное, от его защиты время, тренировались сами. Ходили в спортзал, отрабатывали в парковой зоне, что была за нашей «распологой» захват зданий. Там же организовывали «засады» друг на друга. В общем, готовили себя к войне. Благо она была совсем неподалеку. Линия фронта к тому времени уже выправилась и стабилизировалась. До нее от Алчевска тогда было примерно, по разным подсчетам, 20-30 км. Смотря в какую сторону ехать?

Я к чему это все тут так расписываю? Наряды, караулы, спортзал, отработка захвата зданий, засады в лесу, «разкумаривание» наркоманов и привод в чувство пьяных ополченцев, это все конечно было здорово и весело, но как-то утомляло уже. Возникли некоторые вопросы к самому себе, окружающим и лично нашему командиру роты - Стилету. В один из таких «суровых будней», я зашел к нему, что бы побеседовать.

- Командир, ты не занят? - обращаюсь к нему, открывая дверь его комнаты.

- Заходи. С чем пришел?

- Да есть у меня к тебе несколько вопросов, на которые хочется получить ответы.

- Слушаю тебя. Что за вопросы? - спрашивает он.

- Стилет, мы когда уже начнем на стрельбы ездить, а не просто бегать по лесу с палками, изображая Рэмбо во Вьетнаме?

- Тавр, ты же знаешь. У нас нехватка б/к. Вот, допустим мы сейчас его весь расстреляем... А потом чем воевать, если что-то серьезное вдруг будет?

- Согласен. Воевать будет не чем. И когда же оно у нас появится это б/к? - спрашиваю его.

- Не знаю пока. Надеюсь, что скоро, - отвечает он мне.

- Ладно, тогда еще вопрос. Ты видел, что из себя представляют наши бойцы в плане физподготовки? Некоторые и 20-ти раз от пола не могут отжаться, я уж не говорю, что бы подтянутся и перевалить свою задницу через забор, в полной экипировке. Это как, по-твоему, нормально? Это называется рота «СБ»?

- Нет, это не нормально. Я согласен с тобой. Но других бойцов у нас нет. - отвечает Стилет. Ты же занимаешься с ними в спортзале. Вот и подтягивай их в этом плане.

- Ладно, с этим тоже понятно, - говорю ему. Еще вот что хотел спросить. Какие будут наши действия, когда мы пойдем на запад. Ты же понимаешь, что тут мы выполняем по сути ментовские, а не армейские функции. Хотя, на построении, ты каждый раз, говоришь об обратном?

- Я думаю, что из нас будут скорее делать структуру входящую в МГБ, - отвечает Стилет.

- И чем мы будем заниматься?- снова спрашиваю я

- «Работать» с местным, укруповским населением и недобитыми, в ходе боев, нацбальонами. Будем делать зачистки, короче говоря.

- А как же тогда ГРУ, ФСБ и прочие «вежливые люди», они тогда чем будут заниматься?

- Тем же самым. Тавр, вот ты представь себе, если мы дойдем до Днепра, какая это территория? Сколько городов и сел? Это же миллионы людей. У федералов просто физически не хватит средств и личного состава, что бы все это контролировать. Поэтому мы будем востребованы.

- Ты в этом уверен?

- Да, уверен.

- Ну, допустим, а что потом? Ты не думал, что когда мы сделаем эту работу, мы станем им не нужны? Нас просто попросят «на выход». Как говорится - «Всем спасибо, все свободны», - говорю я Стилету.

- Надеюсь, что этого не будет. Поверь, без работы мы не останемся.

Я сидел, смотрел на него, и понимал, что он сам во все это верит, потому что ему так хочется.

- Ну, дай то бог. Посмотрим. Хотя, я лично, сильно в этом сомневаюсь, - отвечаю я ему. Заканчиваю разговор и выхожу из комнаты.

Тогда, в ноябре 2014 года, мы оба еще не знали, что мои мрачные прогнозы сбудутся. И что нас, российских добровольцев, в скором времени попросят на тот самый «выход», с Донбасса. Кого-то вежливо, а кого то и настойчиво... Большинство же из нас, видя какой бардак, а кое-где и беспредел, творится в ЛДНР, уедут сами.

Но об этом, как и о многом другом, в следующих частях моей исповеди.

Я и наш командир роты Стилет

ЗАСАДА

- конец ноября 2014 года. Алчевск.

В предыдущей, двенадцатой части, я писал о том, чем мы занимались, и какие задачи выполняла наша рота «СБ» в суровом городе Алчевске. Поэтому не буду здесь и сейчас об этом повторяться, а расскажу один из таких вот случаев.

На одном из построений роты, Стилет, после очередной своей пламенной речи на тему, что такое хорошо, что такое плохо и как с этим бороться, задает вопрос к стоящим в строю бойцам, то есть нам:

- Надо с «Борцом» сегодня съездить. Нужны четыре добровольца. Подробности не знаю, но задание ответственное и опасное. Желающие есть?

Что за вопрос? Конечно, есть. Желающих море. Я в том числе. Я же вообще за любой кипишь, кроме голодовки. А тут такое опасное и ответственное задание, как не поехать. Кроме меня на это дело отбираются из состава роты - Алтай, Грозный и Куц.

- Вам четверым пять минут на сбор, по полной боевой. Остальные могут быть свободны, - объявляет Стилет.

Через пять минут, мы все четверо, по полной боевой, грузимся в машину к Борцу. И едем на место событий. По дороге он нам вкратце рассказывает, что от нас требуется?

- Короче, ко мне тут обратилось за помощью мирное население. Пропал человек. Два месяца от него уже ни слуха, ни духа. Где он и что с ним, не известно? Есть подозрение, что его уже нет в живых. Он сам начальник одной базы отдыха, куда мы едем. Надо приехать на место и разобраться там, что к чему?

Вот собственно и вся вводная, что дал нам Борец. Остальное время он всю дорогу рассказывал нам об эпизодах своей биографии. Лично мне запомнилось, то, что он хотел стать летчиком, но по разным объективным причинам не стал.

Выезжали мы из города, как сейчас помню, через тоннель, что проходит под металлургическим комбинатом. После чего свернули направо и поехали в сторону Зимогорье. Как я уже потом догадался, Борец сам не знал, куда мы едем? Потому что постоянно созванивался с кем то и уточнял дорогу. Что, впрочем, не помешало нам, пару раз успешно заблудится. Но тут главное что?

Правильно! Главное - это не заехать туда, куда не надо. То есть, в гости к гарным, хохляцким хлопцам. А такие случаи уже были. Как с нашей, так и с их стороны. Нет, я конечно готов был умереть за Родину, но как-то тупо и по-глупому не хотелось. Короче, через два часа мытарств и скитаний, мы, наконец, то прибыли на место.

Заезжаем на территорию этой самой базы отдыха. Выходим из машины. И наблюдаем картину, как одна дама, бальзаковского возраста, с криками и матами фигачит наотмашь какого-то мужичка. Тот бедолага пытается руками от нее закрываться, но судя по разбитой физиономии, у него это слабо получается. Увидев нас, дама еще пуще начинает мутузить его приговаривая:

- Я из тебя, паскуда, щас всю душу вытрясу. А ну, давай выкладывай все, что знаешь. Где был, с кем, куда директора (называет имя отчество) нашего спрятали, твари?

- Ну, не знаю я ничего больше. Правда, - чуть не плача отвечает ей мужик. - Я тебе уже все рассказал. Я не при делах тут.

- Короче, либо ты нам щас тут все рассказываешь, как все было? Либо тебе хандец. Понимаешь меня? - вступает в разговор Борец. Где твой дружок, с которым ты тут бухал?

- Какой дружок? Серега что ли? Так он это... за сигаретами пошел. Еще утром. Обещал скоро вернуться, - всхлипывает мужичок-сторож.

- Телефон его у тебя есть?

- Да, есть.

- Звони тогда. Спроси его, где он и когда будет? И не вздумай лишнего болтануть. Ты меня понял? - шипит на него Борец.

- Да, конечно.

Мужик набирает телефон своего друга - собутыльника. Идут гудки.

- Алло, - отвечают ему на том конце провода.

- Серега, ты куда пропал, когда будешь?

Серега ему, что-то там отвечает в трубу, но нам не слышно. Мы стоим чуть поодаль от них и наблюдаем за периметром базы. Вдруг, кто-то из его друзей - разбойников захочет отбить своего «атамана» и нападет на нас из засады?

Через какое-то время телефонный разговор двух горе-подельников заканчивается.

- Ну, что он тебе сказал? - спрашивает Борец.

- Сказал, что скоро будет, - отвечает тот.

Борец обращается к нам:

- В общем так, парни. Вы тут остаетесь пока. Приглядывайте за этим хмырем. И постарайтесь взять его дружка, когда тот вернется. Мне надо не надолго отъехать. Кто у вас за старшего?

- Я, - отвечает Алтай.

- Запиши мой номер. Если что - звони.

Борец диктует номер Алтаю. Садится вместе с этой дамой в машину и благополучно исчезает за воротами базы.

- Ну, че... веди нас в свои апартаменты, - говорит мужику Алтай.

- Ребята, не бейте меня, - ноет мужик.

- Да на хрен ты нам сдался. Будешь вести себя хорошо, ничего с тобой не случится. Ты главное не делай резких движений. Понял?

- Да, понял.

База была большая, но видно, что давно уже в запустении. Видимо из-за войны. Располагалась она рядом с какой-то речушкой. Имела несколько одно и двухэтажных корпусов. В одном из них и жил этот горемыка-сторож.

Прогулявшись по ее территории и поняв, что больше, кроме нас, тут никого нет, мы решили «остановиться» в комнате этого сторожа, который нам ее, по нашей убедительной просьбе предоставил. Благо она вполне для этого подходила. Там был телевизор, диван, кресла, плита, короче все, что надо для успешного проведения нашего задания. Но главное - она отапливалась. Отапливалась, кстати, углем. За которым этот мужик-сторож ходил в соседний сарай, под нашим чутким руководством.

Наступает вечер. Начало темнеть. С темнотой пришел и холод. Мы сидим в комнате, в засаде, смотрим телик. Ждем. Дружка этого мужика нет.

- Алтай, позвони Борцу. Узнай, скоро он там приедет и долго нам тут еще торчать? - обращаюсь я к нему.

Алтай набирает номер. В ответ - тишина. Связи нет. Начинаем набирать со своих мобильных, та же картина. Рации, по дистанции не достают. Че делать?

- Зашибись. Походу, мы тут надолго. Давайте решать, по сколько часов будем ночью стоять, если Борец не приедет. Час или два? - спрашивает Алтай.

- Предлагаю стоять по полчаса, - говорю я ему. Иначе мы тут все околеем. Не май месяц все-таки.

Куц и Грозный поддерживают эту идею. Решаем стоять по полчаса. Один на улице, у двери. Трое в помещении.

Стало совсем темно. Ударил мороз. Алтай, в целях конспирации, решает не включать по периметру и на территории базы свет. В итоге - света нет, связи нет, жратвы нет, Борца тоже нет... Как там в песне?...»Наша служба и опасна и трудна...?».

Что бы совсем не было скучно - смотрим телик. Яж ведь трохи розумию, шо вони там по своему зомбоящику гутарят? А там, по всем укруповским каналам, показывают и рассказывают, что еще не много, еще чуть-чуть и Укропия будет в Европе. Шо усе у них в принципе зашибись, и что если бы не Россия, то было бы еще лучше. Эту хрень я смотрел всю ночь. Других каналов не было. Смотрел конечно урывками на караул и сон. Под утро, я уже сам начал верить, что Украина, это самая лучшая страна на земном шаре, которая спасает Европу и весь остальной мир от России и конкретно Путина. Что в России был и есть тоталитарный, деспотичный режим. Что все мы там - ватники, москали и прочие кацапы, которые пытаются воевать с самой мощной украинской армией в Европе. Да че там в Европе... и в Азии тоже. Пытаются москали значит воевать, но у них ни хрена не получается.

Короче говоря, перед рассветом, я уже начал тихо ненавидеть Путина и хотеть срочно уехать жить в Хохляндию, потому как - це Европа!!!

Где-то в 12 часов ночи, тишину и телевизор прерывает Ваня Грозный, который до этого решил прогуляться и осмотреться по территории базы.

- Там, у ворот какое-то движение. Не понятно кто? Но кто-то точно есть. Я слышал, - говорит он нам.

Мы все вчетвером, закрыв предварительно мужика на ключ, и передернув затворы на своих АК, начинаем подкрадываться к месту, где эти самые ворота расположены. Прислушиваемся. Вроде никого. И тут Грозный в полный рост, в наглуую и в открытую, начинает переть к этим самым воротам, нарушая тем самым всю нашу маскировку и выдавая себя не видимому противнику.

- Грозный, стой,- шепчет ему Алтай. - Куда тебя понесло?

Но Ваня не реагирует. Ваня видит цель и к ней стремится. Подходит вплотную к воротам и оттуда нам докладывает, что противник не обнаружен.

Тут мы подходим уже все вместе к воротам. Алтай начинает популярно, с помощью русского фольклора, объяснять Грозному, что так делать не хорошо и что он нас только что чуть всех не подставил. Ваня соглашается с его доводами, обещает больше так не делать, после чего мы дружно толпой возвращаемся в нашу «располагу» на базе. Мужик на месте. Телевизор тоже. Продолжаем ставить опыты над собой, с помощью «просвещения» от укросми.

Так вот незаметно наступило утро, а за ним ушла бессонная ночь. Когда рассвело, мы увидели и поняли, что это было за движение у ворот? Ночью приезжал Борец. Но так, как ворота были закрыты, а света и связи не было, он дабы не искушать нас выстрелами по нему из автоматов, оставил нам пакет с провизией у этих самых ворот и уехал. Там был хлеб, колбаса, несколько банок тушенки и еще какие то консервы. Мы были спасены. Умереть от голодной смерти нам уже точно не грозило.

Примерно через час после рассвета появился тот, которого мы все так долго ждали. Пришел Серега - корефан нашего мужичка сторожа. Его мы заметили еще, когда он шел бодрим шагом от ворот. Шел прям к нам в руки.

- Ну, заходи дорогой. Всю ночь тебя тут караулим, - говорим мы ему.

Серега оглянувшись, как-то сразу обмяк, поняв что мышеловка захлопнулась и рыпаться бесполезно.

- Ребята, а шо случилось? - запинаясь, спрашивает он.

- А вот это ты нам щас и расскажешь.

- Я ничего не знаю. Шо вам надо? - чуть ли не кричит нам Серега.

- Да ты не бойсь, Сереж. Мы тебя не больно зарЭжем. Чик, и ты уже на небесах, - ржет Грозный, вертя в руке массивный нож. Грозный и сам со своей бородой и профилем, смахивает на кавказца, что дополняет колорита происходящему процессу.

У Сережи отказывают ноги. Тихо сползая по стеночке, он уже чуть ли не мамой клянется, что сам тут не причем и что это какая то ошибка.

Мне это все напоминает сцену из «Кавказской пленницы». Для полноты картины, не хватает только черного ворона на плече у Грозного.

Вспомнив, что мы еще не завтракали, достаем из пакета нашу провизию. Грозный, нарезая колбасу, начинает вспоминать, как он летом ходил с ножом, резать укропов на их блок-пост.

- Вань, вот скажи мне, - обращаюсь я к нему. Ты же вроде бы верующий человек. Как ты можешь убивать людей. Тебе разве вера твоя позволяет это делать?

- Тавр, конечно позволяет. Я же их любя убиваю, как ближнего своего. Отпускаю грехи их тяжкие, - отвечает Ваня, перекрещивается и, улыбаясь, смотрит на Сережу.

У Сережи уже легкая паника. Кажется, что он сейчас возьмет на себя не только директора этой базы отдыха, но и смерть принцессы Дианы.

- Может им очную ставку сделать? - размышляя, говорит вслух Алтай.

- Да, пусть пока этот сторож у себя там сидит. Там его Куц охраняет. Давай Борца лучше дождемся. Пусть сам с ними разбирается. Мы свое дело сделали, - говорю я ему, ковыряя ножом в банке с тушенкой.

Еще примерно через час приехал Борец.

Узнав, что второй фигурант этого дела схвачен и морально уже готов давать показания, он решил им устроит при нас, очную ставку. Привели сторожа. Обоих поставили на колени и стали наблюдать «театр двух актеров». Дословно я уже не помню, что они там кричали друг другу, но смысл был в том, что никто свою вину не признавал и каждый валил на другого. Хотя еще вчера, эти два субъекта вместе пили водку и клялись, наверное, друг другу в долгой и крепкой дружбе. Короче говоря, перспектива того, что сегодня может быть их последний день в жизни, их особо не радовала, и они отчаянно за нее стали бороться. Вначале словесно, а потом уже и на кулаках, между собой.

- Ты глянь, Тавр, че творят? - улыбаясь, говорит мне Грозный.

- Ага, сам в шоке. Ты сало будешь? - спрашиваю его.

- Нет. Я уже наелся.

Тут заходят Алтай и Куц. Смотрят на этих двух клоунов, стоящих на коленях и на Борца, который упорно начинает с помощью русского мата и физического воздействия, давить им на «чистосердечное признание».

- Че у вас тут происходит? - спрашивает Алтай.

- Да сам щас все увидишь. Вы есть то будите? Тут вот сало, колбаса, хлеб - говорю я ему.

- Ага, будем. Жрать охота.

- Ну, тогда устраивайтесь по удобнее, в первый ряд. Тут вот концерт идет, по заявкам телезрителей.

Если уж быть до конца откровенным, то на роль похитителей директора базы, эти два бомжа ну никак не тянули. Максимум на что были они способны - это стырить то, что плохо лежит.

Еще ночью, этот мужичок-сторожевичок, в спокойной беседе, жаловался нам на свою не легкую судьбу охранника данного «поместья». Выяснилось, что когда его тот самый директор пропал и зарплату ему платить перестали, он что бы как-то выжить и прокормится, начал продавать по мелочи вверенное ему на базе имущество. На то и жил собственно.

Еще немного побуцкав этих двух и поняв, что в сознанку они не идут, Борец решает выдвигаться в Алчевск. Мы собственно тоже уже давно хотели вернуться в родную располагу, потому как этот весь цирк нам порядком уже поднадоел.

Грузим этих клоунов в багажник. После чего, благополучно отчаливаем в обратный путь.

Наша миссия выполнена. Спец-задание успешно проведено. Все «плохие парни» схвачены и отфигачены.

Вечером, по возвращении в роту, на построении, Дамир как лицо особо приближенное к Стилету, торжественно объявляет нам, от имени Борца, благодарность за проделанную работу.

- А медали давать будут? - слышен из строя голос Вани Грозного.

- Я уточню. Думаю, что да, - отвечает ему Дамир.

Алтай и Куц возле нашей располаги. Алчевск

ПЕРЕМИРИЕ

- начало декабря 2014 года.

Вы помните то самое перемирие, которое было объявлено, дай бог памяти, 9 декабря 2014 года? Нет, не помните? Ну, да это не удивительно, потому что к тому времени оно уже было не первое, не второе. И как оказалось - не последнее.

К декабрю 2014 года линия фронта была уже давно стабильной. Не стабильной была только обстановка на этом самом фронте. Впрочем, такой она была и до и после этого перемирия. Такова она есть и сейчас. Если же, кто не верит, тот может запросто оторвать свою попу от дивана, от компа, за которым вы это все читаете и поехать проверить, как там оно сейчас? Что, не хочется отрываться, да? Ну, тогда «дорогой читатель», возьми из холодильника себе еще пивка...устраивайся на диване по удобнее...и слушай. Слушай и запоминай.

Есть такое красивое слово - «пропаганда»... Пропаганда (лат. *propaganda* дословно — «подлежащая распространению (вера)», от лат. *propago* — «распространяю») — в современном политическом дискурсе понимается как открытое распространение взглядов, фактов, аргументов и других сведений для формирования общественного мнения или иных целей.

Я к чему это? Пропаганда - вещь серьезная. Она воздействует на мозги и как следствие, на последующие действия людей. Пропаганда была, есть и, конечно же, будет всегда! Она была у нас при Союзе. Есть она и в современной России, на Украине, в Африке, Америке... даже среди папуасов Новой Гвинеи. Вот только, в разных странах она называется по-разному. Но она есть!!!

Ну, вот допустим. Возьмем, к примеру, наши гуманитарные конвои, в белых «Камазах». Каждый раз нам о них рассказывают и даже показывают... по телевизору. Каждый раз нам их демонстрируют с разных сторон. А вы их сами видели? Я лично - нет... Вернее, по телевизору они, конечно, едут, пылят, гудят, пересекают границу Донбасса, а после... растворяются в тумане. Повидимому их крайняя точка - это Луганск, потому как в Алчевске, я ни одного из них не видел. Но справедливости ради скажу, что я замечал ту самую продукцию, что они везли. На рынках! Но никак не на складах нашего «Призрака». До нас эти «Камазы» просто не доезжали... Наверное, в высоком российском руководстве

решали тогда, что наш «Призрак» и так справится с укропами, без всякой гуманитарки. Мы же призраки. Питаемся святым духом и идеями о великом и светлом. Нахрена нам еще и гуманитарка, правда? А то, что на одной идее, далеко не уедешь и сыт не будешь, это высокое руководство особо не парило. Мне это все напоминало анекдот про суслика.

- «Вась, ты суслика на картине видишь?»

- Нет, не вижу.

- А он, сука, есть.

Особенно забавляло смотреть по тв, как украинские погранцы, якобы эти «Камазы», на границе проверяют. И все бы ничего, но абсурдность ситуации в том, что украинских пограничников, на границе России и Донбасса нет!!! Ну, вот совсем нет. Я уж не знаю, куда они там деваются? Может, прячутся, когда мы переходим границу. Может, шифруются под ополченцев? Но мне они, как-то не попадались.

Но я отвлекся. Вернемся к перемирию. Перемирие - это та же история с сусликом. На бумаге оно вроде бы есть, а в реальности его нет!!! Потому как стреляют все. Укропы по нам, мы в ответку - по ним. И наоборот. Различие иногда бывает только в калибре стреляющего оружия. Это вот самое перемирие было, аккуратно между двумя Минскими соглашениями. Минск -1 к тому времени был окончательно похерен и забыт, а Минск-2, будет только через два месяца. В феврале 2015 года (когда будет идти полным ходом штурм Дебальцево). Но тогда мы о нем еще конечно не знали...

Тогда же, в моем сознании произошли определенные выводы об увиденном. Уже тогда мне стало понятно, что идет большая игра. И что на этой самой игре, мы всего лишь пешки. Пешки, которых не жалко.

После таких вот не утешительных выводов у меня родился тот самый стих, который некоторые из вас уже возможно читали. Написан он был мной, в том самом декабре 2014 г. С тех пор прошло уже полтора года. Но актуален он, к сожалению, и сейчас...

Новороссия, Новороссия...

Быть тебе на земле, иль не быть?

Что ответишь ты нам, если спросим мы,

Сколько нужно еще схоронить?

Сколько времени, крови истратишь ты,
Зарождаясь в донбасских степях?
Нет отца у тебя и нет матери.
Только дух, только воля и страх.

Страх за то, что «сольют» и откажутся,
От тебя, кто стоял за спиной.
Есть ли ты, или только нам кажешься?
Как туман над лазурной рекой.

Мы с тобой, кто поверил в создание,
Той страны, где не будет войны,
Но крадется змеей в подсознание,
Что другого нам нет уж пути!!!

Перемирие, перемирие...
Сколько было их, сколько прошло?
Лишь огонь, лишь обман и насилие,
Бьется в двери, стучится в окно.

Снова «Грады» и бой артиллерии.
Скажут укры, - «То были не мы!»
И стучится в висках по артерии,
Эхо русской и долгой весны...

Той весны, что подняла нас на ноги.
И сказала – «нацистам капут».
И стреляли по нам и мы падали,
Веря в то, что тебя «не сольют».

Краматорск, Иловайск и Макеевка.
Волноваха, Шахтерск, Антрацит.
И тот мост, что был возле Авдеевки,
Где Серега от взрыва убит.

Это все города Новороссии,
Там, где мины косили людей,
Что ответишь ты нам, если спросим мы,
Сколько нужно еще нам смертей?

Гуманитарный конвой

ОТПУСК

- конец декабря 2014 года. Алчевск.

Ближе к новому году, я уже начал скучать по жене, Москве и по всему тому, что с ними было связано. По жене, правда, сильнее. Плюс, конечно же, отсутствие активной фазы боевых действий и очередное перемирие накладывало отпечаток на то, что мысли о доме стали посещать меня все чаще и чаще. Короче, я решил съездить в отпуск, пока пиф-паф на Донбассе не начался без меня. Как-то не хотелось сие мероприятие пропускать. И как покажет время, без меня правда не началось. Но об этом чуть позже. А пока...

Я собрался в отпуск. Но одному ехать не хотелось. Впервые, мало ли чего там, в дороге, может случиться? А вторых... просто одному скучно как-то. Мне нужна была компания. И она нашлась - Клокер.

Клокер - молодой и веселый парень, недавно пришедший из армии. Тоже из России. И ему тоже захотелось в отпуск. К родственникам, в Воронеж. Недолго думая, мы решили ехать вместе. Маршрут выбрали короткий и почти прямой: Алчевск - Луганск - Изварино - Каменск-Шахтинск, дальше билет на поезд... и ту-ту. Но одно дело спланировать, другое - этот план осуществить. Короче, обо всем по порядку.

Мы с Клокером, предварительно взяв увольняшку на отпуск у Стилета, и собрав свой не большой скарб, стартовали из Алчевска в сторону России.

- Тавр, как поедem и на чем? - интересуется Клокер.

- На пароходе. Через Крым, - отвечаю ему.

- Так там же укропские блокпосты. Может лучше через Ростов?

- Ну, если укропы, то поедem тогда через Турцию.

- Ты прикалываешься, да?

- Конечно, да, - уже не сдерживая смеха, отвечаю я. Через Изварино будем выходить. Правда, не знаю, выпустят ли меня?

- Почему могут не выпустить?- интересуется Клокер.

- Так я же сюда по «черному» заходил. Через поля и огороды. Поэтому на границе могут возникнуть вопросы.

Стартовать решили с утра, что бы границу перейти можно было днем. Едем по форме. На рукавах шевроны «Новороссии» и «Призрака». В Алчевске сели на автобус до Луганска. Тот привез нас на луганский ж/д вокзал. Вернее вокзал есть, но поезда из-за войны не ходят.

- Как до Изварино доехать? - спрашиваем у водителя нашего автобуса.

- Вон там видите, маршрутки стоят. Туда идите. Правда они ходят не часто сейчас, - отвечает он.

Подходим. Нам говорят, что следующая отправится где-то минут через сорок. Решили переждать в здании вокзала.

Минут через десять к нам подходит какой-то тип по гражданке.

- Ребята, вы я вижу из ополченцев. Будьте повнимательней тут, - говорит он нам.

- А в чем дело? Что-то не так?

- Я из службы безопасности вокзала. Мы тут только что одного задержали. Следил за вами. Зачем? Будем выяснять. Вы бы лучше не выходили пока на улицу курить. Мало ли что.

Мда, вот это новость. Только приехали, а уже слезка.

- Клок, ты понял. Когда пойдешь курить, сильно не затягивайся. Мало ли что.

Сделав пару фото на память, о нашем не долгом пребывании на Луганском вокзале, мы сели в маршрутку и двинули дальше. В сторону Изварино, через Краснодон.

В Изварино мы прибыли примерно в обед. То есть по времени успевали пройти границу. Подходим к шлагбауму с нашей, новоросской стороны. Здороваемся, обнимаемся с ополченцами, что дежурят там.

- Вы «призраки» что ли? - обращаются те к нам, видя наши шевроны.

- Они самые. Вот домой едем, в отпуск, - отвечаем мы.

- Случайно ничего из «железа» не везете? Проверьте хорошо карманы и сумки.

- Да вроде уже проверили все.

- Нам-то все равно, - улыбаются пацаны. Просто если российские погранцы найдут, могут быть проблемы. У нас тут не-

давно фейсы одного придурка приняли. Гранаты в сумке вез, на Родину.

- И че с ним стало?

- Мы не в курсе. Расстреляли, наверное, - ржут ополчуги.

- Клок, ты свою гаубицу в оружейку сдал? - кричу я Клокеру.

- Не-а, она всегда при мне, - смеется тот.

Ржем уже все вместе.

- Ладно, парни, хорошо вам отдохнуть там. Проходите, - говорят нам ребята.

Мы прощаемся с ними и проходим уже непосредственно на территорию Изваринской таможни. Нас встречают другие ополченцы. Просят пройти вовнутрь здания, для досмотра вещей.

Заходим. А там все черное. Копоть на стенах и сгоревшие перекрытия крыши, напоминают мне, что летом тут шли жесткие бои с укропами.

- Жарко тут у вас летом было, да? - кивая на потолок, обращаюсь я к одному из проверяющих нас бойцов.

- Да, не то слово. Вот, все никак времени нет, ремонт тут сделать. Вы уж не в обиду парни, но сумки ваши мне надо проверить. Тут у нас много разных чудиков бывает, которые «железо» везут.

- Да какие обиды. Мы понимаем, - отвечаем мы... И кладем свои с Клокером сумки на стол, для досмотра.

После проверки, прощаемся с бойцом и идем уже к российским погранцам.

В пункте пропуска сидит милая девушка в погонах. Даю ей, улыбаясь, свой паспорт. Та пробивает его по компьютеру и через минуту удивленно обращается ко мне:

- А вы, как на Донбасс то попали? Вас же нет в базе. Вы как заходили?

- А мы это... как все, на танках, - еще шире улыбаюсь ей в ответ.

- Понятно (легкая улыбка). Запрещенное что-то в сумках везете?

- Нет, конечно. Честное пионерское. Все что было, все, что нажито непосильным трудом, все оставили. Мы же понимаем.

- Ладно, проходите. Только сумку на ленту, для проверки поставьте, - говорит она, возвращая мне паспорт.

Кладу свою сумку на ленту сканера. Все нормально. Гранаты, автоматы и танки не обнаружены. Можем двигать дальше.

Луганский вокзал. Декабрь 2014 г.

Клокер возле Луганского вокзала

Выходим с территории КПП, за шлагбаум.
Ну, привет Россия!

Рядом с нами тут же останавливается старенькая «Волга».

- Ребята, вам куда?- обращается к нам мужик пенсионного возраста.

- Нам в Каменск-Шахтинск, - отвечаем ему.

- Ну, до него не довезу. А вот до Донецка могу подкинуть.

- Да у нас это... с деньгами как-то не очень.

- Да какие деньги. Вы о чем? Я же понимаю, что вы с той стороны. Садитесь, а то таксисты на меня уже косятся.

Кидаем сумки в багажник. Садимся. Едем. По дороге разговорились.

- Вы в отпуск или насовсем? - спрашивает мужчина.

- В отпуск.

- Понимаю. Война войной, а домой тоже хочется. Да?

Мужику явно охота поговорить. Я в принципе тоже не против общения. Тем более, что самому интересно кое что спросить.

- Скажите, а вы местный? - обращаюсь я к нему.

- Да. В Донецке живу.

- И как тут летом было? Беженцев, правда, много шло?

- Да не то слово. Народу было тьма. И днем и ночью шли.

Старики, бабы, дети, мужики.

- И что, много мужиков было?- снова спрашиваю я.

- Да хватало. Моя бы воля. Я их через границу бы не выпускал.

- Это почему?- удивляюсь я.

- Да на них пахать можно, а они через границу все ломались.

Беженцы, мать их за ногу. Тьфу, противно было смотреть на это, - чуть ли не матерится мой собеседник. Да если бы не моя нога, я бы сам пошел воевать. А эти. Как стадо какое-то, впереди баб без очереди лезли.

- Так может они тоже не годные к войне? - улыбаюсь я.

- Ага. Как водку жрать, так все годные. А как воевать, так некому, - сокрушается мужик.

- Бог им судья. А женщин и детей много было? - задаю снова я вопрос.

- Да. Я же их всех, вот на этой самой «Волге», в Донецк возил. Бесплатно конечно. Я же понимаю. Людям надо было помочь,

мы же тоже русские. В день по несколько ходок делал. У меня на той стороне тоже родственники. Слава богу, все живы.

- А вы, как я понял, добровольцы, ребята? - интересуется он.

- Ага, они самые. Бригада «Призрак». Слыхали про такую?

- Это там, где командир Мозговой? Конечно, знаю, - улыбается пенсионер. У меня самого знакомых много, кто тоже в добровольцы ушел. Еще летом, когда сильные бои шли. Сосед мой с работы уволился и туда уехал. Сейчас, где-то под Донецком воюет. Есть еще знакомые, кто вместо отпуска на море, поехал на Донбасс... Мы же все понимаем. Раз надо, значит надо.

- Вопрос только, кому это надо? - озадачиваю я его.

Мужик явно смущен поворотом разговора.

- То есть, как это кому? - искренне удивляется он. - Нам это надо, русским. Родине надо.

- То, что нам это надо, согласен. Иначе бы я сюда не приехал.

И, вот, он тоже (киваю я на Клокера, который сидит молча на заднем сиденье, рассматривая местный ландшафт). А вот Родине... Уверен, что нам потом скажут, что Родина нас туда не посылала. Типа это был наш выбор. Личный. Так что плевать Родина хотела, на то, что мы там делаем. Спасибо, что хотя бы статью нам не «шьют» за Донбасс.

- Сынок, я не понимаю тебя. А как же тогда - «русские своих не бросают?»

- Ну, так мы и не бросаем. Поэтому сюда и едем. Вот сейчас отпуск отгуляем и вернемся.

Минут через 20 мы уже были в Донецке.

- Спасибо вам ребята, за то, что вы делаете. И удачи, - прощаясь, говорит нам мужчина.

- Это вам спасибо, что довезли, - благодарим мы его, забирая свои сумки из машины.

Оглядевшись, замечаем на остановке не большую кафешку.

- Клок, давай перекусим. А то жрать что-то хочется. С утра же не ели.

- Давай, конечно. Может, по пивку возьмем? Я его уже сто лет, кажется, не пил, - улыбается Клокер.

- А давай. Я тоже уже забыл, какое оно на вкус?

Берем по шаурме и бутылочке пива. Откупориваем их и чокаемся.

- Ну че, Тавр. С возвращением тебя на Родину что ли, - ржет Клокер.

- Ага, и тебя тоже.

После уничтожения шаурмы и пива садимся в автобус и двигаем дальше, в Каменск. Примерно через полчаса пути, автобус нас привез туда, куда моя нога впервые ступила в начале ноября 2014 года. Мы прибыли на ж/д вокзал славного города Каменск - Шахтинск.

На подходе к вокзалу с нами здороваются местные шерифы и просят пройти с ними в комнату милиции для досмотра.

- Ребята, да нас уже два раз проверяли, на границе. Нет у нас там ничего запрещенного и интересного для вас. Все запрещенное оставили там, на Донбассе, - говорю я им.

- Мы понимаем. Но у нас свои указания от начальства. Всех ополченцев приказано досматривать.

- Уф...д а у меня там все сложено аккуратно, по пакетам. Кто это все потом упаковывать будет, вы что ли? - начинаю возмущаться я.

Но делать нечего. Идем с Клокером в комнату милиции. Приходится все доставать из сумки. Менты тщательно, но аккуратно все шмонают. Слегка при этом даже расстраиваясь, как мне показалось, что ничего у нас не нашли.

- Можете упаковывать обратно. Все нормально, - говорят они нам.

Матерясь про себя, складываем с Клокером все обратно в сумки.

Выходим из комнаты. Идем на кассу брать билеты. Я до Москвы, а Клокер до Воронежа. Из всех проходящих поездов, что останавливаются в Каменске, ближайший только поздно вечером, а у нас на часах послеобеденное время. Делать нечего. Берем билеты на 22.40. На поезд Владикавказ - Петербург, идущий через Москву.

И тут, сзади по плечу, меня кто-то хлопает. Первая мысль - опять менты. Оборачиваюсь. Передо мной стоит, улыбаясь, Охотник. С ним мы были в роте СБ «Призрака». Потом наши дороги ненадолго разойдутся... А после уже снова сойдутся - в личной охране нашего комбрига. Но тогда, в декабре 2014 года, мы конечно еще об этом не знали...

- Тавр, здорова! Вы, как тут оказались?

- Так мы в отпуск. Только вот приехали.

- Так и я тоже. Вы на чем добирались?

- На автобусах. А ты как?

- А меня наши на машине, до Изварино. Что же вы не ска-
зали?

- Так, а мы откуда знали, что ты тоже едешь?

- Вы билеты уже взяли?

- Ага. На питерский поезд. Раньше все равно ничего нет.

Краем глаза замечаю, как в нашу сторону, двигаются те же менты, что полчаса назад шмонали нас с Клокером. Киваю Охотнику.

- Это, похоже, к тебе товариСЧи, - улыбаюсь я. - Нас уже проверили. Твоя очередь, - ржем мы с Клоком.

- Так меня на границе уже проверяли вроде, - пытается возмутиться Охотник.

- А это их не еб...т. У них свое кино. Так, что топай.

- Ваши документы. Пройдемте для досмотра, - обращаются к Охотнику местные шерифы.

Охотник понимая, что сопротивление бесполезно, уходит с ними туда, где полчаса назад мы были сами.

Мы стоим с Клоком рядом и наблюдаем процесс шмона, но уже со стороны.

- Да я все понимаю. Надо, так надо. Сам из службы безопасности. Бригада «Призрак». Слышали, наверное? - обращается к шерифам Охотник, выкладывая все из своей сумки.

- Да, слышали, - отвечают ему менты без всякого на то интереса.

Я стою, смотрю на все это действие и понимаю, что им в принципе похрен, откуда мы? Хоть из Гондураса. И что делается там, за «ленточкой», им особо тоже неинтересно. У них своя война, у нас своя!!!

После проверки ментами содержимого сумки Охотника и покупки им билетов на тот же поезд, нам как-то предстояло «убить время» до него.

Решили прогуляться по городу.

Стемнело. На дворе декабрь. Морось. Снега нет. Пошли в сторону центра, как мы тогда решили. Идем втроем, по вечерне-

му, мирному российскому городу. Разговариваем. Делимся впечатлениями за день. И вроде бы все хорошо. Впереди отпуск и т.д... но что-то не то.

- Парни, а у вас тоже ощущение, что чего-то нам не хватает?
- спрашивает Охотник.

- Ага. И я даже знаю чего? – улыбаясь, отвечаю я ему.

- Чего же?

- Автомата на плече и разгрузки с бк на груди.

- Точняк, - смеется Клокер. - У меня те же чувства.

После некоторой прогулки по городу мы пришли к мысли, что это не наша тема.

- Предлагаю посидеть, отметить начало отпуска и встречу в каком-нибудь кафе, - говорит Охотник.

- Я не против, вот только где? - спрашиваю его.

- Можно в кафе, что рядом с вокзалом, - отвечает за него Клокер.

Короче, сообща решаем, что «встреча на Эльбе» должна состояться в кафе возле вокзала. Во первых, это рядом с местом остановки нашего транспорта, а во вторых... какая разница, где? Главное, что вместе.

Через 15 минут мы уже сидели там и отмечали первый день нашего отпуска. Подробности описывать не буду. Главное то, что вечер прошел в братской и дружной компании.

Скажу честно, не пил я с тех пор, как уехал из дома на Донбасс. Дело в том, что у нас - в «Призраке», был сухой закон. Его нарушение каралось жестко. Самое слабое из наказаний было - это несколько нарядов по роте. В худшем случае, можно было загреметь на подвал, с последующим отчислением из рядов вооруженных сил Новороссии. Вспоминается, как тот же Клокер вместе с Белым решили провести подобный эксперимент и выпили прямо в расположении. Дело было в субботу, когда разрешались увольнения и прочие послабления. Их «спалили». Помню, как Стилет вывел Клокера перед строем и при всех рассказал, что с ним будет за эту провинность. Белый не вышел тогда вовсе. Потому как был не в состоянии. В итоге обоих тогда пожалели и отправили дежурить по роте. Неделю! После этого Белый перевелся в другое подразделение, но Клокер остался. Это был чуть ли не единственный такой случай употребления алкоголя на моей памяти, в нашей

роте, за мое время пребывания там. Ну, если, конечно, не считать Михалыча. Но об этом, возможно, после. Не сейчас.

Наш поезд пришел во время, по расписанию. Под парами выпитого коньяка и морозного, свежего воздуха, мы дружно и весело грузимся в вагоны. Мы - это я и Клокер. Охотник едет с нами, но уже через один вагон от нас. После проверки билетов. Клок решает навестить Охотника в соседнем вагоне и продолжить «отмечание» отпуска.

- Тавр ты как, со мной? - обращается он ко мне.

- Не, брат. Я спать. И тебе того же советую. Тем более, что тебе утром выходить. Помнишь?

- Да помню я. Короче, я ненадолго. Туда и обратно. Узнаю только, как он там и обратно.

Клокер ушел, но обещал вернуться. Я же залез на свою верхнюю полку и уснул.

Проснулся я от того, что меня толкает проводница.

- Молодой человек, проснитесь.

- Что случилось? - спросонья спрашиваю я ее.

- Я не могу разбудить вашего друга. Ему через полчаса выходить. Скоро Воронеж.

- Не вопрос. Ща разбудим...

- «Рота подъем!!!» - кричу я Клокеру в ухо.

Клок сразу вскакивает.

- Что случилось, где я? - не понимает он.

- На подводной лодке. Сейчас будем всплывать. Воронеж на горизонте.

Клок спрыгивает со своей полки и начинает лихорадочно собираться.

- Тавр, ты случайно мой паспорт не видел? - с надеждой спрашивает он.

- Последний раз я его видел на таможне. Ищи давай хорошо.

Но паспорт так и не нашелся. В итоге Клокер прощается со мной и выходит на Воронежский перрон, но уже без него.

Впоследствии, как он мне потом сам рассказывал, возвращался он на Донбасс уже «по-черному». Границу перешел по пояс в ледяной воде, вброд. Ночью. Где-то в районе Изварино. Вышел на дорогу и пешком добрался до Луганска. Тяга попасть обратно на Донбасс, причем в свою роту, у парня была огромная. И он попал. Но это уже отдельная история.

Утром меня разбудил Охотник.

- Тавр вставай. Ты как после вчерашнего. Нормально?

- Да вроде ничего. Ты в курсе, что Клок свой паспорт прое...л? Вы долго с ним там сидели?

- Блин, не помню. Мы еще одну взяли. Потом я спать лег, а он к себе пошел. Короче, вставай. Я тебя жду. У меня там еще осталось.

Примерно через полчаса после водных процедур я уже сидел в вагоне у Охотника. Второй день отпуска начинался с того же, с чего закончился первый.

На одном из перронов, когда вышли покурить, мы встретили еще одного бойца нашей роты (правда бывшего) с позывным - Немец. Тот, оказывается, тоже ехал в нашем поезде и тоже в отпуск.

Остаток дня прошел в дружной и веселой атмосфере. Весь вагон радовался вместе с нами.

В Москву поезд прибыл вечером. На вокзале меня встречала любимая жена. Встречала в надежде на то, что я уже больше не вернусь на Донбасс... Но я вернулся!

Вернулся после новогодних праздников. А тогда, в декабре 2014 года, стоя на перроне Казанского вокзала и обнимая жену, я еще не знал, что впереди у меня снова будет Алчевск.

А еще Луганск, Новоазовск, служба в личной охране комбрига Мозгового, Ломоватка... ДЕБАЛЬЦЕВО... и много, много чего еще!!!

Вокзал Каменск-Шахтинска

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ВОЙНУ

- 11 января 2015 года. Москва. Казанский вокзал.

Я возвращаюсь на Донбасс. Возвращаюсь туда, откуда могу уже никогда не вернуться. Я это знаю. Знаю, но все равно возвращаюсь. Какая-то непреодолимая тяга и сила гонит меня туда, где смерть, кровь и боль потерь. Я не знаю, как это объяснить? Но я точно знаю, что мне пора возвращаться. Я нужен там. Я в этом просто уверен.

Позади новогодние праздники. Елка. Салют. Новогодний стол. Красивая, сверкающая огнями, мирная и сытая Москва... Рядом со мной, на перроне, стоит жена. Стоит и плачет. Она второй раз уже провожает меня на Донбасс.

Я еду не один. Со мной едет Макс, он же - «Москаль». Мой брат по оружию. Мы с ним из одной роты. Из роты СБ бригады «Призрак». Он тоже ездил в отпуск, как и я. Только уехал на пару дней раньше. И его тоже провожают. Его девушка.

Мы стоим вчетвером на московском перроне. Прощаемся. Идет снег. До отхода поезда еще 15 минут.

- Я знаю, что с тобой все будет хорошо, и ты вернешься. Правда? - спрашивает меня жена, как бы успокаивая вслух саму себя.

- Зай, ну конечно я вернусь, - улыбаюсь я ей в ответ. - Что со мной случится?

- Я буду за тебя молиться каждый день, - вытирая слезы, говорит мне она.

- Спасибо, родная. Все будет хорошо. Не плачь.

Я замечаю, что к вагону бегут двое. Мужчина и женщина. Замечаю их еще издали. И по мере приближения понимаю, что эти люди - мои родители.

- Это я им позвонила, сказала, что ты сегодня уезжаешь, - как бы оправдываясь, говорит моя Маринка.

- Зай, ну зачем? Не надо было. Ни к чему все эти проводы.

- Затем, что они тоже хотели тебя проводить. Не на курорт ведь едешь отдыхать. И не спорь. Так надо.

Мать с отцом, запыхавшись, подбегают к вагону. Я их обнимаю. Целую.

- Ели успели. Думали, опоздаем. Ну, здравствуй, сынок. Здравствуй, Марина, - обращается к нам моя мама.

- Сколько еще до отправки? - спрашивает она у проводницы.

- Через 10 минут отправляемся, - отвечает та.

Я стою, смотрю на них. Улыбаюсь.

- Mam, ну зачем?

- Что значит зачем? Что за глупый вопрос. Ты на войну, кажется, едешь. Я что, не могу уже проводить своего сына?

- Да, Юр. Не говори ерунду. Вот, когда твои дети подрастут, ты нас поймешь, - вступает в разговор отец.

- Ладно, не буду с вами спорить. Все равно уже пришли.

- Ты все с собой взял, что необходимо там, ничего не забыл? - спрашивает мама.

- Да. Все на месте. Остальное получу там.

- Я ему котлет нажарила и пирогов сделала, сало в дорогу положила, - говорит жена.

- Да, мам. Меня провизией снабдили на неделю вперед. С голода я точно не умру.

- Через пять минут отправление. Просьба, провожающим покинуть вагон, - кричит проводница.

- Ну, пора - говорю я своим близким.

Обнимаю, целую жену.

- Я тебя люблю, Зай. Помни об этом.

- Я тебя тоже. Возвращайся поскорей. Я буду тебя очень сильно ждать.

Целую мать, отца. Москаль прощается со своей девушкой. Заходим в вагон. Садимся в купе.

Они так и стоят, все вчетвером на перроне. Машут нам в окно. Мы им тоже. Снег медленно кружится и ложится на их плечи. Поезд трогается с места. Ну, с богом. Поехали.

За окном догорает, январский зимний день. Мелькают дома и огни Москвы. Завтра люди в этих домах проснутся и поспешат по делам. Каждый по своим. Я же завтра буду уже далеко от сюда. Я снова еду на войну.

Достаю из кармана телефон и начинаю быстро писать. Пишу жене. Стихи.

Ну вот и все. Сажу в вагоне.

Я снова еду на войну...

Твой взгляд ловил я на перроне,

Что бы сказать, как я люблю.

Люблю встречать с тобой рассветы,
Закат, восход и даже день.
Кричать из кухни:
«Зай, ну где ты?»
А в мае приносить сирень...
Как жаль, что мал был этот отпуск,
Мне снова нужно на войну.
Ты знай, что я тебя родная.
Одну люблю, боготворю!
Ты мой родник в пустыне жаркой,
Бронежилет в тисках огня.
Моя ты радость и надежда.
Моя ты жизнь, моя судьба!

- 12 января 2015 года.

Наш поезд прибывает на станцию Каменская.

Проводница открывает дверь вагона и мы, вместе с Москалем, вдыхая морозный воздух, выходим на вокзале славного города Каменск-Шахтинск.

Нам нужно успеть добраться до границы. Пройти таможенню. И дальше на запад. К своим, в Алчевск.

- У тебя запрещенное что-то есть? - спрашиваю я Макса.

- Да ничего особенного. Если не считать пять ножей. Три из которых метательные.

- Ахринеть, - смеюсь я. - А че так мало взял?

- Да мне и пяти пока хватит - улыбается Москаль.

- А ну, покажи.

Макс ставит свой армейский рюкзак на лавочку и начинает вытаскивать ножи. Повертев их в руке и оценив «на глаз» убойную и пробивную силу, говорю ему:

- Спрячь получше. Пограницы, если найдут, могут забрать.

Сам знаешь.

- Да, я в курсе, - отвечает мне Макс, засовывая обратно ножи в рюкзак.

До границы добрались без проблем. Тем же маршрутом, что мы ехали с Клокером в декабре. Сели от вокзала на местный автобус, который нас довез до Донецка. Нашего Донецка, российско-

го. А не того, про который ты сейчас, читатель, подумал. Оттуда уже местный «бомбила» довез нас до Изварино.

Выходим из машины. Достаем свои рюкзаки. Встаем в очередь на прохождение таможни. Праздники уже закончились, поэтому народу не много. Дежурный «по шлагбауму» дает команду на проход. Идем вместе со всеми к таможенному пункту. Идем во всей красе. То есть по форме. Проходим паспортный контроль. К нам тут же подходит пограничник. Молодой лейтенант.

- Ребята что у вас там, в рюкзаках?

- Командир, да ничего такого, только личные вещи, - улыбаясь, говорит ему Москаль.

- Откройте, я посмотрю.

Макс ставит свой рюкзак на лавочку, развязывает его. И первое, что мне и погранцу попадает на глаза, это торчащая из него рукоятка ножа, который он «хорошо спрятал». Примерно 5 секунд длится немая сцена.

- Ээээ... командир. Это чисто подарок. Просили передать. Нож охотничий. Ничего такого.

- Охотничий говоришь? - обращается к нам лейтенант, вытаскивая из рюкзака Макса еще один.

- А тогда это какой?

- Командир. Это метательный. Ну, сам понимаешь. На ту сторону едем, - оправдывается Москаль.

- Я понимаю. У вас тоже такой же набор? - обращается ко мне лейтенант.

- У меня только один. Тоже охотничий, - улыбаясь, говорю я ему, вспоминая про подарок жены на новый год.

- Ладно. Проходите. Счастливой охоты вам!

- Спасибо, - отвечаем чуть ли не хором мы. Завязываем свои рюкзаки и быстрым шагом выдвигаемся в сторону пункта пропуска ополченцев.

Здороваемся с ними. И проходим за шлагбаум.

Все. Мы снова в Новороссии!

Рядом с нами останавливается старенькая девятка.

- Парни, вам куда? - обращается к нам молодой водитель.

- Нам до Алчевска.

- До Алчевска не могу, а вот до Краснодона подкину. Там, на развилке выйдите, вас кто-нибудь подберет.

Я и Москаль

- Ну, если так, то поехали. Сколько стоит? - спрашиваем его.
- Да какие деньги. Обижаюте. Кидайте сумки. Поехали.
Кидаем сумки. Едем. По дороге общаемся о том, о сем. В основном о том, как тут было раньше и как стало сейчас. Какие настроения у мирного населения, что изменилось после нового года и т.д.

Примерно через полчаса мы уже в Краснодаре.

- Я вас на выезде из города высажу, на развилке. Тут все машины проезжают, кто едет в Луганск. Не переживайте, стоять не долго будите. Счастливо вам и удачи!

- Спасибо, брат. И тебе всего хорошего, - говорим мы ему, выходя из девятки.

Парень оказался прав. Не успели мы подкурить сигарету, как возле нас тормознул черный джип «Лэндкрузер».

- Мужики садитесь, подвезу. Вам куда? - кричит нам человек с водительского сиденья «Тойоты».

Переглянувшись с Москалем и поняв, что это он обращается к нам, отвечаем:

- Нам до Алчевска. Только у нас с деньгами не очень.

Парень выходит сам из машины. Подходит к нам. Здравается.

- Да какие деньги. Я же вижу что вы по форме. Значит свои. Куда путь держите?

- В Алчевск.

- Я могу только если до Луганска. Кидайте сумки в багажник. Поехали.

Кидаем сумки. Едем.

- Сами из какого подразделения?- обращается он к нам.

- Бригада «Призрак», - улыбаемся мы.

- Ух ты! У Мозгового что ли? Классный мужик. Уважаю.

- Ага. У него самого. Вот из отпуска едем.

- Я сам из ополченцев, - продолжает он. Из Лисичанска я. Стоим щас за Луганском. Батальон «Дон». Слышали?

- Да, конечно. И как там у вас?

- Да по-разному. Ждем наступления. Пацаны все в бой рвутся. Но пока тишина. Я сам семью свою в Каменск-Шахтинск переправил. Подальше от этого дурдома. Вот мотаюсь к ним, по возможности.

- Мы вот тоже пока сидим на попе ровно. Сейчас в распоряжении приедем, узнаем, как там да что?

- Вы когда уже этого урода за кадык возьмете?- неожиданно меняет разговор ополченец.

- Это которого? - не понимая вопроса, удивляемся мы.

- Как которого? Плотницкого, конечно. Все, сука, уже под себя подмял, - матерится «наш водитель». - Ничего не боится, тварь. Даже Москвы. Сеть магазинов свою открыл. «Народный» называется. Гуманитарку там внаглую сбавливает.

- Да, мы в курсе. Так, а вы сами-то чего его не арестуете? Вы же тут, в Луганске практически дислоцируетесь.

- Так приказа нет.

- Так и у нас его нет. Вот комбриг даст приказ, тогда да. А пока сидим, ждем «у моря погоды».

Но Мозговой такого приказа так и не отдал. Ни в феврале, после освобождения Дебальцево. Ни в марте, после первого покушения на него...

А в мае пришел уже другой приказ - убрать его самого...

Его, Алексея Борисовича Мозгового - командира бригады «Призрак», одного из лидеров и идейного вдохновителя народного восстания Новороссии.

В футболе есть такая поговорка - «Если ты не забиваешь гол в чужие ворота, то получишь его в свои!». Борисыч этот матч проиграл. И заплатил за это слишком дорогую цену - свою жизнь!

Вечером того же дня, мы с Москалем прибыли в свою роту.

ПОЧТА

- 13 января 2015 года. Алчевск.

- Ну, куда, куда тебя несет без очереди - старый черт? - возмущенно кричат старику бабки из толпы - его ровесницы.

- Да я только спросить, - оправдывается тот.

- Мы все тут «только спросить». С утра стоим, на морозе. Думаешь, ты самый умный?

- Ну, чего шумите, сейчас разберемся, - обращаюсь я к мирному населению, поправляя свой АК на плече.

- Вам что, мужчина? - спрашиваю я старика.

- Сынок, скажи, а пенсии сегодня вот этому адресу дают? - смотрит на меня дед, показывая свой адрес.

- Сейчас посмотрим, - отвечаю я ему, доставая из кармана листок с адресами, по которым дают пенсии.

- Да, дают. Как ваша фамилия?

Старик называет фамилию.

Я открываю уже совсем потертую, измятую, школьную тетрадь.

- Нет. Такой фамилии здесь нет.

- Как же так? Я ведь записывался. Еще до нового года, - чуть не плачет старик.

- Я не знаю, кто вас и когда записывал? Мы пропускаем людей только вот по этой тетради. Остальные списки не действительны. Извините, но это не мы их составляли, а ваши активисты - отвечаю я.

Старик молча отходит в сторону. Толпа гудит и даже слегка сочувствует ему. Сочувствует, потому что понимает - сегодня он денег уже не получит.

Нас всего пятеро.

Пятеро бойцов бригады «Призрак». Мы стоим с автоматами, перед толпой, примерно из 150 человек. Все эти люди - старики и инвалиды, которые пришли на почту, на пересечении улиц Калинина и Брестской, что напротив сквера ДК «Химик». Пришли, что бы получить свою пенсию. Пенсию, которую они не получали уже полгода!!!

Михалыч

Мы стоим лицом к ним. Лицом к этим пенсионерам. За нами почта. Да, дорогой читатель, за нами всего лишь почта. Но по ощущениям, что позади - Москва!!!... И отступить нам дальше некуда. Иначе эти старички разнесут ее нахрен, к чертям собачьим.

Со мной вместе Михалыч, Москаль и еще двое ребят из нашей роты. Михалыч за старшего. Людей пропускаем по пятеркам. Громко зачитываем их номера. Человек, услышав свой номер, подходит к нам и называет свою фамилию. Если она есть в списках, то мы его пропускаем. Он - счастливчик. Если нет, значит человек не получит свою пенсию. Таковы правила. Правила, которые установили сами же участники этих событий.

И тут в толпе, кто-то пускает слух, что денег может на всех не хватить. Толпа начинает наседать. Все хотят успеть получить сегодня.

- Назад!!! Все делаем пять шагов назад, - орет Михалыч уже охрипшим голосом.

Толпа не двигается с места.

- Я сказал всем назад! Пять шагов назад, - еще громче кричит Михалыч, вскидывая вверх свой автомат.

Толпа гудит, но подчиняется.

- Сынок скажи, хватит ли на сегодня денег? Я с утра тут стою, ноги уже не держат, - чуть ли не стонет одна бабушка, обращаясь ко мне.

- Я не в курсе, бабуль, - сейчас спрошу на кассе.

- Внимание всем! - громко объявляю я толпе. Соблюдаем спокойствие. Я сейчас узнаю в кассе на счет денег.

Захожу внутрь почты. Подхожу к кассиршам.

Спрашиваю:

- Девчонки. Там люди волнуются. Спрашивают, хватит ли всем пенсий?

- Скажите, что денег осталось человек на двадцать. Может на двадцать пять. Если конечно больше не подвезут, - отвечает мне одна из кассирш.

- А по сколько вообще дают? - интересуюсь я.

- По 1800 гривен.

В пересчете на наши рубли, по тому курсу, получалось меньше пяти тысяч.

Выхожу назад, на улицу.

- Деньги еще есть. Но хватит не всем. Поэтому, кто в конце списка, лучше не стойте. Приходите завтра, - говорю я людям.

- Как же так? А завтра будут выдавать? - гудят пенсионеры.

- Да, будут.

- Михалыч, родной. Глянь, пожалуйста, какой я по счету? - просит, кто-то из толпы.

- Да, да. И меня тоже посмотри.

- И меня.

- И меня.

- И нас. Нас двое.

- Тавр, у тебя тетрадь? - обращается ко мне Михалыч.

- У меня.

- Дай, я посмотрю.

Толпа начинает снова гудеть от возбуждения и наседать на Михалыча.

- Так, отошли все от меня. Я при исполнении. Пять шагов назад всем, я сказал! Или не буду ничего проверять.

Волна толпы, покорно откатывается от него. Тот начинает громко зачитывать фамилии счастливых. Люди тут же делятся на два лагеря. На тех, кто получит деньги сегодня и на тех, кого эта радость обойдет стороной. Слышны крики и проклятья в адрес Порошенко, Яценюка, Януковича, и прочих хероев Украины. Все это с добавлением, естественно, русского фольклора и местного колорита. Кто-то из мужиков громко рассказывает присутствующим, что бы он лично сделал с перечисленными персонажами и в каких позах? Народ смеется, вздыхает, кричит и возмущается. Кто-то стоит молча, а кто-то уходит. Уходит, понимая, что сегодня не его день.

Достается от стариков и нам. Народ возмущается, что мы медленно пропускаем и не совсем тех, кого надо.

И тогда Михалыч предлагает решить вопрос кардинально:

- Я вот вам сейчас отдам эту вашу тетрадь... и думайте сами, кого пропускать, а кого нет? А мы уходим - объявляет он толпе.

Народ понимает, что тогда денег не увидят даже те, кто в списках.

- Ребята не надо. Не уходите. Мы же тут без вас передеремся все. Лучше уж вы, чем кто-то другой, - раздается женский голос.

- Правильно говоришь, Васильевна, - раздается еще один возглас. Ну, чего вы на парней орете. Они за нас воевать приехали, а вы орете еще на них тут.

- А вы откуда сами-то, ребята, будите? - спрашивает бабулька с клюшкой в руке.

- Мы двое из Москвы (киваю на Москаля), а Михалыч из Питера, - отвечаю я ей.

- То-то, я смотрю, говор у вас не наш. А денег вам тут за нас много платят, сынок? - спрашивает еще одна старушка.

- А нам вообще не платят. Не за вас, не за Донбасс. Мы бесплатно приехали воевать.

Наступает гробовая тишина. Замолчали даже те, кто говорил шепотом.

Люди стояли, смотрели на нас и переваривали услышанное.

- То есть как это бесплатно? Что, совсем? - интересуется народ.

- А вы думаете, мы из-за денег сюда к вам приехали? - вставляет свое слово Москаль.

Я смотрю на всех этих людей. На эту толпу голодных бабушек и дедушек - пенсионеров разных возрастов и здоровья. Стою и понимаю, что... Они реально думают, что мы тут стоим не из-за них, а за зарплату. Стоим тут на морозе, в чужом городе, за сотни километров от своего... Стоим, что бы они получили свою пенсию.

А еще я стою и не понимаю, почему я должен им это все объяснять и как бы даже доказывать и оправдываться? Почему?

Вот же они - старики, пенсионеры, инвалиды, ради которых мы сюда и приехали. Почему они задают нам эти глупые вопросы. Почему?

Холодный, морозный, донбасский день догорает в свете зажегшихся фонарей.

Мои размышления прерывает начальник почты. Громко крикнув из-за наших спин:

- Внимание! Дорогие вы наши, не волнуйтесь. Денег хватит на всех. Те, кто не успеет их получить сегодня, приходите завтра.

- Опять завтра. Нам это еще вчера говорили, - возмущаются пенсионеры.

Начальница исчезает в помещении почты. Мы же стоим

дальше. У нас приказ - не допустить паники и беспорядков на вверенном нам объекте.

День потихоньку катится к закату.

Из почты, получив наконец-то свою долгожданную пенсию, выходит очередная бабушка. Треплет меня за рукав:

- Сынок, спасибо вам. Вы уж простите нас, что мы тут на вас кричим. Мы это не со зла. Храни вас Бог, ребята!

Старушка, перекрестив нас всех рукою, медленным шагом бредет домой.

Михалыч громко зачитывает очередную пятерку на получение пенсии. Народ проходит внутрь. Те же, кто получает свои гривны, с довольными лицами выходят на улицу. Сегодня их день! Люди в толпе молча им завидуют и надеются, что скоро тоже будут на их месте.

Один из таких вот счастливицков, мужчина лет шестидесяти, просит отойти с ним в сторону. Я отхожу. Тот протягивает мне руку со словами благодарности:

- Спасибо вам, ребята. Вы делаете нужное дело.

- Да, собственно, не за что. Спасибо, что понимаете это. Вам все выдали? - спрашиваю я его.

- Да. Все. Вот возьми.

Мужчина, после рукопожатия, отпускает свою руку. Я открываю ладонь. Там пятьдесят гривен.

- Батя, мы денег не берем, - говорю я ему, пытаюсь их вернуть.

- Я это знаю, сынок. Возьми, прошу тебя. Это на сигареты. Я цыган. У нас так принято благодарить. Вы же ничего не получаете тут. Я это тоже знаю.

- Спасибо, - говорю я в ответ, пряча деньги в карман.

- Вы не обижайтесь на людей, ребята. Они полгода пенсию не получали. Вот поэтому и злые, - продолжает цыган.

- Да, мы знаем, что полгода. Поэтому тут и стоим.

- Ну, спасибо вам еще раз. Пойду я. Заждались меня уже дома.

Мужчина уходит. Я же возвращаюсь к своим.

Наступил вечер. Стемнело. Закончился очередной день. А с ним и деньги в кассе.

Мы объявляем, что пропускаем сегодня последнюю пятерку.

Народ с грустью расходится. Сил возмущаться и что-то требовать уже не у кого нет.

- Проходите завтра, - говорим мы тем, кто не успел получить деньги.

Мы завтра тоже придем. Придем и будем стоять. И будем пропускать... И все, что было сегодня, завтра повторится снова. Но это будет завтра.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

- 15 января 2015г. Алчевск.

Наступил очередной, обычный, морозный, январский день. Помню, что день выдался солнечный, с белым снегом на земле, домах и деревьях. Природа радовалась тому, что она может показать местным жителям, что в Алчевске снег бывает не только красным, оранжевым или черным, но еще и белым. Думаю, что те, кто читают мою исповедь, живя в Алчевске, знают, о чем идет речь. Для остальных же я дам пояснения... Дело в том, что в этом городе, впервые за многие годы, выпал белый снег, потому что местный металлургический комбинат из-за войны не работал. Белый снег - это единственный радостный плюс этой войны!

В общем, день был как день. Не хуже и не лучше остальных моих дней проведенных на Донбассе. Ничего особенного. За исключением одного. Это был день моего рождения!!! Мне исполнилось 40 лет!!!

«Да, да... Тебе, Юрий, уже сорок лет. Или может ЕЩЕ только сорок?» - так я размышлял, смотря на себя с утра в зеркало, принимая утренние, водные процедуры.

Год назад я и предположить не мог, что свой юбилей буду отмечать на войне. Правда, я мог и не ехать сразу на Донбасс после новогодних праздников, а чуток подзадержаться дома. Отметить его там по полной программе и уже потом выдвигаться в путь. Но, во-первых, я дал обещание вернуться после этих самых праздников. А, во-вторых, мне самому очень уж хотелось на Донбасс, к своим. Тогда я все еще жил определенными иллюзиями о его светлом будущем и питался лозунгами - кричалками, что сыпались из нашего телевизора, типа: «Спасем Донбасс от украинской хунты!», «Русские своих не бросают!», «Бандеровские каратели не пройдут!» и так далее и тому подобное. Помню, интернет тогда просто захлебывался возгласами от «диванных воинов и крикунов», которые пачками «косили» укров на «инетных фронтах» Новороссии. Да че там говорить. Я и сам их когда-то «косил»... за компом, сидя на диване и попивая при этом пивасик. На диване оно ведь, как-то спокойнее, чем в окопе. Но главное - холодильник рядом. Устал «воевать», сходил, подкрепился... и снова в бой!!!

Вообще, тему пропаганды я уже поднимал в одной из частей моей «исповеди». Но хотелось бы еще раз к ней вернуться.

То, что религия - это опиум для народа, говорил еще Остап Бендер в бессмертном произведении Ильфа и Петрова - «Золотой теленок».

Причем тут религия? - спросите вы. Да при том, что в данном контексте слово «религия» можно легко заменить на слова - «идеология», «патриотизм», «гуманизм» и прочий «ИЗМ». Наше тв и инет стали уже сродни религии. Попробуйте отказаться от этого дара цивилизации и у большинства из вас, кто читает эти строки, начнется «ломка». Я тоже не исключение. Но я хотя бы стараюсь брать из инета и тв ту информацию, которая мне нужна самому, а не то, что мне пытаются вложить в голову наш зомбоящик. Проще говоря - я включаю мозги. Кстати, одной из причин поехать на Донбасс, было желание самому разобраться на месте, что есть правда, а что ложь? Правда - разочаровала, а ложь - позабавила.

Но я отвлекся. Итак - мой день рождения.

Вроде и дата круглая, но 40 лет отмечать, как-то не принято - плохая примета. А на войне эта примета, в грустную сторону, увеличивалась минимум раза в три. Шансы, что этот день рождения может стать у меня последним, были не так уж и малы. Но я все-таки решил его отметить.

Выбор «для отмечания» был не велик. По той причине, что на территории нашей располагаи, как и самого «Призрака» в целом, был сухой закон, то выбор пал на сладкое. Я решил купить в местной кондитерской три больших торта.

Помните, как в школе, когда у кого-то была днюха, он угощал всех в классе конфетами, мороженым, пирожными и прочими вкусностями. Вспомнили?

Мы, мужчины - тоже ведь, как дети, только большие! И наши желания, приоритеты и игрушки растут вместе с нами. И мы так же, как и в детстве, любим сладкое. Правда, если раньше мы играли в машинки и танки, на ковре и возле дома, то сейчас эти игрушки стали настоящими. В них можно залезть, побибикать и пострелять. Раньше мы играли в «войнушку» во дворе, с игрушечными автоматами и пистолетами. Делились на немцев и своих, красных и белых, индейцев и ковбоев. Сейчас игры стали уже взрослыми.

Но мы также все еще делимся!!! На укров и москалей. На ополченцев и бандеровцев. На хороших и плохих. Вот только стреляем мы друг в друга теперь уже по-настоящему. Из настоящих автоматов и танков.

И умираем мы тоже ПО-НАСТОЯЩЕМУ... Один раз... и навсегда!!!

Ну, да не будем о грустном. День рождения все-таки.

Короче, купил я три больших торта. Отнес их на кухню, поставил в холодильник, что бы они там благополучно ждали своей участи. И стал ждать вечера.

- Рота выходим строиться на вечернюю поверку, - орет дневальный.

Рота выходит. Строится в две шеренги в коридоре.

«Алтай», наш старшина, зачитывает позывные:

- Сибирь?

- Я.

- Нил?

- Я.

- Дамаск?

- Я.

- Клокер?

- Я.

- Тавр?

- Я.

- Москаль?

- Я.

- Албанец

- Я.

- Кедр

- Я.

- Михалыч?

- Я.

Слышны отзывы из строя.

И так всех по очереди, по списку. Все на месте.

После чего Алтай зачитывает отдельно позывные тех, кто идет в караулы и наряды.

- Больные, хромые, кривые есть? - спрашивает он.

НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

- начало февраля 2015 года. Алчевск.

Время было уже после отбоя. Наша рота, после тяжелых, военных будней собиралась погрузиться в царство Морфея. Ну, мы же не украинские киборги, которые по мнению их пана президента совсем не спали в Донецком аэропорту, кося москалей налево и направо. Мы люди нормальные. Нам надо спать. А то вдруг война. Вдруг те самые киборги попрут на Алчевск, а мы не выспались. Как тогда супротив них воевать?

Но перед тем, как провалится в бодрый и здоровый, армейский сон, я решил позвонить жене. Звоню я, значит, ей и рассказываю, что все у меня тут зашибись. Тепло, светло, мухи не кусают. Никто нас не бомбит и враг не наступает. А если завтра дадут еще и горячую воду, то будет ваще, как в Египте - все включено!

Примерно через пять минут нашего разговора я решил взглянуть в окно. Привычка у меня такая, знаете ли - люблю в окно смотреть, говоря по телефону. На улице темно, лишь пара фонарей светит, и белый снег мирно лежит на асфальте возле нашей располагает.

И тут я вижу взрыв. Именно вижу, а не слышу. Потому что взрывная волна до нас дошла только секунд через 10-15. Практически все небо в той части города, где он произошел озарилось оранжевым цветом. Нас потрянуло так, что чуть не вылетели стекла.

- Юра, что там у вас? - слышу беспокойный голос жены в трубке.

И тут я понимаю, что она это тоже услышала.

- Зай, да все нормально. Тут у нас народ, похоже, петарды взрывает, что остались с Нового года.

«Петардой» оказалось украинская ракета точка «У», которая упала на территории химзавода. Немного не долетев до жилых кварталов Алчевска. По одной версии, как я слышал потом, ее сбили наши. По другой, ракета сама сбилась с курса, видимо из-за «старости», взорвавшись в промзоне.

Что бы вы понимали, что же к нам такое прилетело, даю краткие тактические характеристики ракетного комплекса точка «У»:

- Есть, - раздается пара голосов.

После выяснения у кого что болит, я обращаюсь к Алтай.

- Алтай, разреши выйти из строя. У меня есть маленькое объявление.

- Что у тебя, Тавр? Выходи.

Выхожу. Разворачиваюсь лицом к роте.

- Тут такое дело, пацаны. У меня сегодня маленький юбилей. Короче, день рождения у меня сегодня.

Из строя раздаются хлопки в ладоши и поздравления.

- Тавр, а сколько тебя стукнуло? - кричит из строя Джонни.

- Много, - улыбаюсь я. И добавляю:

- Короче так. После поверки, всех прошу ко мне в комнату.

Будет раздача тортов. Желательно со своими тарелками.

Рота, в предвкушении сладкого, загудела еще больше.

- Ну че, все слышали? После поверки все идем к Тавру, на дегустацию тортиков, - объявляет Алтай. - Разойдись.

Вы когда-нибудь видели одетых в камуфляж, бородатых, здоровых мужиков, обвешанных оружием и гранатами, с тарелочками в руках, стоящими мирно в очереди за кусочком торта? Нет, не видели?

А я видел. Зрелище просто потрясающее!!!

Операция по раздаче тортов прошла удачно. Всем все хватило. Все остались довольны. Тортики благополучно были уничтожены. Рота «СБ» бригады «Призрак» свою порцию глюкозы получила.

А в качестве подарка мне от Михалыча (нашего оружейника) была вручена боевая, ручная граната Ф-1 и дополнительный магазин с патронами к уже имеющемуся у меня боекомплекту.

Какой день рождения, такие и подарки.

Комплекс «Точка» был разработан еще советскими конструкторами в начале 70-х годов и предназначается для поражения точечных малоразмерных целей в глубине обороны противника: наземных средств разведывательно-ударных комплексов, пунктов управления различных родов войск, стоянок самолетов и вертолетов, резервных группировок войск, хранилищ боеприпасов, топлива и других материальных средств.

Ракета комплектуется следующими типами боевых частей:

АА-60 - ядерная мощностью от 10 до 100кт,

АА-86 - ядерная особой важности,

АА-92 - ядерная

9Н123Ф - осколочно-фугасная сосредоточенного действия,

9Н123К - кассетная,

9Н123Ф-Р - осколочно-фугасная с пассивной радиолокационной ГСН.

В расчетах полетного задания при наведении «Точки» на цель используются цифровые карты местности, полученные по результатам космической или аэрофотосъемки территории противника.

Минимальная дальность стрельбы - 15-20 км.

Максимальная - 70 -120 км

Высота траектории полета ракеты - 6-26 км.

Радиус поражения - до 300 метров.

Для достижения максимальной площади поражения обеспечивается воздушный подрыв БЧ 9Н123Ф на высоте 20 метров.

Вот такая хрень упала на город.

Как вы уже догадались, если бы укрупны приспособили к этой ракете ядерный заряд, то я бы тут уже не сидел и не расписывал бы вам ее тактико-технические характеристики. Впрочем, не только я один... Алчевск был бы попросту стерт с лица Донбасса.

Вы, конечно, можете мне возразить, сказав что укрупны бы на такое не пошли, потому как ядерное оружие сейчас под запретом всяких там конвенций... Я вас умоляю... Фосфорные снаряды тоже под запретом, но это их почему-то несколько не смущает. Поливают ими города и села Донбасса по полной программе... И плевать они хотели на какие-то там конвенции и запреты.

После взрыва я услышал, что у нас в коридоре началось какое-то движение. Бойцы нашей доблестной роты стали выходить из своих комнат не понимая, что происходит.

- Ну че сразу по вылезали, крысы сухопутные, - орет Стилет на тех, кто выскочил в коридор.

- Командир, а что это было? - слышу через дверь голос Джонни.

- Не знаю. Какая вам разница? Всем отбой, а то будете до утра у меня бегать вокруг казармы.

Второй раз повторять не пришлось. Бойцы так же быстро разошлись по своим местам обитания, как и вышли.

Подумаешь, ракета. Ну, упала она, ну взорвалась и что с того? Бывает. Мы же не в Гондурасе, а на Донбассе. А раз так, то всем отбой. Воевать будем завтра. После утренней зарядки.

Но я слегка забежал вперед. Перед тем, как упасть точке «У» на Алчевск, были еще ряд событий, о которых я расскажу ниже.

- середина января 2015 года. Примерно 17-20 числа.

После утренней поверки, было объявлено, что часть роты едет в Луганск по полной боевой. Нам была поставлена задача сопровождать в охранении колону «Камазов», направлявшихся из Алчевска за военным грузом.

В кабине нас было трое - водитель, я и Москаль. До Луганска колонна дошла без проблем. Что называется - «по зеленому коридору». В сам Луганск мы заехали еще до обеда. Местом прибытия, как вы уже, наверное, догадались, были воинские склады.

Вы знаете, что такое РСЗО «Град»? Думаю, что да. Если вы его не видели, то по крайней мере, что-то когда-то, слышали. Это оружие еще советской эпохи. Для тех, кто не в курсе, дам небольшое пояснение:

Реактивная Система Залпового Огня «Град» (РСЗО) с неуправляемым ракетным снарядом калибром 122см. Предназначена для подавления и уничтожения живой силы противника, а так же его боевой техники и инженерных сооружений. Проще говоря - это оружие массового поражения. Разработано оно и поставлено на вооружение еще в 60-е года прошлого века. Производилось в массовом порядке и ставилось на вооружение в Советском Союзе, а так же страны, которые входили в зону интереса и влияния СССР. После его развала большая часть этих установок вместе с ракетами осталась на армейских складах этих стран. В том числе, естественно, и на складах бывшей Украины.

Наш конвой на Луганск

Вот за этими «Градами» наша колонна и отправилась в Луганск.

Луганск ведь тоже входил, когда то в состав Украины и на его складах тоже была масса боеприпасов.

«Интересно сколько же», - спросите вы?

Ну, вот есть такое слово - «много».

Есть - «очень много».

А есть такое русское выражение – дох...ра.

Теперь умножьте это выражение на двухзначное число... и вы получите, ту картину, что мы увидели, когда прибыли в Луганск!!!

Короче, когда мы зашли на склад, то передо мной предстало полотно абсолютного военного пейзажа - склады были забиты «Градами» до потолка!!!

Впрочем, как потом выяснилось, там были не только «Грады», а масса еще всего интересного и взрывоопасного.

В первый день мы грузили, как я понял по полуразвалившимся ящикам и маркировке всякое «старье». То есть реально еще советские запасы. Почему грузили мы? Мы же вроде, как в охране. Да потому что рабочих рук реально не хватало. Вначале мы с Москалем, как и все, сидели в кабине своего «Камаза», наблюдая за погрузкой через стекло. Но потом поступила команда - «надо помочь». Ну, раз надо, значит надо. Начали помогать.

Помню, в молодости я, как-то даже пару месяцев разгружал вагоны с цементом, сахаром, макаронами, углем и прочими вещами. Так вот что я вам скажу. Ящики со снарядами таскать и загружать в армейские «Камазы», на много веселее и интереснее, чем макароны... Калибр совсем другой. К тому же тренировка всех групп мышц вам тоже обеспечена. Особенно спины.

После того, как наша колонна была полностью загружена смертоносным грузом, мы отправились в обратный путь, в Алчевск.

В город мы прибыли уже глубоким вечером. Поужинали тем, что оставили нам наши повара... И вырубались спать.

Наутро был снова подъем, снова колонна на Луганск и снова те же склады.

Лучше бы я сразу умер. Потому что к вечеру второго дня моя спина просто отваливалась. Я думал, что эти ящики никогда не

закончатся. Грузили мы в тот день уже артиллерийские снаряды и мины разного калибра. И судя по маркировке и новым ящикам, груз был этот уже из России.

Ну, а че вы удивляетесь? Да, из России. Или вы думали, что запасы советского вооружения на Донбассе были бесконечны? Боеприпасы знаете ли на войне имеют свойство рано или поздно заканчиваться. Особенно если военные действия идут постоянно. А откуда им взяться, если собственный военно-промышленный комплекс на Донбассе тогда еще не работал. Впрочем, он и сейчас работает не в полную силу, как и многое другое. Правда, это уже отдельная история.

Через два дня, вся эта армада из снарядов, мин и градов была обрушена на «доблестную» украинскую армию.

Началась знаменитая Дебальцевская операция... в которой мне тоже довелось принимать участие.

Но об этом, как и о многом другом, в следующих частях моей исповеди.

ПРИНЦИП ПЯТИ «П»

- Что еще за принцип такой, откуда он взялся, и причем тут Донбасс? - спросишь ты меня, дорогой читатель.

Сейчас попробую тебе объяснить.

Вот ты - читатель, когда-нибудь задавал себе самый извечный, философский вопрос:

- А нахрена я живу? Для чего?

Уверен, что задавал. Пусть даже в пьяной беседе, за столом со своим приятелем, сидя на кухне. Или же где-нибудь на природе, у костра, смотря на звезды.

Теорий и ответов на этот вопрос можно найти предостаточно. Об этом вечном вопросе снимают фильмы, пишут книги, а некоторые психологи даже защищают докторские диссертации. Но по моему мнению, у большинства людей все сводится в итоге к одному.

Все сводится к этим самым пяти «П».

А именно, хорошо:

1. Поспать.
2. Пожрать.
3. Поср...ть.
4. Потрахатья.
5. Погулять.

Ой, вот только не надо сейчас говорить, что у тебя все не так. И что я сейчас затрагиваю твою тонкую душевную и духовную организацию. Я сейчас тебе «на пальцах» все постараюсь объяснить, почему я так думаю, и откуда взялась эта теория?

Сразу хочу уточнить, что в эту теорию вписываются, конечно же, не все представители земной фауны, которые именуются - люди-человеки, а только большая его часть. Примерно 70-80 процентов. Причем обоих полов. В Европе этих полов уже целых три - он, она и оно! Но это уже отдельная тема.

Итак. Вот ты родился... и первое слово у тебя после слова «мама» или «папа» было слово - «дай!». То есть ты еще толком не разговариваешь, а уже начинаешь требовать. Ты уже считаешь, что тебе априори, твои предки чем-то обязаны. Правда, ты пока

еще не понимаешь, чем? Но обязаны однозначно. И тут на первый план выходят первые три пункта. Почему только три? Ну, просто, потому что до остальных ты еще не дорос. Мал ты еще.

Дальше ты идешь в детский сад. Там эти пункты ты тщательно развиваешь и распространяешь уже на окружающих тебя таких же детей. Что, разве не так?

Ну, может, у кого-то и было первое слово «на», а не «дай». Но такие, как правило, в меньшинстве.

Дальше, что там у нас? Правильно - школа. После школы - различные учебные заведения. У кого-то высшие, у кого-то не совсем. Потом работа, зарабатывание денег, свадьба, ипотека, карьера и т.д. У кого-то все это, только в обратном порядке. Что сути не меняет.

Я к чему это все? Да, к тому, что все это делается только ради этих самых пяти «П».

Большинство людей и работает, и карьеру строит только ради хорошей, вкусной еды, удобного сортира, мягкой постели, классного секса и веселого времяпровождения. Все вокруг и РАДИ ЭТОГО вращается. Вернее, вращается и суетится он сам - человек.

- А как же духовная пища? Как же всякие там театры, рестораны, кино, музеи и прочие оперы? Как же поездки на юг, к морю, к маме или к теще на дачу? Как же рыбалка, охота, мечты о космосе и походы в горы? - возмущенно спросишь ты меня.

И я тебе отвечу. Все это тоже вписывается в мою теорию пяти «П».

Дело в том, что у нас (да и не только у нас) сейчас растет общество потребителей. Да, что там говорить - уже выросло. И не одно поколение. Народ друг пред другом уже не знает чем похвастаться? Или что же продемонстрировать такого, что бы подруги и друзья лопнули от зависти, глядя на твою очередную «крутую» тачку, новый телефон или красивую шмотку?

Как там пел Шуфутинский в 90-е, помнишь?

- Тачки, шмотки из катона, видеомагнитофоны,

Ах, как клева было той весной...

Сейчас все то же самое, НИЧЕГО не изменилось. Только видеомагнитофоны заменили на айфоны, айпады и прочие «клевые» современные технологии. Что сути в принципе не меняет.

Вот ты смотрел фильм «Брат - 2»? Верю, что смотрел. Помнишь сцену, когда по прилету в Америку, Данилу Багрова таксист везет из аэропорта в город? И спрашивает его:

- Че ты сюда приперся?

- Америку посмотреть.

- Ха, знаю я вашего брата. Давно тут работаю. Сейчас к родственникам. Потом посуду мыть, а там куда кривая американская мечта вывезет.

- Зря вы так. Я Родину люблю! - отвечает Данила.

- Родину? А где твоя Родина, сынок? Продал Горбачев твою Родину американцам, чтоб красиво тусоваться. Сейчас Родина там, где твоя задница в тепле. И ты лучше меня это знаешь.

Вот этот таксист и есть, те самые 70-80 процентов потребителей и демагогов, что умеют только языком молотить да жаловаться на свою Родину, которая им обязана уже тем, что они тут родились. Я имею ввиду Советский Союз и Россию.

И Донбасс не исключение. Там ведь многие люди, на полном серьезе тоже думают, что Россия им чем-то обязана и должна. Ну, как ребенок, который только родился, и у которого второе слово было - «дай!»

Донбасс вообще для многих стал лакмусовой бумагой. Особенно в впервые месяцы войны. Тогда сразу стало видно и ясно «ху из ху?»

Я в одной из частей уже описывал, какие в 2014 году были «беженцы». Кажется это третья часть.

Так вот. И тогда и сейчас, беженцев я делил и делю на две части.

Первая - старики, женщины и дети.

Вторая - мужчины.

За первых я всегда искренне переживал и вместе с ними страдал.

За вторых мне было стыдно. Стыдно, потому что я тоже мужчина.

И вот здесь, на первый план, опять выходит тот самый принцип пяти «П».

Представь себе эдакого Донецкого или Луганского «мачо», у которого жизнь удалась. У него есть все! Есть вкусная еда. Удоб-

ный и теплый унитаз, куда ему эту еду, после переработки можно спускать. Есть хороший дом, где можно мягко спать. Жена и любовница, которых можно трахать по очереди (извиняюсь за мой французский. Дети закройте уши). И пятый пункт - регулярные выезды на шашлык, рыбалку или охоту, где можно классно погулять и провести время. Представил?

Теперь дальше.

Жена такому «мачо» регулярно, на 23 февраля, дарит различный парфюм, а любовница - мужские аксессуары. Ну, или наоборот. Почему на 23 февраля? Ну, он же мачо. Типа - защитник Отечества.

И вот живет себе такой крутой мачо. Живет, не в чем себе не отказывает... и тут бац - война! Шо делать?

Тут же сразу срабатывает та самая лакмусовая бумага. Либо этот мачо-мужчина идет и защищает свою землю, дом, жену и любовницу. Либо он резко становится особью мужского пола, которая не годна к войне по причине - плоскостопия, энуреза, близорукости левого глаза и крика из окна Джипа - «Это не моя война!».

Садится он, значит, в свою крутую тачку, садит туда жену и валит за «ленточку». А его сосед, простой мужик, которого он презирал и высмеивал, что у него «тачка отстойная», а «жена страшная», берет автомат и идет выполнять РЕАЛЬНУЮ МУЖСКОЮ РАБОТУ - защищать свою Родину!

Вот такие особи и составляют 70-80 процентов мужского населения. А его сосед, лишь только 20-30, к сожалению.

Первый становится, тем самым таксистом. Второй - Данилой Багровым.

Но, что самое паршивое, что такие «мачо» есть не только на Донбассе. В России их тоже полно! Уверен, что если бы, допустим, завтра, немцы подошли к Москве и встали возле МКАДа, то большая часть «крутого» мужского населения Москвы бежала до Урала, а некоторые (особо шустрые) и за него. На ходу при этом выкидывая парфюм и галстуки, что им были подарены на 23 февраля.

Вся эта московская шушера вела бы себя так же, как и «крутые» донбасские пацаны, что летом 2014 года валили табунами в Россию. И ничего в этом удивительного нет.

Потому, что это и есть принцип пяти «П».

Те, кто по нему живут, к войне не готовы сразу и бесповоротно. Причем неважно, за кого или против кого эта война? Кто там наступает - красные, белые, зеленые, западные бандеровцы или восточные исламисты? Китайцы, немцы, японцы или индейцы? Это все неважно. Его хата с краю. Это - НЕ ЕГО ВОЙНА.

Его война - это «Контрстрайк», «Сталкер» или «World of Tanks». Вот здесь, да - он крут.

Сейчас, когда ты читаешь эти строки, донбасское общество расколото на две части. Причем неравных. На таких вот «мачо» и его мужика-соседа. Первые отсиделись в России и вернулись сейчас на Донбасс, а вторые никуда не убегали. Они умирали, но воевали. И те, и другие тихо ненавидят друг друга и презирают по тем самым причинам, что я описал выше. И это плохо.

Плохо, потому что те, которые вернулись в 2016 году, чувствуют себя сейчас так же, как и в 2013-м. До войны. А некоторые даже еще лучше. Они так же чувствуют себя крутыми пацанами и суровыми Донецкими, Алчевскими, Луганскими мужчинами.

И они так же, как и в 2013-м себе ни в чем не отказывают. Более того. У некоторых таких вот особей, есть даже медали - «За оборону Славянска», «За боевые заслуги Новороссии», кресты различных степеней.

Медаль «За оборону Славянска» - это вообще отдельная тема. Ее сейчас носят практически все. Даже те, кто сам Славянск видел лишь на карте.

Слабый пол тоже не отстает. Особенно молодые девочки, до 30 лет, при штабах. Зайди в любой штаб, любой бригады или полка. Причем неважно, где это будет - в ДНР или ЛНР. Там тебя встретят барышни в военной форме, увешанные крестами и медалями по «последней военной моде».

Что, ты мне не веришь? А ты подойди к такому вот ряженному «Попандопуле» или барышне, спроси - «за что медаль?» Интересно будет послушать их историю.

Причем они реально их носят и даже не стесняются этого. А чего им стесняться-то? Если укропы опять полезут, они уже знают направление, куда бежать.

А воевать? Воевать будут другие. Россия большая...

Вот такие нынче времена наступили на Донбассе...

ДЕБАЛЬЦЕВО. НАЧАЛО

- 22 января 2015 года.

В этот день началась знаменитая Дебальцевская операция, которая впоследствии стала «Дебальцевским котлом» для одних и полной победой для других.

Значение и масштабы этой операции сложно переоценить. Я не буду здесь особо заострять ваше внимание на ней, дабы не углубляться в полемику. Все, что вы захотите узнать и прочитать есть в интернете, причем, в свободном доступе.

Но для тех, кому лень это делать, дам кое-какие пояснения.

«Дебальцевский выступ» укрупнов, как его тогда называли, очень мешал молодой республике. (Здесь я имею ввиду, конечно же, республику Новороссия, а не княжества под названием - ЛНР и ДНР).

Во-первых, это был отличный плацдарм для начала возможных последующих наступлений укрупнов, как на Донецк, так и на Луганск. Отличный, потому что он вклинивался аккуратно между этими самыми ЛНР и ДНР. Создавалась угроза прорыва укрупнов в районе Чернухино-Никишино на восток, с дальнейшим выходом на Алчевск, Петровское и Красный Луч. А так же в южном направлении: Булавинское-Ольховатка, с дальнейшим наступлением на Шахтерск, Зугрез, Торез, что создавало бы угрозу окружения самому Донецку. И дальше уже разрыв Новороссии на две части, со всеми вытекающими последствиями.

Во-вторых, само Дебальцево являлось и является крупной узловой железнодорожной станцией, освобождение которой на много бы облегчило пути сообщения самой Новороссии.

К началу самой операции, по различным данным, в рядах ВСУ и украинских нацбатальонах находилось от 6 до 7 тысяч человек. Высокое укрупновское начальство, правда, потом заявляло, что их там было всего 2-3 тысячи. Впрочем, о своих потерях они тоже «скромно» до сих пор умалчивают. Если их послушать, то они в Дебальцево вообще были минимальны. Что-то около 170 человек убитыми и около 300 ранеными. А свое поражение, они называли и называют не иначе, как - «Вэлика перемога под Дебальцево украинского народа над сепаратистами и москалями.»

Это что-то типа, как если бы Гитлер, после Сталинграда,

заявил о великой победе великой Германии над невеликой Россией. Пропаганду ведь еще никто не отменял. Согласен? А в нее входит в том числе и занижение своих потерь. В то время, как потери противника растут в геометрической прогрессии. Причем не на десятки или сотни, а сразу на тысячи. Ну, чтоб не мелочиться. Справедливости ради стоит заметить, что этим «грешат» не только укрупны, но и наши. Но это уже отдельная тема.

Давайте теперь вспомним, какие подразделения с разных сторон участвовали в этой «Битве народов».

Начнем с укрупнов:

Батальоны - «Чернигов-1», «Киевская Русь», «Кривбас», «Донбас», чеченский батальон «имени Джохара Дудаева». А так же рота МВД «Свитязь» и конечно же сами силы ВСУ.

Силы Новороссии:

Бригада «Призрак» во главе с Алексеем Мозговым.

Казачьи подразделения атаманов Павла Дремова и Николая Козицина.

Подразделения народной милиции ЛНР.

Батальон «Август».

Бригада «Кальмиус». Подразделения «Восток», «Оплот», «Спарта», «Пятнашка» д.р. Если кого-то не упомянул, не взыщите.

Численность личного состава и потери, писать я тут не буду. Военная тайна. Единственное, что могу добавить... Наши потери при наступлении были, как это принято говорить - значительными.

Честь и слава всем воинам павшим за Новороссию! Всем тем, кто отдал за это свои жизни!!!

Покойтесь с миром, братья. И простите нас, что мы живые!!!

Верю, что свои жизни, под флагом Новороссии, вы отдали не зря. И как говорили наши деды - «Враг будет разбит, победа будет за нами!!!»

А что же мы? Где была и чем занималась наша доблестная рота «СБ» бригады «Призрак»? - спросишь ты меня дорогой читатель.

Вопрос конечно интересный, с явным подтекстом. Но я на него отвечу. Отвечу, как есть.

На момент начала Дебальцевского наступления наша рота осталась в Алчевске.

Нет, нас не забыли. Нас оставили для охраны самого города. Ну, кто-то же должен был остаться. Задачи у нас были тогда разные, но в основном это были - ГБР (группы быстрого реагирования) на случай проникновения укроповских ДРГ с последующей их ликвидацией, а также устранения сочувствующих им в городе элементов. Про караулы и наряды мы конечно тоже не забывали.

Один из таких вот караулов был у нас на «избушке», в которой располагался штаб нашей бригады. «Избушкой» мы тогда называли между собой бывшее здание СБУ Алчевска, кто не в курсе.

Правда самого Мозгового, как и всего комсостава бригады, там уже не было. Штаб, по понятным причинам, к тому времени перебазировался в Ломоватку. Которая от самого Дебальцево находилась в нескольких километрах.

От казармы до «избушки» мы ходили сами, то есть пешком. Естественно по полной боевой. То бишь с автоматами, гранатами. в разгрузке и полным комплектом бк. Потом, когда начался штурм Дебальцево, мы стали ездить уже на наших ротных авто, которых у нас было несколько. В том числе и на «Соболе», что раньше был «скорой помощью». На нем так и было написано по укропски - «Швидка допомога».

И вот садимся мы значит в одну из таких наших легковушек и едем в штаб, менять караул.

Впереди, за рулем, Нарва. Рядом с ним Корж. Сзади - Москаль, Я и Смелый.

Едем мы, значит, и по дороге Нарва сообщает нам «радостную» новость:

- Короче, парни. Сейчас разговаривал со Стилетом. Он сказал, что когда пойдем на запад, можно будет там кошмарить и делать все.

- Что значит ВСЕ? - не поняв его радости, спрашиваю я.

- Все - это значит трофеи у населения отжимать, - продолжает Нарва.

- В смысле отжимать? - вступает в разговор Смелый.

- Ну, а что такого? Они же там все укропы, - как бы уже оправдываясь, бормочет Нарва.

- А ничего, что у меня там семья в Северодонецке. С ними как быть? - продолжает Смелый.

- И то, что там тоже русские люди живут, такие же как мы, ты это учиываешь? - добавляю уже я. Их мы тоже будем «кошмарить и щемить», да?

Нарва поняв, что ляпнул не то и не тем людям, замолкает, и дальше до штаба мы едем уже молча.

И все бы ничего, но у этого разговора вскоре появилось продолжение.

Примерно через час, как мы заступили в караул, к нам пожаловал сам Стилет. Вначале я подумал, что это обычная проверка нашей бдительности на вверенном нам объекте. Тем более, что Стилет, как командир роты, так часто делал. Это входило в его прямые обязанности. Но потом я понял, что приехал он не ради этого. Он приехал поговорить со мной. О чем поговорить? О том самом диалоге, который состоялся у нас с Нарвой в машине.

Откуда же, вернее от кого, он узнал о нем? - спросишь ты меня, дорогой читатель.

А ты догадайся.

Я тебе открою одну маленькую военную тайну. В каждом воинском подразделении есть свои стукачи. Или, как их любит называть начальство, которому они стучат - сознательные бойцы.

Стукачи бывают двух видов - явные (открытые) и тихие (скрытные). В нашей роте таких было целых два. И оба они ехали в той самой машине.

Вся рота знала, что Корж - стукач явный, а Нарва - скрытный. Нарве мы, конечно, об этом не говорили. Но о том, что он втихую стучит, знали все. Корж же и сам этого не скрывал. Наоборот - иногда даже всячески подчеркивал. Мы, помню, как-то даже проводили эксперименты. Стоило кому-то из бойцов «ляпнуть» что-то такое, что могло представлять интерес для Стилета в присутствии Нарвы или Коржа, как Стилет об этом узнавал уже через пять, максимум шесть минут.

Природу стукача, в принципе, понять несложно. И были они всегда и во все времена. Каждый такой стукач преследует, конечно же, свой - личный, корыстный интерес. В основном это выслуживание перед непосредственным командиром (начальником) для скорейшего осуществления того самого корыстного интереса. Например - продвижения по службе, поощрения в виде увольнительной или ради «устранения с дороги» своих оппонентов. А иногда и то и другое вместе.

Стукачей используют не только в армии, но и на гражданке. Думаю, что в любом офисе, конторе или банке они тоже есть. Не брезгуют ими и менты. Называя их вежливо - внештатными осведомителями.

Стилету такие люди, конечно же, тоже были нужны. Нужны хотя бы по причине того, что бы знать, что «твориться» внутри самой роты?

Поэтому вычислить, кто стукнул, вернее «доложил» ему о нашем разговоре в машине, мне было не трудно. Вариантов было два - либо Корж, либо сам Нарва. Впрочем, лично для меня, это было не столь важно. Главное, что инфа «оперативно» уже дошла до него.

В караулы, наряды и ГБР мы заступали, как правило, по четверкам. В моей четверке тогда были: Михалыч, Я, Москаль и Корж. Плюс, для усиления вечером к нам добавлялись бойцы из других подразделений. Поэтому, когда Стиллет приехал, народу было уже предостаточно и мой с ним разговор слышали практически все. Общались мы в помещении, где принимали пищу. Оно располагалось сразу возле тумбочки дневального, напротив кухни. Удобно усевшись в кресло, Стиллет решил завязать со мной диалог.

- Тавр, у меня разговор к тебе есть, - обращается он ко мне.

- Разговор говоришь? Ну, раз такое дело, давай поговорим, - отвечаю я ему, мешая маленькой ложкой сахар в своей кружке с чаем.

- До меня дошли слухи, что ты кое с чем не согласен.

- Смотри, что ты имеешь ввиду? - говорю я, садясь на стул. Я много с чем не согласен. Например, с тем, что там война, а мы тут сидим - ж...пу греем.

- Мы не греем. Мы выполняем возложенные на нас «особые задачи», - парирует Стиллет.

- Да, я понимаю, что эти задачи очень важные и очень особые. Так ты об этом хотел поговорить со мной? - спрашиваю я его, делая глоток чая.

- Нет, не об этом.

- А о чем?

- О том, что ты не согласен по поводу того, как должен вести себя боец во время зачистки.

- О как. Даже так. Интересно, кого и как ты собираешься там зачищать?

- Ты прекрасно знаешь, кого? Идет наступление. Скоро мы там тоже будем задействованы. Там полно укропов и бандерлогов, которые подлежат утилизации.

- Командир, я в курсе, что там полно укров. Но там и русских немало. Или мы их тоже будем утилизировать?

- Тавр, а что ты предлагаешь с ними делать? Они находятся на вражеской территории. И уже давно. Все русские, кто хотел свалить, уже давно свалили. А если кто остался, то это их проблемы.

- Стиллет, ты сам понял, что сейчас сказал? То есть мы, потвоему, идем их не освобождать, а карать. Мы каратели, так? Лично я сюда не для этого приехал.

- А откуда ты, Тавр, знаешь, кем были местные при укропах? Может, среди них есть бабы-снайпера или те, кто сдавали наших в Славянске в СБУ. И откуда у тебя может быть уверенность, что они нам не начнут стрелять в спину, когда мы к ним зайдём?

- Ахринеть. То есть ты предлагаешь нам в них вначале стрелять, а потом уже спрашивать, кем они были при укропах, так? Чем тогда мы отличаемся от тех же бандеровцев, что мародерят и беспределом занимаются на оккупированных территориях? Отвечь мне и всем здесь присутствующим.

Я оборачиваюсь и понимаю, что весь наш разговор собралась послушать уже вся «избушка». Кроме тех, что остались «на воротах».

Поняв, что разговор зашел слишком далеко, Стиллет решает его закончить.

- Ладно, Тавр, мне с тобой все понятно. Давай закончим. После поговорим.

- Не вопрос. Давай. Тем более, что с тобой мне тоже все понятно, - отвечаю я. Допиваю свой чай и выхожу курить во двор.

Закуривая тоже сигарету, ко мне подходит Михалыч.

- Тавр, ну вот чего ты завелся?

- Михалыч, ты же сам все слышал.

- Да, слышал. Не обращай внимание. Это все «стиллетовские понты».

- Да похрен мне на его понты. Я сюда не карать приехал, а освобождать.

- Я тоже. И в этом я с тобой согласен. Так что давай успокоимся.

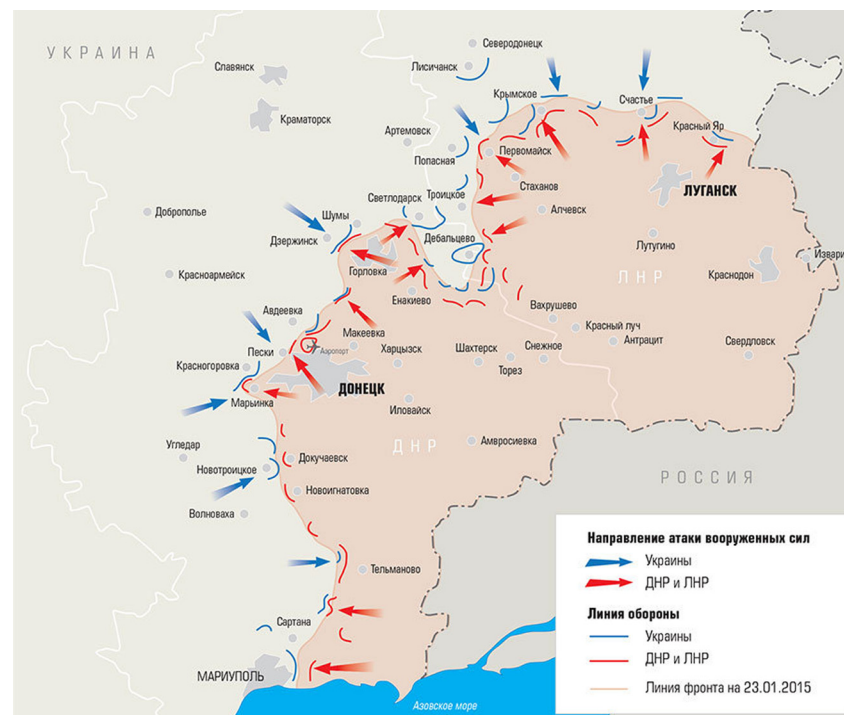
- Да, я спокоен. Ты пойми, а если он мне завтра отдаст такой приказ на зачистку, что тогда?

Михалыч стоит и с улыбкой отвечает:

- Приказы тоже можно по-разному выполнять. У тебя своя голова на что?

- Ладно, я тебя понял. Посмотрим, что и как дальше будет.

А дальше была командировка в Новоазовск.

НОВОАЗОВСК

- начало февраля 2015года.

Дебальцевская операция набирает свою силу и мощь. Само Дебальцево еще не взято, но кольцо вокруг укропов по не многу сжимается. Котла еще нет, но крышка от него уже занесена и вот-вот закроется.

Подразделения Новороссии рвутся к Логвиново. Одновременно наступая на само Дебальцево с двух сторон.

Логвиново - это та самая крышка котла, которую нам надо было захлопнуть, так как это село находилось аккурат на трассе Дебальцево-Артемовск.

Но о ходе самой операции я вам тут расписывать не буду. Все, что вы захотите узнать, есть в инете, в свободном доступе. Причем, как в украинском, так и в нашем варианте.

Эта моя часть будет о другом...

К началу февраля 2015 года в нашей роте уже было достаточно оружия и б/к, или, как мы его называли - «железа». И если в ноябре-декабре 2014 года, «Калаш» находившийся в личном пользовании, был скорее редкостью и радостью для его обладателя, то уже в феврале, у нас у каждого был свой АК, с несколькими магазинами к нему и парочкой гранат.

Но одно дело все это иметь в Алчевске, в тылу. Другое - на передовой, под Дебальцево. Сами понимаете, всего нашего ротного б/к хватило бы лишь на полчаса хорошего боя.

А раз так, то надо было где-то «разжиться» еще. Поэтому Стилет решил отправить в Новоазовск группу в количестве трех бойцов - Алтай(наш старшина), Джонни и Татарин.

Славный город Новоазовск, если кто не в курсе, находится на азовском море. Это уже территория ДНР, самый юг. И расположен он не далеко от границы с Россией. Туда-то и отправились наши парни.

Далее, я публикую рассказ самого Алтая, дословно, как все было:

«Числа 4-5 февраля, вечером в казарме ротный Стилет

предложил мне смотаться с бойцами в район Новоазовска на «Соболе». Обычно он не любил, когда я надолго отлучаюсь с располагги, т.к. ответственным по роте, при выездах боевых четверок с ротным приходилось быть в основном мне. А тут доверил, да еще на «Соболе». Закрепленным водителем на этой «швидкой до-помоге» был «Корж», типичный прапорщик-хохол. Обычно тот, при разговорах о закреплении второго водителя на эту колымагу, сильно возбуждался и свирепел. Дело в том, что Коржик тащил в «Соболя» все ценное, как белка в дупло на зиму. Не выходя из машины можно было прожить, не голодная, несколько дней. А б/к хватило бы на пару часов плотного боя.

С ранья, не емши, мы дружной компашкой двинули в путь. Аппарат был заправлен с расчетом туда-сюда. Поскрипывая на ямах донбасских автобанов, не сильно поспешая, поехали на юг. Джонни сидел справа за навигатора. В салоне дремал Татарин. Боец со славянской внешностью, знаменитый в нашей бригаде тем, что купив и отремонтировав дома в РФ легковой «Форд» пригнал его и отдал в пользование в подразделение.

Сверясь с картой и уточняя на блокпостах маршрут, первые часа четыре ехали без проблем. Опасались только выехать на оккупированную территорию, такие случаи были и у ополченцев и у укропов. После обеда «допомога» начала чихать и дергаться.

Не тихо матерясь, вспоминая добрым словом «Коржа» добрались до какого-то кишлака. На наше счастье местные ополченцы, напуганные стрельбой из глушителя автомобиля, направили нас к местному диагностику. С молотком и отверткой, сами бы мы мало что смогли сделать с инжекторным двигателем. Минут за пять до нашего въезда в эту деревню, она была обстреляна артиллерией, если не запамятовал, 120 калибром миномета. Еще дымились воронки и развалины строений.

Тем не менее, мастер быстро нашел неисправность с помощью ноутбука (накрылся один из датчиков воздуха), закоротил схему, отцепил воздушный патрубок и наша тарантайка бодро завелась. Остальная часть пути прошла в общем-то спокойно. Мы ехали уже по ДНР, но у нас был пароль для передвижения по дорогам и наши удостоверения спокойно воспринимались местными ополченцами.

Суть нашего задания состояло в том, что надо было обменяться тем, чего было много у нас и забрать то, чего было много

у наших коллег. Усугублялось это тем, что постепенно набирал процесс наведения учета оружия и боеприпасов, так как местное население и криминал растаскивал его по схронам. Все что добывалось в боях и на передовой, катастрофически не хватало.. Но так как процесс был еще на этапе становления, то подразделения делились понемногу. Дебальцево было еще не взято и нам по разрез нужны были некоторые ништяки. За пару дней до этого наши ребята увезли коллегам под Безымянное нужное им оборудование для стрельбы по укропам. Оставалось только забрать обменное.

Почти в сумерках добрались до пункта назначения в хозяйство Шрама. Ничем от «призраковцев» эти ребята не отличались. Большинство россияне - добровольцы, одетые и укомплектованные с миру по нитке. Замордованные постоянными обстрелами и стычками с противником. Только море в десятке метров от расположения, да близость русской границы... А так все, как у нас. Приняли нас радушно, накормили, быстренько загрузили. С нами сел еще один наш боец с бригады «Призрак» ждавший здесь нашего приезда. Было уже темно, и, если честно, возвращаться в сумерках по мало знакомой дороге не хотелось, но Джонни начал тошнить, что хочет вернуться, да и другие ребята поддержали. Угнетало то, что мы на незнакомых позициях, да и под Дебальцево наш груз уже ждали. Я отзвонился на базу, доложил о выдвигении.

Проскочили Новоазовск. Меня, если честно, терзали сомнения в правильности наших действий, о чем я поделился с бойцами. Потом, по прошествии времени, Татарин не раз говорил - «Надо было слушаться Алтая, чуйка у него правильно работает». Наверно, как и у любого человека в возрасте, чуйка у меня срабатывала не раз. Но в ту ночь нам это не помогло. Проехав пару блокпостов, мы тормознули на очередном. Я открыл окно, показал пропуск - удостоверение, сказал пароль. Но нас не пропустили, попросили подождать. При этом на блокпосту началась какая-то незаметная движуха. Я понял, что нас блокируют. При этом один из ополченцев с блокпоста, заглянув в салон машины для проверки пассажиров, начал клянчить боеприпасы. Мужики поделились, так как на себе знали проблему нехватки б/к в наших рядах.

Поначалу мы воспринимали все происходящее без напряжения.

Мол, темно и народ нервничает. Блокпост был однозначно наш. Сбиться мы не могли, так как недалеко отъехали от Новоазовска, а колея была только одна, без развилки. Чтобы не нервировать проверяющих, мы вышли без оружия на улицу. Старший блокпоста сказал, что он созванивается с начальством, чтобы проверить нас. А в это время один из ополченцев, спрятавшись за штатное укрытие, передернув затвор, направил на нас РПК.

Сейчас, по прошествии времени, я могу попутать некоторые моменты происходившего. Получилось так, что нас оттеснили от машины. А один из ополченцев, называвшийся «Адамом» начал стрелять нам одиночными под ноги. Попытки успокоить ни к чему не привели. Осколки асфальта и гравия, отлетая, секли нам одежду, кисти рук. Стрелявший говорил с чеченским акцентом и, держа бутылку пива в руках, периодически отхлебывал из нее, дыша перегаром. Я четыре года провоевал в Чечне, познакомился там как с чеченцами, воевавшими на нашей стороне, так и с бывшими боевиками, и знаю, что поведение такого «воина» никто бы из них не одобрил.

Вскоре подъехало «начальство» на двух машинах. Перед тем, как нас посадить в автомобили, старший с позывным «Батя» сказал нас досмотреть. При этом досмотр был похож на грабёж в переулке.

Забирались такие «опасные вещи», как кошельки, телефоны, часы и прочие вещи. Видать на память или сувениры. При этом, видно, чтобы мы осознавали важность происходившего, все это приправлялось ударами. Мне зарядили прикладом по черепу, еле очки успел поймать. А то бы двигался по приборам.

Позже я узнал, что сотрудники МГБ Новоазовска слышали по рации переговоры о нашем задержании, и один из них, видно, находясь недалеко, подъехал в момент нашей упаковки по машинам. Он заставил ополченцев отвезти нас в Новоазовскую «контору».

Когда нас закрыли в камеру, Джонни - бывший мент, такой же, как и я, пояснил нам, что нас всех сейчас, при допросе будут пи...ть. После чего завалился на матрасы, лежащие на полу и захрапел. Видно решил набраться сил и мужества перед допросом.

Ночь прошла в созвонах, опросах и уточнениях. Нам повезло, что Шрам, приехав, объяснил, откуда мы и что везем? А

когда сотрудники МГБ поговорили с нашим «Васей», напряжение в общении прошло. Но самое осознание произошедшего настало, когда мgbшники рассказали нам подробности, доселе нам незнакомые.

В ряды ополчения при начале боевых действий на Донбассе вливались все добровольцы. Оружие давали, не спрашивая характеристик и справок о судимости. Только одни, освобождая населенные пункты, уходили с линией фронта, выдавливая противника с русской земли. А другие, хитро...опые по жизни, оставались. И устанавливали «свою» власть. Крышевали, грабили, занимались контрабандой – возможно, то, чем занимались до войны.

Вот под раздачу такой компании мы и попали. Со слов мgbшников эти бандиты отслеживали нашу машину и планировали ее и б/к забрать, а нас расстрелять в каком-нибудь овраге. Сил бороться с хорошо вооруженной бандой не было, так как все силы находились на передовой, поэтому соблюдалось определенное «перемирие». Но после происшествия с нами, должны были получить подкрепление для ликвидации банды. Видимо это было последней каплей...

Татарин с расстройства, через некоторое время уехал домой. Наша бригада вгрызлась в Дебальцево, и со временем новые эмоции и события заслонили все произошедшее с нами. Уже дома, я, перечитав литературу о гражданской войне 1918-20-х годов в России, нашел полную аналогию с событиями в Новороссии. Тогда, после переворота в столице, возникло много местечковых подразделений - белые, красные, махновцы, германцы, зеленые и просто бандиты без политической окраски. Бились друг с другом, объединялись, добивали слабых и снова враждовали...

Может кто-нибудь, прочитав мои записи, упрекнет нас в трусости. Мол, надо было дать им отпор и так далее... Вынужден его разубедить. Все в нашей группе имели опыт в других военных конфликтах. А нормальный блокпост строится с учетом таких ситуаций. Во-первых, это однозначно был наш блокпост, стоящий на контролируемой нами территории. Если бы мы, даже заранее зная будущие события, пошли на прорыв и как-то проскочили бы его, то далеко бы мы не ушли. Местность, загруженность машины и т.д. нам бы не позволили это сделать. Если только бросив

все, смылись бы через границу РФ. Да и одно хорошее попадание из стрелкового оружия в машину... и от всех, включая блокпост, остались бы ботинки на асфальте.»

Вот такой рассказ, спустя год с небольшим, после этих событий поведал мне сам Алтай. Ничего в нем я менять не стал. Оставил все так, как есть. Даже «стиль письма» не изменил.

Ну, а что же мы, те, кто остался в самой роте?

Через пару дней, поняв, что операция по перевозке оружия с Новоазовска провалена, Стилет нас собрал и поведал, что надо ехать на выручку - спасти наших бойцов, а возможно и само «железо».

Спасать, так спасать. Лично я всегда за любой кипишь, окромя голодовки, а тут целая «спасательная операция».

Из нашей «оружейки» было вытащено почти все, что могло стрелять, летать и взрываться. Каждому бойцу было добавлено, к уже имеющемуся у него б/к, еще пара магазинов и гранат. «Мухи и «Шмели» были бережно погружены в багажники и салон наших ротных легковых авто. Короче говоря, Рембо в Афгане, по сравнению с нами в тот момент, был просто бойскаутом приехавший посмотреть страну.

Инструктаж Стилета был кратким - едем в Новоазовск, там даем всем пи..ы, забираем наших парней и «железо», а после... А после, как карта ляжет.

Погрузившись в три наши ротные колымаги, мы после обеда двинулись в сторону Новоазовска. Дорога, с учетом того, что мы пару раз заезжали «не туда» заняла примерно часов пять. В сам Новоазовск прибыли уже глубоким вечером, когда стемнело.

При подъезде к городу, я уже мысленно начал прощаться со своими родными и близкими, потому карта могла лечь и не так, как она в итоге легла.

Мои размышления на тот момент были просты. Ну, допустим, мы без проблем заезжаем в сам город, допустим «весело и с боем» берем здание того самого МГБ Новоазовска и вытаскиваем измученных в его застенках наших товарищей. Дальше что?

А дальше, если бы события развивались по такому сценарию, нас из города живыми уже просто не выпустили бы.

Короче говоря, адреналин и бодрость духа присутствовали

у меня в тот день по полной программе. Все, в общем-то, как я и люблю.

Блокпосты на подъезде к городу проехали без проблем. Благо с нами был тогда «Борец», который выходил, общался с ополченцами стоящими на них, после чего мы дружно двигались дальше.

К самому зданию, где на тот момент было МГБ Новоазовска, мы прибыли, когда уже окончательно стемнело. Борец пошел вовнутрь для переговоров. Нам же дана была команда: «из машин не выходить».

Примерно через полчаса такого сидения, поняв, что процесс переговоров затягивается, мы стали по одному выползать на воздух, что бы размять ноги и другие части тела. Еще примерно через час, из здания МГБ появились наши бойцы - Алтай, Джонни и Татарин. Появились живые, целые, но без оружия. Как потом выяснилось, у них забрали не только то «железо», что они везли с собой, но и свое личное. Особенно по этому поводу сокрушался Джонни, так как у него только одних магазинов на 45 патронов было целых семь. Короче говоря, после всей этой истории мы оказались в минусе.

Еще примерно через полчаса, из здания МГБ вышел уже сам «Борец», который объяснил, что за «железо», за которым приехали Алтай, Джонни и Татарин можно забыть. Спасибо еще, что их самих удалось вернуть живыми и почти целыми.

Осознав всю картину произошедшего и то, что уже ночь, а мы еще в Новоазовске, наша колонна двинулась в обратном направлении.

Что такое Новороссия ночью, я уже описывал в части, когда переходил границу. Из ночного освещения там обычно - это луна звезды и собственные фары. Но в ту ночь даже звезды нам не светили. Короче говоря, еще на территории ДНР мы заблудились.

Дело было, как ты помнишь - дорогой читатель, в феврале. При отбытии в обратном направлении я сел в кабину того самого «Соболя», за рулем которого ехал Алтай и «смотрящим» за который был «Корж». Внутри салона расположились Татарин, Москаль и еще пара человек из наших. Двигались мы во главе нашей славной автоколонны. За нами уже все остальные, в том числе и

Стилет с Нарвой. Нарва был за рулем того самого «Форда», который Татарин пригнал из РФ и который постепенно из «Форда» стал превращаться в металлолом.

И все бы ничего. Хрен бы даже с тем, что мы опять «заехали не туда». Проблема образовалась там, откуда ее не ждали. «Форд» сломался.

- Алтай стой! - слышим крики и сигналы из других машин.

Алтай останавливает «Соболя». Мы вылезаем, что бы понять, что случилось?

- «Форд» нае...ся. Нарва его все-таки добил, - с грустью в лице вещает нам Джонни. С грустью, потому что он сам в нем ехал.

- Что с «Фордом»? - убитым голосом спрашивает Татарин.

- Я не знаю, иди сам глянь, - отвечает Джонни.

Мы подходим к «Форду». Возле него уже вся толпа наших и Нарва, который на карачках, с фонариком, светит под его днище, пытаюсь понять, что произошло?

- Бл...ть, ты че, Нарва, сделал с ним? - орет на Нарву Татарин. - Тебя, кто учил так ездить?

- Да я сам не знаю, как так получилось, - вздыхает Нарва.

Из-под капота «Форда» тем временем, набегают небольшая лужа машинного масла.

Примерно еще минут 10 Нарва с Татаринцем пытаются реанимировать «Форд». Но вскоре, поняв всю бесполезность этого мероприятия в условиях темноты и мороза, Татарин посылает Нарву туда, на чем обычно мы сидим, и залезает обратно в «Соболь».

- Пусть теперь сам с ним еб...ся, - сокрушается он. Мне он теперь нахрен не нужен

Оставался только один вариант транспортировки «Форда» - это буксир. Причем сам «железный конь» уже начал остывать. Он напомнил мне в тот момент тяжело раненого бойца, сраженного пулей на поле брани, который вот-вот отойдет в мир иной. Печка у него, по понятным причинам, работать перестала.

И тут Стилет, который ехал в этом же «Форде» принимает, на его взгляд, «соломоново решение».

Он решает покинуть нас. Бросив напоследок пару фраз о том, что мысленно он будет с нами - его бойцами, отдав кое-какие распоряжения и пожелав нам всего хорошего, Стилет садится в

другую, но уже целую, теплую машину и с комфортом отчаливает в направлении Алчевска.

Делать нечего. Цепляем раненый «Форд» к «Соболю». Нарва садится за руль уже остывшего «Форда» и наша колонна продолжает свой ночной путь по автобанам Новороссии.

Перед этим Джонни прыгает к нам, в кабину. А по дороге потихоньку уничтожает запасы провизии, которые «Корж» заботливо занякал под сиденьем. На наш с Алтаем вопрос, что мы скажем «Коржу», Джонни с невозмутимым видом отвечает:

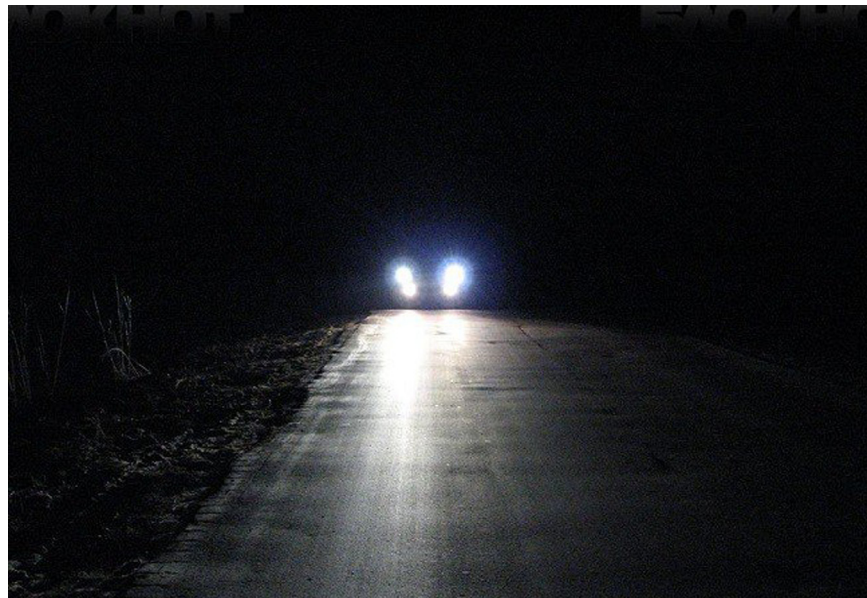
- Я жрать хочу, а от «Коржа» не убудет. У него еще есть.

По дороге мы несколько раз останавливаемся по причине того, что буксир наш то развязывается, то лопаается.

Татарин, сидя сзади нас в «Соболе», всю дорогу отчаянно рассказывает, что он думает о Нарве, Новоазовске и вообще обо всем этом в целом.

В ту морозную, февральскую ночь, сидя в кабине «Соболя» и вглядываясь в ночную мглу, я понял одну простую вещь - Стилет для меня, как командир, «умер» окончательно и навсегда!!!

С горем пополам и божьей помощью, в Алчевск мы прибыли в пять утра.

ЛОМОВАТКА

- начало февраля 2015 года.

Таааа - таааа... та-та-та... Та-та, та-та, Та-тааа, - слышу я сквозь сон минометную очередь. «Работают» наши. И судя по выстрелам, работают из «Василька». Привычно дрожат окна, и сыпется с потолка штукатурка. Значит, работают где-то недалеко.

- И че им не спится? - размышляю я, зевая. Ночь ведь на дворе.

Бах, бах, ба-бах... Это уже «ответка» от укропов из чего-то тяжелого.

Тааа - тааа... та-та-та... Та-та, Та-та, Та-тааа. Опять раздается очередь из того же миномета.

- Снова та же песня. Что-то мотив какой-то знакомый, - вдруг понимаю я, переворачиваясь на другой бок.

Стоп! Да это же «спартаковский бит». Так фанаты «Спартак» на стадионе орут свою любимую «кричалку»:

- «Так, так... только так... Атакуют, «Спартак».

Я, как болельщик ЦСКА ее хорошо знаю. Видимо тот, кто сейчас лупит из «Василька» по Дебальцевскому укреп-району, таким образом решил передать привет тем украм, кто болеет за Киевское «Динамо».

- Юмористы-футболисты, мать вашу. Дайте поспать.

Поднимаю голову. Наши все спят. Спят, как обычно - прямо в одежде, на матрасах. А кто-то и в берцах, не снимая разгрузки. Спят на партах и на полу, как и я.

Кто-то даже храпит. Кажется это Косой. У него нос перебит, как он сам говорил. Отчего, когда разговаривает, немного гундосит.

Судя по рисункам на стенах и игрушкам, расставленным на полках, мы расположились в «первом классе» Ломоватской средней школы. Странные ощущения. Никогда не думал, что снова окажусь в первом классе, но уже в качестве российского добровольца. Причем не где-нибудь в Косово или Сирии, а на Донбассе. На Донбассе, который этот доброволец приехал защищать от самой Украины. Бред, скажешь ты? Да нет - это реальность. Чего же только жизнь не подкинет, да?

Дети, естественно, в школе не учатся. Война!!!

Смотрю на часы. Три часа ночи. Моя смена уже через час. Я

меняю «Албанца», который в карауле, возле класса, где отдыхает наш штаб «Призрака».

- Надо бы еще поспать, - говорю я сам себе. И под «мелодию» спартаковского бита из «Василька», снова проваливаюсь в царство Морфея.

Где это мы, почему в школе, почему на полу и почему так близко «работают» наши? - спросишь ты меня читатель.

Все очень просто. Это - ЛОМОВАТКА, братан!

В этом населенном пункте, как ты уже, наверное, догадался, располагался наш штаб бригады «Призрак». Школа была нашим местом дислоцирования в то время. А мы, все те, кто находился в этом классе, были личной охраной комбрига Алексея Борисовича Мозгового.

Населенный пункт Ломоватка тогда находился практически на передовой линии фронта. До самого Дебальцево по прямой - 10 км, а до позиций укропов и того меньше.

- 7 февраля 2015 года. Алчевск. (За несколько дней до описываемых выше событий).

Вот уже несколько дней парни из нашей роты находятся в Ломоватке, в личной охране Мозгового. Наша рота сменила его предыдущую охрану. Не хочу углубляться в дискуссию, куда и почему испарились наши предшественники, но факт был в том, что после начала нашего наступления на Дебальцево, прежняя охрана комбрига, решила поменять место своей дислокации по причине конфликта, который у них произошел с самим Мозговым.

И что бы избежать в дальнейшем различных кривотолков, дам этому объяснение.

Вот, что мне в личной беседе, рассказал Серега Тюрин («Зязик»), который сам тогда был в «личке» у Борисыча (терминология, грамматика и стиль его письма сохранен, как есть):

- «Тавр, я сам там был... Конфликт произошел после того, как Боря со Школьником после 2-х суток с «Первым» не спавшие и не евшие поехали отоспаться в Алчевск и оставил после себя Песню, а по приезду их первый заставил параша мыть... Типо съе...лись, вот после этого они и ушли... Не справедливо было... Пацаны верой и правдой служили ему и никто не свалил, а просто поехали спокойно поспать...» Первый» мог иногда загонять...

Я ушел (А я на тот момент тоже был в охране) из-за конфликта с Песней... Он на себя «одеяло» начальника сильно потянул (звезду поймал что ли?)...Но это не помешало нам потом остаться друзьями(поговорили и поняли друг друга)... Я перешел в Информ-отдел и лазил на том же передке, ну ты знаешь...»

Вот, как-то так. Короче говоря, охрана комбрига Алексея Борисовича Мозгового к тому времени уже полностью осуществлялась силами нашей роты «СБ» «Призрака». Хотя, если по-честному, слово «рота» к нашему подразделению, тогда имело определение скорее формальное, чем реальное. Дело в том, что к началу Дебальцевской операции, нас насчитывалось примерно 22-25 человек. И то с натяжкой. Что по численности состава больше соответствует взводу, чем роте. Но зато все были при деле:

- Две четверки - ГБР.
- Одна в карауле, на штабе («избушке»).
- Еще одна четверка заступала в наряд по роте.
- И 6-8 человек тогда были в самой охране у Борисыча, в Ломоватке.

Вот собственно и вся рота. Были, конечно, еще разные проходящие-уходящие бойцы. Но они, как правило, надолго не задерживались. Неделя-другая и они «отчаливали» в другие подразделения. Причины у всех были разные. Но основных было две:

1. Не желание «сидеть в тылу» в то время, как идет штурм Дебальцево.

2. Дисциплина и «сухой закон», которые царили в нашей роте.

Скажу честно. При всем моем «не однозначном» отношении к «Стилету», как к командиру и человеку, дисциплину и сухой закон он умел держать. Сам не пил и другим не давал! Что, в условиях боевых действий имело большое, если не решающее значение.

Думаю, что многие уже слышали из разных источников, про «вольный образ службы» в других подразделения. Как с нашей стороны, так и в рядах ВСУ, у укропов. Народу «по-пьяни» гибло больше, чем при боевых действиях. На руках ведь у всех оружие. Я уж молчу про боевые гранаты. Выдернул колечко «по синьке» в блиндаже, казарме или другом закрытом помещении... и нет отделения. Потом конечно родственникам расскажут, что их сын (муж, брат) погиб «смертью храбрых, при выполнении особо важного задания». И это тоже нормальная практика. Лучше так,

чем если они будут знать, что от рук своих собратьев по оружию, под кайфом «зеленого змия».

Но я отвлекся. В предыдущей части я рассказывал, как мы ездили в Новоазовск вызволять Алтая, Джонни и Татарина «из плена». И что в итоге, из всего этого получилось.

После той поездки, сделав определенные выводы, я для себя окончательно решил, что оставаться дальше в роте, под командованием Стилета, не имеет смысла. Слишком уж у нас с ним был разный подход и взгляд на вещи, о которых я излагал ранее. Плюс, регулярное нахождение в тылу, пусть даже и выполняя «важные задачи», моя мятежная душа больше не могла терпеть.

С Новоазовска мы вернулись, как я уже рассказывал в предыдущей части - 7 февраля, в 5 утра. В тот же день, с Ломоватки приехал «Албанец». Приехал, что бы помыться, постираться и переодеться в чистое, так как там с этим делом были большие проблемы.

С «Албанцем» у нас всегда были нормальные взаимоотношения. В первую очередь, потому что оба спортсмены, а еще потому что Албанец всегда имел свою, не зависимую точку зрения, которую не боялся высказать в слух. А я таких уважаю. Сам такой.

- Албан, здорова! Вы когда приехали? - перехватываю я его в коридоре нашей казармы.

- Здорова, Тавридзе! – улыбаясь, приветствует он меня. - Да вот недавно совсем. Саня «Песня» отпустил на один день всего. Завтра обратно уже.

- Ну, и как там?

- Да нормально. Воевать можно. Вот только воды нет. Приехал помыться, да постираться.

- Я с вами поеду, как соберетесь, - говорю я ему.

- А «Стилет» в курсе?

- Еще нет. Сейчас пойду разговаривать с ним.

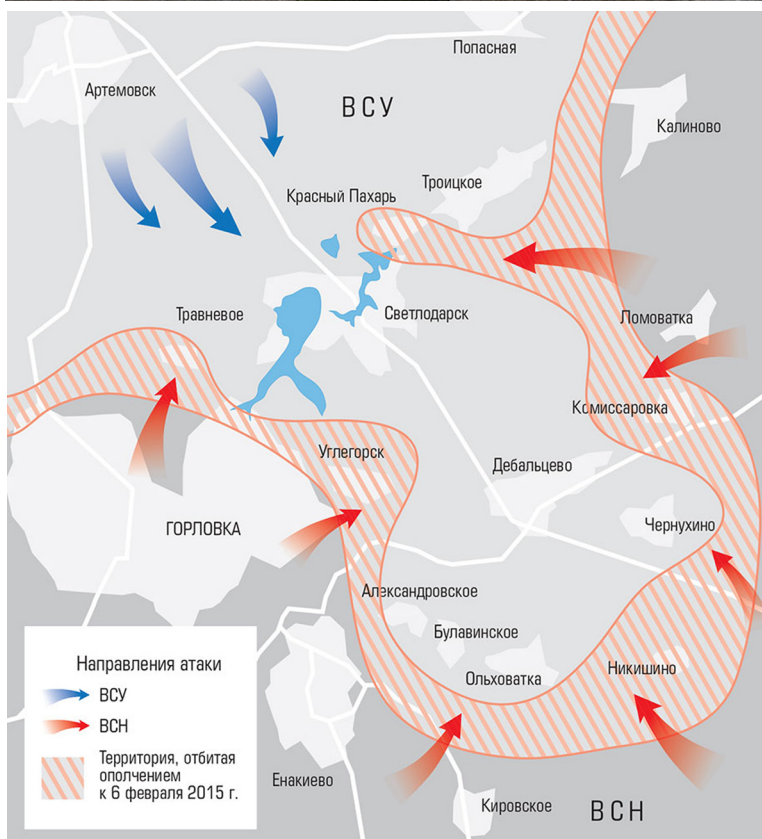
- Понял. Ну, удачи тебе тогда. Потом скажешь, когда решишь вопрос.

- Да, конечно, - говорю я Албанцу и иду в комнату к Стилету для разговора.

Подхожу к его двери. Стучусь. Тот «у себя».

- Командир, ты не занят?

По виду Стилета понимаю, что он не в духе и не особо рад моему приходу. Но так как я все же зашел, решает поговорить.

- Что у тебя на этот раз?
- Я решил уехать в Ломоватку.
- В Ломоватку говоришь? А здесь тебя чем не устраивает?
- Ты знаешь чем? - отвечаю ему.
- А справишься?

Я начинаю широко улыбаться, понимая подвох стилетовского вопроса.

- Командир, а с чего это ты решил, что я не справлюсь? Или, может, ты мне не доверяешь в чем-то? Так ты скажи.

- Дело не в доверии, а в умении. Там боевые действия идут. Там Мозговой.

- Я в курсе, что там Мозговой, и что там идут реальные боевые действия. Поэтому и пришел к тебе. Или ты хочешь сказать, что там сейчас с ним «лучшие из лучших», а мы тут так, «за водой вышли, погулять».

- Тавр, если тебя что-то не устраивает, тогда пиши рапорт на увольнение из роты. Я подпишу.

- Стиллет, я сюда воевать приехал, а не рапорта писать.

После недолгих раздумий, тот отвечает:

- Хорошо, завтра поедешь. Можешь готовиться.

Через пять минут после нашего разговора, ко мне в комнату заглядывает Албанец.

- Тавр, ну что, со Стиллетом говорил?

- Поговорили. Все нормально. Завтра с вами еду.

- Ну, лады.

Вечером, на построении, после проверки личного состава, Стиллет объявил:

- Завтра, на ротацию, в Ломоватку едут - Тавр, Аякс и Рок. Плюс еще Албанец. Всем проверить оружие и наличие боеприпасов. Если у кого чего не хватает из б/к, подойдите к Михалычу. Вопросы есть?

- Вопросов нет, - слышен ответ Албанца из строя.

- Разойдись.

По прибытии в Ломоватку, мы сменили Сибирь, Нила, Клокера и Дамаска, которые были там до нас.

С этого дня, началась короткая, но яркая страница в моей жизни. Страница, о которой я буду помнить всегда!!!

С этого дня началась моя служба в личной охране комбрига Алексея Мозгового!!!

АЛЛАХ АКБАР

- 13 февраля 2015 года. Два часа ночи. Ломоватка-Дебальцево.

- Всем подъем! Общее построение через 5 минут! - кричит нам Албанец и включает свет в комнате.

Мой организм, спустя секунду, тут же подбрасывает меня в вертикальное положение. Долго одеваться мне не приходится, я и так сплю в одежде. Время уходит только на то, что бы быстро натянуть и завязать берцы. Пока завязываю шнурки, оглядываюсь по сторонам. Все уже повскакивали и занимаются тем же, что и я.

Хватаю автомат и выбегаю из нашего класса в коридор школы, где базируется наш «Призрак». Там уже вовсю идет суэта. Идет построение бойцов, кто дислоцируется в здании Ломоватской школы.

Мы сами в строй не вступаем. У нас другая задача - охрана Мозгового. Поэтому ждем, когда он выйдет из класса, где расположен непосредственно штаб.

Ждать долго не приходится. Через пару минут Борисыч выходит и обращается, к уже стоящим в строю бойцам.

- Короче так. Довожу до вас сложившуюся на данный момент обстановку. Нашей передовой группе ДКО, во главе с Аркадичем, еще днем удалось прорваться в Дебальцево и закрепится в районе «Восьмого марта». Положение у них там тяжелое. Они запрашивают подкрепление. Несколько наших ДРГ уже туда оправились.

Далее комбриг доводит боевые задачи командирам силовых групп, стоящим в строю.

После чего добавляет:

- Пароль между собой - «Аллах Акбар». Отзыв - «Воистину Акбар». Пароль всем ясен, задачи понятны?

- Так точно, - слышны ответы из строя.

- Тогда вперед.

Обвешанные «мухами», «шмелями», «калашами» и б\к, парни покидают расположение в направлении Дебальцево. Для кого-то из них эта ночь, возможно, станет последней в жизни!

Но сейчас мы об этом даже не думаем. Сейчас для нас главное - это взять Дебальцево. Все остальное уже потом. В том числе и страх перед возможной смертью.

После построения «Крым» раздает нам всем, кто в охране Мозгового, белые маскхалаты.

Нас восемь человек, две четверки: Я, Албанец, Аякс, Рок, Корж, Смелый, Москаль и Косой. Плюс еще Ласточка, наш санинструктор. Часть бойцов грузится в «Секвою», с Борисычем. Остальные в «Соболь». После чего, наша «автоколонна» так же выдвигается на передовую.

Едем до Конокрадовки. По прибытии, оставляем свой транспорт там.

- Ты останься, - говорит Борисыч Коржу. Живой водитель нам будет нужнее и полезнее, чем мертвый. Возможно, придется вывозить раненых.

Дальше уже двигаем своим ходом. То есть пешком.

В авангарде группы Косой. За ним Аякс и сам Мозговой. Мы с Албанцем по краям от Борисыча. Замыкающие - Москаль, Смелый и Ласточка. На плече у нее санитарная сумка. В своем белом маскхалате, в белой каске на голове, она похожа на маленького снеговика, который потерялся после нового года. И который сейчас семенит за нами, боясь снова отстать среди бескрайних, снежных полей Донбасса.

Мы и сами похожи на снеговиков. На каждом бронежилет, что добавляет дополнительных объемов нашим фигурам. Приплюсуйте к этому еще разгрузку с магазинами и гранатами, каски, автомат, маскхалат... И вы получите готовый отряд боевиков-снеговиков, который спешит поздравить укрупских мальчиков и девочек с «Днем святого Валентина». Вот только «валентинки» у нас калибром 5.45, а у кого-то и 7.62. Не самый конечно радостный набор для украинских ребят, но как сказал один мудрый воин-сепаратист, залезая на броню БТРа - «Чем богаты, да по РАДЕ».

Ночь темна. На небе нет ни звезд, ни луны. Плюс надвигающийся туман, довершает картину полного конца света. «Радуют» только звуки и шелест канонады, что раздается в паре километров от нас. Мы двигаемся вдоль «железки». На ее рельсах стоит железнодорожный состав с уже давно развороченными от мин и снарядов вагонами. Где-то там, в Дебальцево, закрепились наши.

- Первый, первый. Это пятый. Прием, - слышится голос из рации, что висит у Борисыча на плече.

- Первый на связи. Прием, - следует ответ.
- Продвинулись примерно на километр вперед. Дальше движение затруднено. Плохая видимость. Туман. Прием.
- Понял тебя, пятый. Там «Талиб» должен быть справа от вас.
- С ним нет связи. Повторяю - нет связи. Прием.
- Оставайтесь пока на месте. Дальше не суйтесь. Конец связи.
Дальше Борисыч пытается связаться уже с «Талибом»:
- Это первый. Как, слышно меня. Прием. Повторяю. Это первый. Прием.
Рация шипит, но ответа нет.
- Ох, не нравится мне это все, - говорит нам Борисыч. И тут же добавляет:
- Надо поторопиться выйти «на ноль». Оттуда уже свяжемся с «Талибом» по другой рации.
Наша группа ускоряет шаг.
В тумане выплывают две фигуры бойцов, часовых.
- Аллах Акбар, - кричат они нам.
- Воистину Акбар, - отвечает им Косой, идущий впереди нашей группы.
Подходим к ним. здороваемся.
- Все нормально тут у вас? - спрашивает у них комбриг. Перед нами еще группа проходила?
- Да. Они вперед ушли, - слышим ответ парней и двигаемся дальше.
- Первый, первый. Это четвертый. Прием, - снова оживает рация.
- Слушаю тебя четвертый. Прием.
- В лесополосе видим движение группы людей. Но из-за плохой видимости не можем определить, кто это? Прием.
- Понял тебя четвертый. Оставайтесь на месте. Огонь не открывать. Повторяю - огонь не открывать. Возможно это ДРГ «Талиба». У него, что-то со связью. Прием.
- Вас понял. Огонь не открывать. Конец связи.
Еще минут через десять выходим «на ноль». Там, под железнодорожным мостом, греется у костра большая группа наших бойцов. Навскидку человек 30-40. У меня в голове сразу же всплывает картинка времен Великой Отечественной и слова из песни

- «Бьется в тесной печурке огонь». И если их подкорректировать, то получалось: «Бьется в тесном тоннеле костер...»
- Ну, что «призраки», замерзли, - улыбаясь, обращается к ним Мозговой.
- Никак нет, Алексей Борисыч. «Призраки» не мерзнут, - слышен ответ.
- У кого рация хорошая? Моя что не тянет. Похоже, батарея садится.
Кто-то из бойцов передает ему свою рацию.
- Тавр, держи пока у себя мою, - говорит он мне.
Забираю у него рацию и засовываю к себе в разгрузку.
- Талиб, это первый. Как слышишь меня? Прием, - снова вызывает он Талиба уже по другой рации.
- Это Талиб. Слышу вас хорошо. Прием.
- Ну, наконец-то. Ты, где находишься?
Талиб называет свои координаты и добавляет:
- Двигаться вперед не могу. Большой туман. Видимость плохая. Прием.
- Возвращайся на базу. Только аккуратней, там за тобой еще одна наша группа. Не перестреляете там друг друга. Прием.
- Вас понял. Выдвигаюсь на базу. Конец связи.
Бойцы, что сидят у костра, сразу оживляются. Кто-то спрашивает:
- Борисыч, так что там с наступлением?
- Да нах...ра мне такое наступление? Я вас на убой в этот туман не поведу. Как я потом вашим женам и матерям в глаза буду смотреть?
- Так там же наши на «восьмом марте» закрепились.
- Разберемся. А пока отбой, - говорит он всем. И добавляет по рации:
- Четвертый. Это первый. Прием.
- Четвертый на связи.
- Там, рядом с вами «Талиб». Он возвращается. Вам тоже отбой. На сегодня всем отбой. Передай пятому. Возвращаемся на базу.
- Вас понял, первый. Возвращаемся на базу. Конец связи.
- Ну что, все успели перекурить? - обращается уже он к нам.
- Да, все.

- Тогда двигаем дальше.

Выдвигаемся. Борисыч, как обычно по центру, а мы вокруг. По ходу движения меняемся с «Албанцем» местами. Теперь я с лева, он справа.

Вообще-то, мы с Албанцем ориентировались всегда, что называется - «по ходу дела». Я к тому, что Мозгового важно было не только прикрывать, но еще и не потерять. Потому что перемещался он всегда стремительно. Как ртуть. Поэтому, кто из нас будет от него слева, справа, впереди или сзади, значения не имело. Главное, что бы мы передвигались с ним синхронно. Что мы, собственно, всегда и делали.

После «ноля» мы выдвинулись уже непосредственно «на передок». Туман усилился. Близилось утро. Слева поле, справа лесополоса. Прямо передовая и дорога на Дебальцево. Меся берцами грязь, попеременно со снегом, минут через 15-20 выходим на передовую линию. Канонада к тому времени ослабевает. Укропы то ли из-за тумана, то ли из-за экономии снарядов, огрызаются уже не так интенсивно, как два часа назад.

Пробыв там около получаса, возвращаемся обратно. Нам на встречу из тумана, в колонне по одному, выплывает группа вооруженных до зубов бойцов.

- Это кто же такие, интересно, - размышляет Борисыч вслух.

- Аллах Акбар, - кричит Косой идущему первым на нас бойцу.

- Воистину Акбар, - слышим тихий отзыв.

Когда колонна поравнялась с нами, Борисыч спрашивает у проходящего мимо нас бойца:

- Ребята, вы кто?

В ответ - тишина.

Боец, не поворачивая головы, проходит молча мимо нас.

- Ребята, вы кто такие? - задает он снова свой вопрос следующему бойцу.

Та же картина и тот же ответ.

Третьего «прохожего» Мозговой решает уже сам остановить и, глядя на него, снова спрашивает:

- Боец, вы кто?

Боец останавливается. Смотрит в упор на Мозгового и выдает:

- А вы сами кто?

После чего, молча, продолжает свой путь в сторону Дебальцево.

- Все понятно. Это, похоже, вагнеровские, - говорит нам комбриг.

После чего наша колонна продолжает свой путь назад - «на ноль» и дальше на базу.

Еще через полчаса начинает светать. Идти становится легче, но опаснее. Укропские ДРГ ведь тоже на зря свой хлеб едят. А нарваться на них тогда, в прифронтовой полосе, можно было вполне реально. Да и снайперов их никто не отменял. Поэтому не растягиваемся, вертим башками на 180 градусов и стараемся держаться ближе к Борисычу, в случае неожиданной атаки противника.

Когда уже совсем рассвело, мы вернулись в Конокрадовку. Заходим во двор одного из частных домов. Борисыч уверенным шагом заходит во времянку, расположенную рядом с домом. Я за ним. Там «Ростов» (Шевченко), наш начальник штаба и еще пара человек с ним.

- Подождите меня снаружи, - говорит мне Мозговой. - Перекурите пока.

Располагаемся во дворе дома. Курим, общаемся. Делимся впечатлениями о проведенной ночи. Не смотря на усталость и уже хронические недосыпания, мой адреналин бьет через край. Снимаю каску. С головы идет пар. Заглядываю вовнутрь каски. Там уже плавает скопившийся конденсат пота. Я сижу, курю и чувствую, как по спине бегут ручьи воды. Потом, чуть позже, когда мы уже все благополучно вернемся в Ломоватку, я долго буду сушить свой бронежилет. В прямом смысле этого слова. (Если к бронежилету можно вообще применить подобное выражение). Он после той нашей «прогулки» был мокрый, как вся одежда, насквозь.

Вот так и закончилась та сама наша ночь. Впереди у меня будет еще много ночей и дней, проведенных вместе с командиром бригады «Призрак» Алексеем Борисовичем Мозговым.

ВСЕ ПОЗНАЕТСЯ В СРАВНЕНИИ

- февраль 2015г. Ломоватка-Дебальцево.

У великого римского императора, полководца и философа Марка Аврелия, есть один известный афоризм - «Жизнь такова, какой ее делают наши мысли». Другими словами, она такая, какой мы ее себе рисуем каждый день в своей голове.

Но я не буду с тобой читатель здесь «разводить» философию, впадая в полемику. Я лучше расскажу тебе о том, какими были наши дни и наши мысли там, в Ломоватке, в холодном и промозглом феврале 2015 года? В том самом феврале, когда полным ходом шел штурм Дебальцево.

Возможно, в моем рассказе ты увидишь много странностей. Но уверяю тебя, они не больше и не меньше тех, что с нами происходят в обычной, мирной, повседневной жизни. Расскажу я тебе, дорогой ты мой, про нашу «бытовуху». Ты уж прости меня за ранее, что я буду сравнивать наши бытовые условия с условиями жизни простого обывателя. Но, как говорил еще один великий философ - «Все познается в сравнении». Не знаю, как тебе, а мне было и есть с чем сравнить?

В общем, садись поудобнее на диван, доставай из холодильника пиво и слушай...

С того момента, как я попал в Ломоватку, прошла примерно неделя. Разных эпизодов и жизненных моментов за эту неделю было конечно предостаточно. Что-то осталось в моей памяти, что-то с нее стерлось. Но условия нашего быта там, остались, конечно, в памяти навсегда.

Вот скажи мне - читатель. Мы, как обычно живем, когда у нас все хорошо? Правильно. Мы живем, не замечая этого. У нас с тобой в квартирах есть все, что нам надо для обычной повседневной жизни - свет, вода (при чем: холодная и горячая), отопление, мягкая и теплая кровать, где можно сладко спать, телевизор, стиральная машина, интернет, унитаз, где можно удобно сидеть, просматривая этот самый интернет (раньше его заменяли газеты и журналы), а так же газо или электроплита и куча разных других электроприборов. Все это у нас есть, и мы этого не замечаем. Нам даже лень на третий-четвертый этаж подняться пешком. Нам лифт подавай.

Замечаем же мы это все тогда, когда нас из этого списка чего-то лишают. Например: интернета или воды. Я уж не говорю про само электричество. Народ в большинстве своем сразу впадает в ступор, а кто-то даже и в панику. Думаю, что если бы в Москве, хотя бы на пару часов, вырубилось электричество, то наступил бы вначале коллапс, а за ним и полный писец.

Но это Москва. Город, который привык ни в чем себе не отказывать! Основная и главная «проблема» этого города - это пробки, которые сами же себе Москва и устраивает. А все почему? А потому что людям не хочется ехать в общем вагоне метро, а хочется в своем личном авто, с комфортом. Мы же комфорт любим, да читатель? Тут уж - «каждому свое!». Не поспоришь.

А еще у нас куча всяких там проблем и неотложных дел. Мы все, что-то суедемся, спешим куда-то и зачем-то. Осенью впадаем в депрессию. Выходим из нее с помощью алкоголя. Жалеем себя от тяжести своего бытия, дискомфорта и различных житейских проблем.

Я даже, как-то на эту тему написал, будучи еще на Донбассе, один ироничный стишок. Вот послушай:

Если вдруг, в своей квартире, вам не спится по утрам,
Будем ждать вас на Донбассе, здесь мы будем рады вам.
Если воду отключили, и помыться не судьба,
Собирайте свои вещи, ждет донецкая земля.
Если деньги задержали, за прошедший вам январь,
Бьете вы посуду в доме, блюда, чашки и хрусталь,
Мы всегда вам будем рады. От депрессии спасем,
«Москали и колорады», на Донбассе вас мы ждем.
«Грады», «стрелы», «ураганы», будут вас будить с утра,
И соседи - наркоманы, вас покинут на всегда.
Печь-буржуйка, завтрак в поле, все для вас тут, господа.
На полу вам в старой школе, вам постелем до темна.
Если вас жена достала, теща, мать, отец, сестра,
Приезжайте к нам ребята, ждет Донецкая земля.
Пара выстрелов из «градов», марш-бросок в пыли ночной,
Вас избавить будем рады, от депрессии такой.
Есть из банки вас научим, мыться в «теплом» ручейке,
Или может даже лучше, спать в окопе, на земле.
Тут болезни вмиг проходят, сколиоз и энурез.

Головные боли ночью, камни в почках или без.
Все для вас, что захотите, как в Москве здесь пробок нет,
Вам, на танке под Луганском, будет дан зеленый свет.
Приезжайте, не стесняйтесь, хватит вам уже хандрить,
Здесь научим вас ребята, свою Родину любить!!!

Вот, как-то так. Только не надо сейчас мне говорить, что «я не такой, я совсем другой». И если труба позовет в поход, то я, конечно же, всенепримено и т.д.

Я к чему это все? А к тому, что в Ломоватке у нас почти ничего этого не было. Вернее было, но не все. Не было, например, того, без чего человеку ну никак не прожить - интернета!!!

Шутка. Интернет был. Правда, не у нас, а в другом здании, до которого надо было еще добежать. А не было у нас воды... Кран есть, а вот воды там нет. Представляешь? Есть школьный туалет, но он не работает. Канализация забита. Что же делать? Как же быть? Ответ простой - искать другие способы утилизации отработанных продуктов питания твоим организмом. И параллельно с этим искать другие источники воды. И они нашлись. На местной водокачке. Эту радостную новость мне поведал «Албанец» после того, как привозная вода в нашем баке для питья закончилась.

Взяли мы с ним, значит, этот бак, и пошли за водой, на водокачку. Приходим туда, а там. О, чудо! Есть вода не только холодная, но еще и горячая. Более того, там у них есть еще и душ! А это, что значит? Правильно. Это значит, что с начальником этой водокачки нужно было договориться, чтобы там у них помыться. Что я собственно, чуть позже и сделал. Договорился и помылся. А то ведь не порядок. Вдруг с утра в атаку бежать на укропов, а от меня русским духом пахнет. «Бандерлоги» же могут испугаться, растеряться... и разбежаться. Ищи их потом в поле, что бы в плен взять.

Стиральной машины у нас там конечно тоже не было. Приходилось вспоминать, как же «древние люди» без нее обходились? Нагревали в чайнике воду и стирали в тазу, руками. Все это конечно делалось урывками, когда было свободное время. Успел помыться, постираться, поесть, поспать - хорошо. Не успел - беда. В следующий раз успеешь, может быть. Вот так мы и жили. Дружно и весело.

Но все эти наши бытовые проблемы перестали для меня быть проблемой окончательно, когда к нам в штаб (в школу) пришла одна бабушка.

Пришла она за помощью. К Мозговому. Местное население вообще постоянно к нему шло. То пленку взять - окно закрыть, которые было выбито взрывной волной во время обстрела. То за досками, то за продуктами. То на соседей пожаловаться, которые шумят и не соблюдают комендантский час. Короче, шли они к нему в надежде, что он сможет решить их проблему. Мне все это движение напоминало хождение «ходовиков» к Ленину.

Борисыч вначале старался помогать. Но всем ведь не поможешь. К тому же весь этот людской поток мешал ему самому, как командиру бригады, руководить боевыми действиями. Тогда, напомню, Дебальцево было еще не освобождено. Короче, он дал нам не гласное распоряжение, по разным бытовым вопросам местных жителей, временно к нему не пускать. К тому же сама пленка у нас быстро закончилась. Ну, не было ее у нас.

И вот сижу я на дежурстве возле класса, где располагался наш штаб «Призрака». Заходит эта бабушка. Маленькая такая, мне по плечо. В стареньком, засаленном плаще до колен и в таких же стареньких ботиночках, на голове пуховой платок. На вид лет восемьдесят.

- Бабуль, вы к кому? - спрашиваю ее.
- Сынок, мне бы вашего командира.
- Вам сам Мозговой нужен или кто-то другой?
- Да, наверно, Мозговой. Хочу попросить его.

Понимая, что, скорее всего, бабушка пришла за тем же, что и остальные до нее сельчане, задаю еще вопрос.

- Что попросить?

- Пленку. У меня в доме стекол нет. Совсем. Последнее окно позавчера выбило. Я их хочу пленкой заделать, - чуть не плачет она.

- Вы знаете, но у нас уже нет пленки. Закончилась.
- А что же мне делать? Холодно же в хате.

Я стою и понимаю, что чувствую себя, как бы виноватым перед ней, что пленка закончилась. Но помочь ей в этом не могу.

- Я не знаю. Может у ваших соседей что-то осталось? Мы много ее людям раздали, - говорю я ей.
- Нет, сынок. У соседей тоже нет.

Бабуля вздыхает, разворачивается и тихо бредет на выход.
- Подождите, - догоняю я ее уже у дверей. - А кушать у вас есть что?

Она спокойно так поднимает голову и отвечает:

- Кушать у нас тоже нечего. Одна крупа осталась.

- Подождите меня здесь. Я вам сейчас принесу, - говорю я ей и бегу в наш класс, где мы сами тогда базировались.

Там Албанец и еще несколько человек из наших.

- Парни, там бабуля одна пришла, к Борисычу за пленкой. Короче, надо ей продуктами помочь. Что у нас есть в наличии?

После недолгих подсчетов выясняется, что каждый может отдать по банке тушенки.

- Тавр, этого мало будет, - говорит Албанец. Возьми еще полмешка картошки. Отдай ей.

- Да она же это все сама не дотащит, - отвечаю я ему.

- Так ты и помоги. А я пока за тебя постою.

Я хватаю консервы, кидаю все это в мешок с картошкой и выбегаю в коридор, где у дверей ждет меня старушка.

- Вот. Мы тут с ребятами вам собрали не много. Давайте я вам это все отнесу. Далеко идти?

- Нет, тут недалеко. А тебя командир твой не заругает?

Тут как раз к нам подходит Саня Песня. Наш начальник охраны.

- Саш, мы тут с пацанами собрали кое-что из продуктов. Я отнесу ей до дома. За меня пока Албанец подежурит.

- Ну, давай. Только ты недолго. А то скоро возможно выезд будет, - говорит он мне.

- Хорошо. Я туда и обратно.

Закидываю автомат себе на правое плечо, мешок на левое, и идем с бабушкой до ее хаты. По дороге спрашиваю:

- Что же вы не уехали, когда война началась? Зачем остались?

- Не могу я уехать, сынок. Брат у меня лежачий. Совсем не встает. Некому за ним ухаживать. Да и кому мы, старики, нужны?

- А как же дети, внуки ваши.

- Сын еще летом погиб, под Донецком, в ополчении. А внуки в России живут. Зовут меня к себе. Но как я брата оставляю. Он же помрет тут без меня.

Примерно через пять минут мы подходим к ее дому.

САБОТАЖ

- *середина февраля 2015 года. Ломоватка-Дебальцево.*

В предыдущей части я рассказывал о наших бытовых, военных буднях. Не буду тут сейчас опять повторяться, а просто добавлю, что кроме всего прочего была еще одна вещь, с которой приходилось считаться - это сон. Вернее его отсутствие. Отсутствие сна, как такового, в нормальном понимании нормального человека.

Есть такое понятие - «ненормированный график работы». Возможно, ты - читатель тоже такой график работы имеешь. Это когда пока ты работу не выполнишь, домой не уйдешь.

Так вот, у нас помимо «ненормированного графика работы» тогда, был еще и ненормированный сон. Причина была проста - нехватка личного состава, в личной охране у первого лица бригады Алексея Мозгового.

- Почему же такое имело место быть? Не уже ли во всей бригаде «Призрак» не нашлось для этого достаточного количества бойцов? - спросишь ты меня.

А вот ты послушай, почему так получилось? Я постараюсь сейчас объяснить тебе, что называется «на пальцах».

Изначально, еще в Алчевске, личная охрана «Первого», по разным подсчетам, состояла от 12 до 15 бойцов. И было это, до того пока наша рота «СБ» не заменила эту самую охрану уже во время штурма Дебальцево. Причины этой замены, как я писал ранее, на то были. Но я не буду сейчас о них здесь повторяться. Если кому-то интересно, то вы можете все это найти в моих предыдущих частях.

Итак. Почему 12 человек? Да потому что одновременно, рядом с Мозговым должно было находиться не менее четырех бойцов. То есть, пока одна четверка сутки дежурит, находясь при этом в полной боевой готовности, две другие - отдыхают. Так было пока штаб, вместе с Мозговым находился в Алчевске. И так перестало быть, когда он передислоцировался в Ломоватку, под Дебальцево. Вместо 12 человек, в Ломоватку, от нашей роты «СБ» поехало восемь.

Командир роты «СБ» (Службы Безопасности) «Призрака»

- Вот моя хата, - говорит мне она, показывая на дом.

Я смотрю на эту избушку и вижу, что там нет не только стекол, но и снесено полкрыши.

- Да как же вы тут живете? - говорю я ей.

- Я пока с братом у соседей живу. Спасибо, что приютили нас. Ты оставь мешок тут, у заборчика. Дальше я уже сама.

Ставлю мешок к забору.

Бабушка берет меня за руку и, глядя в глаза, вытирая слезы, говорит:

- Спасибо тебе сынок. Храни тебя Бог.

- Да, собственно не за что, бабуль. Помогли, чем смогли. Вы меня извините, мне обратно уже надо.

Обнимаю бабушку и прощаюсь.

- До свидания. Не болейте главное, - говорю я ей. Разворачиваюсь и бегу назад, к своим.

Бегу и понимаю, что мы еще хорошо устроились в этой школе. Ну и что, что спим на полу и на партах. Зато стекла целы и котельная, что в подвале, топит школу. Ну, нет воды, и что с того? Ее же можно принести в баке, с той самой водокачки. Ну да, туалет на улице, в кустах. Зато с едой, с консервами проблем нет. Есть тушенка и даже вареная сгущенка, которую Саня Песня принес неделю назад, целое ведро и которую мы еще не съели.

- Да у нас там практически курорт. Тепло, светло, а главное все вместе, - размышлял я так про себя пока шел обратно.

- Ну что, отнес? - спрашивает меня «Песня», после моего прибытия в школу.

- Ага. Там у нее хата совсем разбитая. Это жуть, Сань. Как они там живут?

- Это война, брат. Будь она не ладная. Ты давай готовься. Сейчас с Борисычем поедем.

- Да я, как пионер. Всегда готов! - улыбаюсь я ему, поправляя свой «калаш».

- Ну, ждите тогда, - говорит он мне и скрывается за дверями класса, где расположен наш штаб.

Через десять минут, мы отправились на очередной выезд с Мозговым.

Стилет, почему то решил, что этого, для охраны первого лица бригады вполне достаточно. Но, как показало время, даже это количество бойцов, уменьшилось потом практически наполовину. Почему? А ты слушай дальше.

В то время, когда мы приехали на ротацию в Ломоватку, там находилось уже восемь наших бойцов - две четверки. Мы это - Я, Албанец, Аякс и Рок. Меняли же мы тогда - Нила, Сибирь, Клокера и Дамаска. Они уехали, а мы и еще одна четверка «во главе» с Коржом, осталась. Если мне не изменяет память, это были Москаль, Косой и Смелый. Впрочем, это не важно.

Важно другое. Стилет назначил Коржа старшим над обеими нашими четверками. Нам лично с Албанцем, как, впрочем, и всем остальным, было на это фиолетово. Ну, назначил и назначил. Сегодня Корж, завтра Михалыч, послезавтра еще, кто-то другой. Какая разница? Тем более, что у нас был свой старший - Аякс. Но это для нас. А для Коржа, это означало одно - полное признание его «заслуг» мальчиша-плохиша перед Стилетом. Наконец-то это свершилось. Корж сиял довольный, как начищенный Тульский самовар. Не хватало разве что только, для полного счастья, бочки варенья и ящика печенья.

И тут произошло то, что произойти никак не могло, по причине «закона военного времени». Но это случилось. Произошел элементарный саботаж. И ты - читатель, сейчас поймешь, почему я это назвал именно так, а не иначе.

Дело в том, что с того момента, когда мы все (кто приехал с Алчевска), переступали порог Ломоватской школы, где располагался штаб бригады, то переходили уже в оперативное подчинение непосредственно к начальнику личной охраны комбрига Мозгового - Саши «Песни» (Александр Юрьев). Но Корж этого не учел. Корж рассудил так: раз Стилет сказал, что он самый старший, значит, так оно и есть.

Короче говоря, Саня, как он сам мне потом рассказывал, мягко говоря «очень удивился», что оказывается старший Корж, а не он. Но катализатором конфликта и цепочкой развития дальнейших событий послужило даже не это.

Виной всему стал «Соболь». Наша «Швыдка допомога». На которой мы передвигались и водителем которой, был сам Корж. В общем, Саня при нем, вслух выразил мысль, что, дескать, не по-

Ломоватка, 14 февраля 2015 года. Я и укропская «валентинка»

рядок, что такой аппарат катается по Алчевску, в то время, когда он больше всего нужен здесь, под Дебальцево, для перевозки раненых.

Что тут началось. Мама, не горюй! Корж расценил это, чуть ли не как покушение на его личную собственность и тут же побежал звонить Стилету, «докладывая» тому, что его «Скорую помощь» хотят вероломным образом изъять для нужд фронта. И что он самолично против этого. Дело запахло керосином.

Стилет, выслушав жалобную речь Коржа о том, что того хотят «раскулачить», забрав «Соболь» вместе с непосильно нажитым имуществом в нем, делает «ход конем». Он дает команду Коржу возвращаться на базу, в Алчевск.

Довольный этим обстоятельством, Корж прыгает в «Соболь» и вместе со своей четверкой дает газу в сторону Алчевска. В итоге, вместо восьми человек, нас остается только четверо - Я, Албанец, Аякс и Рок. Зашибись, правда?

Примерно еще через полчаса после этого, на «Секвое», возвращается Саша «Песня», который ездил ее мыть.

- А где все? - обращается он к нам с Албанцем.

- Уехали.

- В смысле уехали, куда? - не понимает он нашего ответа.

- Назад, в Алчевск.

- Они охренели, что ли? - чуть ли не орет Песня. - Кто дал команду? Кто в охране остался?

- Сань, ну вот мы с Тавром и остались. Рок и Аякс на дежурстве, возле класса Борисыча, - отвечает ему спокойно Албанец.

- Корж Стилету звонил, тот и дал команду - говорю я Песне.

- Да, кто он такой, этот ваш Стилет, что бы забирать личную охрану Мозгового? - не унимается Саня.

- Он командир роты «СБ». Захотел - дал бойцов, захотел - забрал назад. Сань, че делать-то будем теперь, как дежурить? Нас всего четверо осталось - обращаемся мы к нему.

- Пойду к Борисычу, доложу ему сложившуюся ситуацию, - говорит Саня и выходит из класса.

Примерно минут через пятнадцать он возвращается обратно.

- Короче, говорил я с Борисычем. Тот обещал решить этот вопрос. До завтра, пока будете вчетвером. Завтра пришлют еще одну четверку.

- Что Мозговой-то сказал? - спрашиваем его.

- Ничего хорошего. Сказал, что разберется. Злой он, - отвечает Песня, заваривая себе в кружке чай.

На следующий день, уже под вечер, приехал сам Стилет с Нарвой. Они привезли трех бойцов - Лесника, Метлу и Макса. БЕЗ ОРУЖИЯ.

- Тавр, собирайся, поедешь с нами в Алчевск, - говорит он мне.

- Я никуда не поеду, мне и здесь хорошо, в охране - отвечаю я ему.

- Кто еще не хочет ехать? - спрашивает Стилет остальных.

- Я не хочу, - отвечает Албанец

- И я, - добавляет Рок.

- Тогда пишите рапорта о переводе из роты, в личную охрану, мне вы больше не нужны, - говорит он нам.

- Командир, да не вопрос, конечно, напишем, - улыбается Албанец.

- А ты Аякс, с нами? - спрашиваем мы Аякса.

- Нет, я обратно в Алчевск.

- Ты же вроде тоже хотел остаться.

- Я передумал.

- Ну, смотри. Дело твое.

Аякс собирает свои вещи и вместе со Стилетом и Нарвой возвращается в Алчевск.

Утром я, Албанец и Рок написали рапорта о переводе нас из роты «СБ», в личную охрану комбрига Мозгового. Тоже самое сделали Лесник, Метла и Макс. В роту они уже не вернулись.

С этого же дня рота «СБ» бригады «Призрак» больше не занималась обеспечением охраны комбрига «Призрака». Мы все, кто тогда остался в Ломоватке, перешли уже в постоянное, а не временное подчинение Саши Песни. А единственным и прямым начальником у нас стал лишь один человек - Алексей Борисович Мозговой.

Как вы уже поняли, вместо двух полных четверок, у нас получились две тройки. Причем оружие было только у меня, Албанца и Рока.

- Парни, а где автоматы ваши? - обращается Албанец, к вновь прибывшим бойцам.

- Так, а Стилет сказал, что нам тут их выдадут, - говорит Лесник.

- Тавр, ты это слышал? - чуть иронично говорит Албанец.

- Ага. Вот только, где их взять? У нас лишних нет, - добавляю я.

- Так, а шо делать тогда? - удивляется Лесник.

- Не, ну нам в натуре Стилет сказал, что здесь все получим, - возмущается уже «Макс».

- Вот у Песни щас и спросим. Пошли, обрадуем его, - говорим мы им и идем искать нашего начальника охраны.

- На, Макс, держи, - смеется Лесник и дает Максиму шишку.

- Что это? - не понимает тот.

- Это шишка, но в темноте сойдет за гранату. Пока оружие не получим, - ржет Лесник.

Как и ожидалось, Саня этого «юмора» не оценил и пошел опять докладывать Мозговому, что вновь прибывшие бойцы прибыли, но БЕЗ оружия.

Мозговой был в ярости. Думаю, что его бас был тогда слышен далеко за пределами штаба.

Но тогда этот вопрос так и не решился. Свое «железо» ребята получили лишь, когда мы уже вернулись обратно в Алчевск, после Дебальцевской операции. Примерно через неделю.

В итоге, до конца Дебальцево, свое оружие мы передавали парням по смене. За мной закрепился «Макс». С «Албанцем» - «Метла». А «Рок» был в паре с «Лесником».

Правда, оружие мы им передавали только ночью. Во время смены дежурств, когда сами ложились спать. Днем оно всегда было при нас.

Вот такая «боевая» охрана получилась тогда, в феврале 2015 года, у комбрига «Призрака». Один автомат на двоих! Тебе смешно, читатель? Лично мне, было не до смеха...

Лесник в минуту отдыха

Макс играет на рояле

ПРОГУЛКА НА ВОЙНУ

Александрю Юрьеву (Саше «Песне») - начальнику личной охраны Алексея Мозгового, посвящается эта часть...

- середина февраля 2015 года. Ломоватка-Дебальцево. За день до событий, описанных в предыдущей части.

После разогрева на сухом спирте своего сух-пая и благополучного его уничтожения, сидим в «нашем классе» с Албанцем и Аяксом, пьем чай.

Заходит Саня Песня.

- Приятного аппетита. Ну шо, позавтракали? - спрашивает он нас.

- Спасибо. Ага, поели.

- Короче, собирайтесь. Выезд через пять минут.

- Куда едем? - спрашиваем его.

- Та вам не все равно куда? - улыбается он нам.

- Сань, да нам по барабану куда, сам знаешь - смеется Албанец. - Я к тому что «бронники» одевать или нет?

- Как хотите, дело ваше. Но я бы одел. И каски тоже, - говорит он нам и уходит.

Не помню, одел ли тогда Албанец с Аяксом бронежилеты или нет, но я свой одевать не стал. В нем я себя чувствовал, как-то скованно. Пропадала резкость и маневренность движения, что при плотной охране Мозгового имело большое значение. Ведь нам нужно было успевать отслеживать не только то, что происходит вокруг, но и следить за ним самим. Потому что Борисыч был шустрый в этом плане, как ртуть. Он мог пойти прямо, а потом тут же развернуться и двинуть уже в противоположную сторону. Помню (кто-то рассказывал), что были случаи, когда предыдущая охрана, его даже теряла из вида. А это был уже косяк. Если ты теряешь из поля зрения свой объект охраны, то какой тогда из тебя телохранитель? Поэтому, помня, об ошибках своих предшественников, мы старались их не допускать. Правда, нам, как показало время, это не помогло.

Свою главную и роковую ошибку, мы сделали позже. И эта ошибка, многим из нас стоила жизни! Но об этом потом, не сейчас.

Короче, «бронник» я решил не одевать. И как оказалось, не зря.

Собравшись, стоим с Албанцем возле нашей Тайоты-«Секвой», курим.

Выходит Мозговой. За ним Песня, Аяк и наш военкор Змей. Быстро садимся по своим местам. Албанец впереди, я слева от Борисыча, Аяк и Змей сзади нас, Песня за руль. «Рок» после дежурства, остается отдыхать. Сели по местам. Едем.

По направлению движения я понимаю, что едем в сторону Дебальцево.

Примерно через 15 минут, преодолевая февральскую грязь, выезжаем на место дислокации нашей батареи 120-х минометов.

- Останови, - говорит Мозговой Песне.

Выскакиваем из Джипа. Комбриг твердым шагом направляется в сторону этой самой батареи.

- Где командир? - обращается он к одному из бойцов.

- Алексей Борисыч он здесь, только отошел.

- Давай его сюда, - чуть не кричит на бойца Мозговой.

Видно по нему, что он чем-то сильно раздражен.

Уже через минуту к нему подбегает командир этой самой батареи.

- Вы куда, мать вашу, стреляете? - следует вопрос.

- Так мы это... строго по тем координатам, что обозначены, - говорит тот, доставая карту района боевых действий.

Борисыч, после короткого осмотра карты, выдает ему:

- Это старые данные. Там со вчерашнего дня уже наши закрепились. Вы же по ним хреначите.

- Так мы же не знали, - оправдывается старлей.

- Ну, теперь будите знать. А пока отставить стрельбу до выяснения новых позиций противника. Все понятно.

- Так точно, - чуть ли не хором отвечают бойцы.

- Так, ладно. Дальше пешком, - обращается он уже к нам. И добавляет Сане Песне:

- Песня, ты найди пока место, куда машину поставить и догоняй нас.

Мы двигаемся вдоль той самой «железки», где не так давно шли ночью, в туман. Сейчас картина другая. День ясный, светит

солнце. Под его лучами, кое-где даже тает снег. Мы идем в направлении наших позиций, а наши берцы уже привычно месят донбасскую грязь попеременно со снегом. С каждым шагом канонада из стрельбы и взрывов приближает нас к Дебальцево.

Вскоре нас догоняет запыхавшийся Песня. Видя, как тяжело дался ему этот «марш-бросок» мы начинаем слегка его «подкалывать»:

- Саня, бросай курить, вставай на лыжи.

- Да уж. Это тебе на педали жать, - смеется Борисыч и добавляет. - Короче ладно, возвращайся назад. Жди нас в машине. Мы тут сами, без тебя управимся.

Песня возвращается назад, а мы топаем дальше.

По дороге Змей снимает все это на камеру. Мозговой прямо на ходу говорит, что он думает об этой войне, о самой Украине, о ее правительстве, минских соглашениях, Порошенко, а так же Захарченко и Плотницком. Все это без дубляжа, одним текстом.

Мы идем по дороге. Хотя дорогой, там, где уже прошла бронетехника, это было трудно назвать. Скорее - направление. Справа - лес, слева - поле необрунных подсолнухов. Они так и стояли. Всеми забытые, сухие и уже почерневшие. Словно призраки прошлого лета. Стояли, как бы в напоминание о том, что идет война. И что людям сейчас не до них.

Еще через какое-то время, Змей записывает очередное обращение Мозгового. Адресованное уже к мужскому населению Донбасса, которое уехало в Россию, в качестве беженцев. В нем он призывает их вернуться на Родину, которая нуждается в них, а не сидеть дома.

Весь текст этого обращения, я тут излагать не буду. Если кому-то интересно, в интернете есть полное видео, той самой нашей «экскурсии» по местам боевой славы.

Через какое-то время мы добираемся до наших передовых позиций. Погода по-прежнему ясная, солнечная, ветра нет. Ну, просто полная благодать для укропских снайперов. Но Борисыча, судя по его поведению, это мало волнует. Как и то, что мины и снаряды ложатся от нас «в пределах досягаемости». Впрочем, нас самих это тоже мало интересует.

Мозговой под Дебальцево. Февраль 2015 г.

Походив не много по позициям и пообщавшись с бойцами, которые на них находились, Борисыч садится на бревно и наговаривает Змею, на камеру, еще одно видео-обращение. После чего закуривает и говорит:

- Ну, что все записал?

- Ага, все.

- Потом смонтируй все это в один ролик. Так восприятие будет лучше. Может тогда до людей дойдет наконец-то, что эта война нужна только нашим олигархам, а не нам самим.

- Сделаем, - отвечает Змей.

- Ну, что бойцы. Со мной на Киев пойдете, - улыбаясь, обращается он уже к нам, своей охране.

- Алексей Борисович, да не вопрос. С Вами хоть в Африку, - говорю я ему.

- Добро, так, значит, тому и быть. После чего добавляет:

- Ну что, перекурили. Пошли обратно. Нас там Песня уже заждался наверное.

Идем обратно. Албанец впереди, Мозговой сзади него, чуть дальше - Я, Змей и Аякс. У Албанца, сзади на каске, надпись - «Албанец». Борисыч видит ее и с усмешкой так спрашивает:

- Албанец, вот скажи мне, почему ты Албанец, а не немец или японец? - подкалывает он его.

- Не скажу.

- Это почему?

- Военная тайна, - отвечает ему Албанец с невозмутимым видом... и через секунду падает, поскользнувшись на тонком льду.

Борисыч подходит к нему и, смеясь, помогает встать:

- Что же ты, как беременный идешь, под ноги не смотришь.

- Да тут грязь, а под ней не видно, что лед, - как бы оправдывается Албанец.

- Это потому, что ты ворон на ветках считаешь, - смеется Мозговой... и через пять метров падает уже сам.

Тут уже я, еле сдерживая смех, помогаю ему встать.

Он отряхивается и, тыча пальцем в небо, выдает нам:

- Вот оно, как бывает. Боженька то все видит. Нечего, говорит, над другими смеяться.

Так вот дружно и весело наша компания возвращается к ме-

сту, где стоит минометная батарея, и где нас уже ждет «Песня». Посмотрев на наши грязные берцы Саня говорит.

- Вытирайте ноги об траву, а то вы мне весь салон уделаете.

- Ладно тебе, не ворчи. Ничего страшного не случится, если мы испачкаем твой салон, - говорит ему Борисыч, вытирая ноги об ту самую сухую траву.

После очистки обуви от грязи, прыгаем все дружно в «Секвою» и едем обратно, в Ломоватку.

Обед мы уже пропустили. Но так как консервы мне уже поднадоели, я по прибытии, все-таки решаю сходить в столовую, которая на тот момент располагалась в местном, сельском клубе.

Пообедав, возвращаюсь обратно, в нашу школу. Напротив ее центрального входа, возле дороги, стоит «буханка». Боковая дверь открытая. Взгляд падает вовнутрь салона. А там...

А там, на полу, лежат наши ребята. Груз 200. Четыре человека.

У одного шеврон «Призрака», другой казак - «Войско донское». Шевроны остальных не видно, потому что лежат они друг на друге. Связанные смертью.

Я перекрещиваюсь, достаю сигарету и молча, смотря на них, курю. Мысли в голове путаются. Мысли разные. О том, что их, наверное, ждут дома. О том, что в этот дом живыми, они уже не вернуться. О том, что будь проклята эта война. И...

...Не замечаю, как докуривая до фильтра, машинально достаю новую сигарету.

Простояв так, наверное, минут пять, я вдруг понимаю, что вокруг никого. Только я, здание сельской школы, грязная дорога, эта «буханка», и они... Те, кто уже НИКОГДА не вернется домой...

- Тавр, ты там чего застрял? Разговор есть, - мои мысли прерывает Саня «Песня».

Я докуриваю сигарету и молча иду в здание школы.

Саня Песня. В миру - Александр Юрьев.

До войны Саша жил в Лисичанске. И как он мне сам потом рассказывал, жил он там не плохо. Была семья, квартира, машина, свой небольшой бизнес - СТО. Короче, у него было все то, что

нормальному мужчине нужно в этой жизни. Было это все... пока на его землю и в его дом не пришла война.

Саша мог, конечно, остаться в стороне или, как многие его земляки, свалить в Россию, под видом беженцев. Но он решил по-другому. Весной 2014 года, он сделал свой выбор. Выбор, который потом будет стоить ему жизни.

Он погибнет 23 мая 2015 года. Вместе с нашим комбригом - Алексеем Мозговым. Через три месяца после описываемых здесь событий. Погибнет в той самой Тойоте-«Секвое», салон которой он так тщательно берег от грязи с наших берц...

ПРИКАЗ №5

- середина февраля 2015 года. Ломоватка - Дебальцево.

В одной из предыдущей части, я уже описывал, что бойцы, которые к нам прибыли для усиления - Лесник, Метла и Макс, оказались без оружия. Я уж не знаю, о чем тогда думал Стиллет (наш тогдашний командир роты) и чем он руководствовался, отправляя «беззубых» людей в район боевых действий, но если говорить по факту и прямо, то картина получалась скверная.

Думаю, что, скорее всего, Стиллету уже тогда было по барабану, в каком состоянии будет находиться личная охрана комбрига «Призрака» Алексея Мозгового. Уже тогда его действия, как и принятые им решения, вызывали у бойцов нашей роты много вопросов. Вопросы, ответы на которые я стал получать чуть позже. Потому что это был уже не первый, и как оказалось в дальнейшем, не последний подобный случай откровенного пофигизма к первому лицу бригады. Один только его приказ, на возвращение четверки Коржа, из Ломоватки, обратно - в тихий и мирный Алчевск, наводил на определенные мысли и выводы. Но сейчас не об этом.

Короче, по факту получалось, что у парней автоматов не было! Чем хочешь, тем и воюй. Ни охрана, а прям какой-то пионерский отряд, который всегда готов «пасть смертью храбрых», защищая грудь своего командира.

Но, что самое интересное, Мозговой знал о такой «подставе», как и о том, что в его охране из шести оставшихся бойцов, оружие есть только у троих - у меня, Албанца и Рока.

В связи с этим, расскажу я вам один «забавный» случай, что произошел с нами, пока мы дислоцировались в Ломоватке.

Итак. Сидим мы, значит, у себя в классе. Кто-то смотрит телевизор, попивая при этом чай, кто-то спит. Дело было уже поздно вечером.

Заходит Мозговой, с ним Песня и Рок, который был на дежурстве.

- Ну что, бойцы, отдыхаете? - спрашивает нас комбриг.

- Так точно, Алексей Борисыч, отдыхаем.

- Как у вас с оружием?

- Да никак. Три автомата на всех. Вы же знаете, - отвечает ему Албанец.

- Можем, конечно, палок настругать, да шишек набрать, вместо гранат, но ими много не навоюешь, - улыбается Лесник.

- Ну, тогда собирайтесь все и за мной. Сейчас оружия у вас будет много, - говорит он нам и выходит из класса.

Ничего не понимая, выдвигаемся за ним. На улице сплошная темнота, хоть глаз выколи. Освещаем путь себе фонариками. Идем не долго, до здания, где располагалось еще одно подразделение нашего «Призрака». Всей толпой заходим внутрь помещения.

Борисыч обращается к первому попавшемуся ему бойцу:

- Передай всем общее построение в коридоре, через 2 минуты. С оружием. Время пошло.

Боец убегает. Через минуту в коридор начинают выбегать и строиться все остальные.

Мы стоим рядом с ним и пытаемся понять, что происходит? На всякий случай, берем его «под охрану» с двух сторон. Хотя конечно понимаем, что кругом свои, но мало ли что.

Через две минуты все подразделение уже стоит, чуть ли не на вытяжку. Правда, стоят они, кто в чем. Кто-то успел на ходу натянуть берцы, кто-то выбежал прям так, в тапочках.

- Кто командир? - обращается Мозговой к строю.

- Я, Алексей Борисович, - говорит один из бойцов, называя свой позывной.

- Замечательно. Расскажи тогда мне, что у тебя в подразделении происходит?

- Ничего. Все нормально, - отвечает тот.

- Очень плохо, что ты, как командир, не владеешь информацией о том, что у тебя творится в подразделении? А я вот владею.

Видно, что комбриг явно чем-то сильно раздражен. После чего, повышая голос, добавляет:

- Кто разрешил устраивать здесь пьянку?

- Какую пьянку? Никто не пьет, - слышны голоса из строя.

- Никто не пьет, говорите? А мы это сейчас проверим, - говорит Мозговой и идет по комнатам делать шмон. Перевернув несколько матрасов, в одной из комнат, он находит пять или шесть пустых пластиковых бутылок пива и несколько уже начатых.

- А это что, мать вашу, может пепси-кола? - рычит он на бойцов.

Те стоят молча, опустив головы.

Борисыч берет одну из начатых бутылок пива и выливает ее в коридоре, под ноги стоящим в строю бойцам.

- Еще раз спрашиваю, чье это?

В ответ тишина.

- Молчите. Значит, виноваты все. Все и будут отвечать.

- Это мое, Алексей Борисыч, - говорит один из бойцов. - Мы просто хотели расслабиться немного. Вчера с боевых пришли.

- Расслабиться, говоришь, хотели. А то, что сейчас идут боевые действия и штурм Дебальцево, вы об этом не подумали? (после идет не нормативная лексика). Мне что, вашу мать, за вами сопли вытирать ходить? Не рано ли решили расслабиться, боец?

- Мы все понимаем, Алексей Борисович, больше такого не повторится.

- Конечно, не повторится. Мне тут ваши пьянки не нужны. Вы если приехали сюда бухать, а не воевать, то езжайте домой и там отдохайте, расслабляйтесь. Кто еще принимал участие в распитии? - обращается Мозговой к стоящим в строю бойцам.

Из строя выходят три человека.

- Сдать оружие.

Бойцы с большой неохотой отдают нам свои автоматы. После чего, мы с Мозговым возвращаемся обратно в штаб.

Справедливости ради, хочу добавить, что это был единственный случай распития спиртного в Ломоватке, бойцами «Призрака». Больше такого не повторилось. Оружие им потом все же вернули. Причина была проста - Дебальцево тогда было еще не взято окончательно, и каждый боец был на счету.

Кстати, в Ломоватке было и есть несколько продуктовых магазинов. Мы, помню, как-то с Албанцем обошли их все, ради интереса. И не в одном магазине спиртного в продаже не оказалось. Сигареты - пожалуйста. Пиво, водку - нет. Я даже спросил у одной из продавщиц: почему так? Ответ был короткий и предельно четкий:

- Мозговой запретил продавать.

Вообще, в «Призраке», с пьянством и мародерством было всегда жестко. Летом 14-го года Мозговой даже отдал приказ о борьбе с этим явлением в самой бригаде за №5:

Отдельная механизированная бригада «Призрака».

«29 июля 2014г.» ПРИКАЗ.

О введении упрощенной системы судопроизводства и исполнения наказаний в период действия военного положения.

1. Нарушение положения о комендантском часе, мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков и употребление наркотических средств - 10 суток принудительных работ. В случае совершения подобных проступков бойцами «Призрака» - 20 суток принудительных работ, а в случае повторного нарушения - расстрел.

2. Мародерства, грабежи, изнасилования, кражи - расстрел.

3. Невыполнение приказов, в боевой обстановке - расстрел. А в период нахождения в тылу - 30 суток принудительных работ с последующим увольнением из рядов ВС Новороссии.

4. Небрежное отношение к военному имуществу, технике, утери оружия - 30 суток принудительных работ.

5. Саботаж, открытая пропаганда и агитация в интересах противника - расстрел.

Командир бригады А.Б.Мозговой. (печать, подпись)

Данный приказ висел во всех подразделениях ОМБр «Призрака». И скажу вам честно. Когда я его прочитал, на меня он произвел большое впечатление. Сразу как-то пришло понимание, что здесь все по-взрослому.

Но нарушения, к сожалению, все же были. В связи с чем вспоминается еще один подобный случай.

Как-то в один из дней, когда еще были в Ломоватке, мы поехали с Мозговым в Алчевск. Помню, погода тогда была настоящей зимой. Снега навалило по колено.

Приезжаем значит в город. Саня «Песня» подруливает к какому-то складу. Выходим из машины. Сам склад уже открыт. Возле него какая-то суэта. Заходим с Борисычем внутрь. А там чего только нет. И генераторы, и бензопилы и куча еще всяких бытовых вещей. Мозговой все это дело рассматривает и с нескрываемым раздражением говорит одному из присутствующих «владельцев схрона»:

- Вы что здесь, бл...ть, устроили? Вы совсем уже, смотрю, охренели?

Один из «владельцев», семена за Мозговым на полусогнутых, пытается на ходу оправдаться:

- Борисыч, прости, бес попутал. Мы это все хотели передать в бригаду, но не успели.

- Не успели, говоришь? Тогда ответь мне, почему это все здесь лежит и пылится, почему генераторы и обогреватели тут, а не на передовой?

- Борисыч, мы это все сегодня же отвезем бойцам, под Дебаль, - чуть ли не мамой клянется крысеныш.

- Это все уже и без вас отвезут куда надо. А с вами я решу, что дальше делать, - отвечает тому Мозговой.

- Леш, ну прости. Ты же меня знаешь. Мы же с тобой с самого начала. Ну, бес попутал. Больше не повторится.

- Тогда скажи мне (называет того по позывному), почему меня бес не путает? Почему, бл...ть, у меня нет такого склада, как у вас?

«Хозяевам» склада ответить больше нечем.

- Что бы все это сегодня же было на передовой. Ясно? - говорит тому Мозговой и садится в машину.

- Поехали в штаб, еще заедем, - обращается он к Песне.

Саня дает по газам и наша «Секвоя» стартует в сторону штаба «Призрака».

Чем закончилась эта история? Посадили ли этих «гавриков» на подвал или заставили «выполнять принудительные работы», я не знаю.

Мозговой, если уж быть до конца откровенным, не смотря на наличие такого приказа с его подписью, чаще прощал, давал людям шанс исправиться, чем применял его на деле. Что лично я, считаю неправильным.

Вокруг него вообще всегда крутилось и «плавало» много так называемых «друзей и соратников», которые «вместе начинали», «вместе продолжали» и уже на этом основании думали, что они имеют в бригаде определенные привилегии.

Многие вещи Борисыч иногда даже не замечал. Уж не знаю: то ли специально он это делал, то ли случайно, но думаю, что отчасти было и то и другое. Он не всегда чувствовал и знал, что творят «его соратники» у него же за спиной. И искренне удивлялся всегда, почему они это делают?

МИНСК-2, КНЯЖЕСТВА ЛДНР, БЕЛЫЕ «КАМАЗЫ» И ДРУГИЕ СКАЗКИ МИНСКОГО ЛЕСА»

12 февраля 2015 года, как вы знаете, были подписаны вторые минские соглашения. Те самые соглашения, о которых не сказал и не выразил свое мнение только ленивый. Я из их числа. Но об этом чуть ниже. И для начала, дабы не быть голословным и не точным, приведу здесь полный текст этих самых соглашений. Его, кстати, вы можете легко найти сами в интернете:

Комплекс мер по выполнению Минских соглашений:

1. Незамедлительное и всеобъемлющее прекращение огня в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины и его строгое выполнение, начиная с 00 ч. 00 мин. (киевское время) 15 февраля 2015 года.

2. Отвод всех тяжелых вооружений обеими сторонами на равные расстояния в целях создания зоны безопасности шириной минимум 50 км друг от друга для артиллерийских систем калибром 100 мм и более, зоны безопасности шириной 70 км для РСЗО и шириной 140 км для РСЗО «Торнадо-С», «Ураган», «Смерч» и тактических ракетных систем «Точка» («Точка У»):

— для украинских войск: от фактической линии соприкосновения;

— для вооруженных формирований отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины: от линии соприкосновения согласно Минскому меморандуму от 19 сентября 2014 г.

Отвод вышеперечисленных тяжелых вооружений должен начаться не позднее второго дня после прекращения огня и завершиться в течение 14 дней.

Этому процессу будет содействовать ОБСЕ при поддержке Трехсторонней Контактной группы.

3. Обеспечить эффективный мониторинг и верификацию режима прекращения огня и отвода тяжелого вооружения со стороны ОБСЕ с первого дня отвода с применением всех необходимых технических средств, включая спутники, БПЛА, радиолокационные системы и пр.

4. В первый день после отвода начать диалог о модальностях проведения местных выборов в соответствии с украинским законодательством и Законом Украины «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой

и Луганской областей», а также о будущем режиме этих районов на основании указанного закона.

Незамедлительно, не позднее 30 дней с даты подписания данного документа, принять постановление Верховной рады Украины с указанием территории, на которую распространяется особый режим в соответствии с Законом Украины «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» на основе линии, установленной в Минском меморандуме от 19 сентября 2014 г.

5. Обеспечить помилование и амнистию путем введения в силу закона, запрещающего преследование и наказание лиц в связи с событиями, имевшими место в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины.

6. Обеспечить освобождение и обмен всех заложников и незаконно удерживаемых лиц на основе принципа «всех на всех». Этот процесс должен быть завершён самое позднее на пятый день после отвода.

7. Обеспечить безопасный доступ, доставку, хранение и распределение гуманитарной помощи нуждающимся на основе международного механизма.

8. Определение модальностей полного восстановления социально-экономических связей, включая социальные переводы, такие как выплата пенсий и иные выплаты (поступления и доходы, своевременная оплата всех коммунальных счетов, возобновление налогообложения в рамках правового поля Украины).

В этих целях Украина восстановит управление сегментом своей банковской системы в районах, затронутых конфликтом, и, возможно, будет создан международный механизм для облегчения таких переводов.

9. Восстановление полного контроля над государственной границей со стороны правительства Украины во всей зоне конфликта, которое должно начаться в первый день после местных выборов и завершиться после всеобъемлющего политического урегулирования (местные выборы в отдельных районах Донецкой и Луганской областей на основании Закона Украины и конституционная реформа) к концу 2015 года при условии выполнения пункта 11 – в консультациях и по согласованию с представителями отдельных районов Донецкой и Луганской областей в рамках Трехсторонней Контактной группы.

10. Вывод всех иностранных вооруженных формирований,

военной техники, а также наемников с территории Украины под наблюдением ОБСЕ. Разоружение всех незаконных групп.

11. Проведение конституционной реформы на Украине со вступлением в силу к концу 2015 года новой конституции, предполагающей в качестве ключевого элемента децентрализацию (с учетом особенностей отдельных районов Донецкой и Луганской областей, согласованных с представителями этих районов), а также принятие постоянного законодательства об особом статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей в соответствии с мерами, указанными в примечании 1, до конца 2015 года.

12. На основании Закона Украины «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» вопросы, касающиеся местных выборов, будут обсуждаться и согласовываться с представителями отдельных районов Донецкой и Луганской областей в рамках Трехсторонней Контактной группы. Выборы будут проведены с соблюдением соответствующих стандартов ОБСЕ при мониторинге со стороны БДИПЧ ОБСЕ.

13. Интенсифицировать деятельность Трехсторонней Контактной группы, в том числе путем создания рабочих групп по выполнению соответствующих аспектов Минских соглашений. Они будут отражать состав Трехсторонней Контактной группы.

Примечание 1. Такие меры в соответствии с Законом «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» включают следующее:

— освобождение от наказания, преследования и дискриминации лиц, связанных с событиями, имевшими место в отдельных районах Донецкой и Луганской областей;

— право на языковое самоопределение;

— участие органов местного самоуправления в назначении глав органов прокуратуры и судов в отдельных районах Донецкой и Луганской областей;

— возможность для центральных органов исполнительной власти заключать с соответствующими органами местного самоуправления соглашения относительно экономического, социального и культурного развития отдельных районов Донецкой и Луганской областей;

— государство оказывает поддержку социально-экономи-

ческому развитию отдельных районов Донецкой и Луганской областей;

— содействие со стороны центральных органов власти трансграничному сотрудничеству в отдельных районах Донецкой и Луганской областей с регионами Российской Федерации;

— создание отрядов народной милиции по решению местных советов с целью поддержания общественного порядка в отдельных районах Донецкой и Луганской областей;

Прочитали? Ну и как вам?

Обратили внимание, в какие сроки и до конца КАКОГО года, вся эта бодяга должна была быть выполнена? Правильно, до конца 2015-го! А теперь взгляните на календарь. Какой сейчас год? Лично у меня, когда я пишу вам эти строки, на календаре уже декабрь 2016 года. И что? В том то и дело, что НИ-ЧЕ-ГО. Ничего того, что там намалевали в Минске, исполнено не было. И вряд ли уже когда-то будет. Это признают как в Киеве, так и в Москве. Ну, разве что отвод тяжелого вооружения и частичное прекращение огня был выполнен. Но не везде, а кое-где, на линии соприкосновения. Вот собственно и весь Минск-2.

В связи с чем напрашивается другой вопрос: а нахрена его тогда составляли и подписывали? И тут сразу масса вариантов, мнений и точек зрения. Естественно, у каждого своя, неоспоримая и правильная. У меня она тоже, конечно, есть. На неоспоримость и критику не претендую.

Лично я мыслю так. Минск нужен был, что называется, для «состояния нестояния». Проще говоря, Минск-2 - это такой некий политический импотент. Инструмент вроде бы есть, есть даже инструкция по его эксплуатации, но вот применить его в деле, не получается. Потенции не хватает. Нужна мощная вирага. То есть - политическая воля и сила. А пока: «ни войны - ни мира».

Почему именно так? Почему Минск-2 в таком поникшем состоянии? Да потому что он исполнит свою миссию только тогда, когда все его пункты будут выполнены. Подчеркиваю - ВСЕ!!! Что в принципе нереально и изначально - невыполнимо. Иначе одна из сторон будет сильно ущемлена другой. В этом-то и есть весь фокус. А раз так, то проект под названием - «Новороссия» будет в состоянии «заморзки» до тех пор, пока одна из сторон не

добьется победы военным способом. То есть, решительно и безоговорочно.

Есть правда еще один вариант. Самый противный:

Донбасс по-тихому, без пыли и лишней шумихи в телевизоре, сливают Украине. Но лично я в это не верю. И объясню, почему.

Во-первых, по-тихому не получится. Народ не поймет.

В России конечно дураков и пофигистов много, но ведь не все же? Попробуй-ка объяснить людям, что смерти их родных, близких и боевых братьев были напрасны? И куда тогда деть клич и обещание нашего верховного, данное в 2014 году: «русские своих не бросают!»? Куда деть всех добровольцев, которые прошли через пекло Донбасса, выжили, кто-то при этом остался калекой, безработным, без семьи и т.д.? Им что с этим делать, как дальше жить?

Во-вторых, ничего еще не закончилось. Все только начинается. На манеже-то все те же. Поэтому я считаю, что Донбасс при Путине «сливать» не будут. Ни по-тихому, ни в открытую. Русский бунт из-за «слива Донбасса» НИКОМУ не нужен. Это все знают и понимают. Историческую память ведь еще никто не отменял. И что было сто лет назад в России и чем все закончилось, мы тоже помним и знаем. Но это мое мнение. У тебя читатель, возможно, есть свое.

Ты, конечно, дорогой мой, можешь мне возразить о том, что вроде как «слив» уже идет и что укры вот-вот войдут на Донбасс. Так я и не спорю. Потому что они УЖЕ там. И вошли они туда еще в 2015-м.

Ты не знал?

Ой, да ладно. Даже малые дети начальных классов Донецка и Луганска знают, что укры заняли уже почти все ключевые посты и места в кабинетах ЛДНР, и даже в МГБ. Вернее, их сейчас называют «бывшими украми». То есть это те, кто типа осознал свою вину перед своей малой Родиной - Донбассом и вернулся обратно. И вот он, весь такой «раскаявшийся и осознавший», готов сейчас неутомимо в «поте лица» и своего кармана, трудится на благо этого самого народа Донбасса, Новороссии, Украины...и маленького домика, где-нибудь в Швейцарии. Ну, а че? У тебя же есть дача в Заполярье или в Подмосковье, так почему же ему

нельзя иметь дачу под Лозанной, на берегу Женевского озера? Ему тоже хочется.

Тебе смешно?

Мне лично не до смеха.

Скажу больше. Они, эти «осознавшие» и дальше будут вливаться в уже изрядно поредевшие ряды сторонников Новороссии. Но это не означает, что Донбасс «сливают». Просто это такой хитрый план Путина. Если коротко - ХПП, как его именуют в народе. Потому что между бывшими украми и сторонниками Новороссии есть еще и наши советники.

Ну да, согласен. Советники не самые лучшие и не всегда советуют то, что надо, но они ведь есть. А раз так, то все у нас там идет по плану и под контролем. Даже граница. Там сейчас хрен какую гуманитарку провезешь. Это вам не 2014 год. И не Рио-де-Жанейро. Там все по-серьезному. Гумконвой только для своих и строго на свои склады. Дальше - рынки, магазины «народный» и немножко малоимущим. Ну, что бы сильно не возмущались. А если не веришь - смотри телевизор. Там тебе расскажут сказку про белого бычка. Вернее, про белые «Камазы».

У нас, на Руси, вообще сказки любят. Одни их сочиняют, другие слушают и кивают головой. Вот один из примеров:

В начале 2014 года придумали наши сказочники сказку под названием - «Новороссия». Обрисовали нам фломастером, на карте бывшей Украины, восемь ее областей: Харьковскую, Луганскую, Донецкую, Запорожскую, Херсонскую, Днепропетровскую, Одесскую и Николаевскую, и ну давай кричать по всем каналам, что скоро ей быть! Полгода примерно кричали. Дескать, поможем освободиться русским людям этих земель от бандеровской чумы. Везде и отовсюду летели призывы типа: русские своих не бросают! А ты записался в добровольцы?! Фашисты не пройдут! Ну, и т.д.

Так кричали, что даже я в это поверил. Поверил и поехал строить Новороссию.

Как все это было, я уже описал в предыдущих частях моей «исповеди российского добровольца»? Поэтому не буду сейчас на этом заострять твое внимание, а лучше продолжу дальше про сказку и сказочников.

Ты вот сейчас читаешь все это и, наверное, возмущенно мне возражаешь. Что не все так и плохо, что Новороссия, это была не

сказка, что такой проэкт был. Ну да, согласен - был. А потом он сплыл. Остались лишь два жалких огрызка под названием - княжества ЛНР и ДНР. У них там сейчас свои паны-атаманы, увешанные регалиями и званиями, которые как попугаи повторяют, что скоро всем украм придет писец! И что они, эти паны-атаманы, в этом направлении отчаянно работают. Укры, те, что сидят в Луганске, Донецке и Киеве, от смеха и страха уже животы свои давно понадорвали.

Кстати, насчет регалий. У пана Плотницкого там вообще целый иконостас. Не хватает разве, что французского «ордена почетного легиона» и медали «за взятие Бастилии». Думаю, что скоро получит.

Ему же тут как-то этим летом скучно стало. Так он решил на себя «покушение» организовать. Но так, чтобы не совсем убило, а немного зацепило. Организовал. В субботу, в семь утра. Наверное, за грибами ехал? Машина в дребодан. Сам, естественно живой. Потом было много шума, пыли в телевизоре и прессе, но пиар не прошел. Народ не повелся. Рейтинг не поднялся. Ну, разве что только поржали и все. Телевизионный планктон, не в счет. Те верят всему. Даже прогнозу погоды. Ну, да ладно, каждому свое!

Теперь, что касается «освобождения» русских Юго-Востока от бандеровцев и прочих.

Ты когда-нибудь слышал такое словосочетание - «русский бандеровец»?

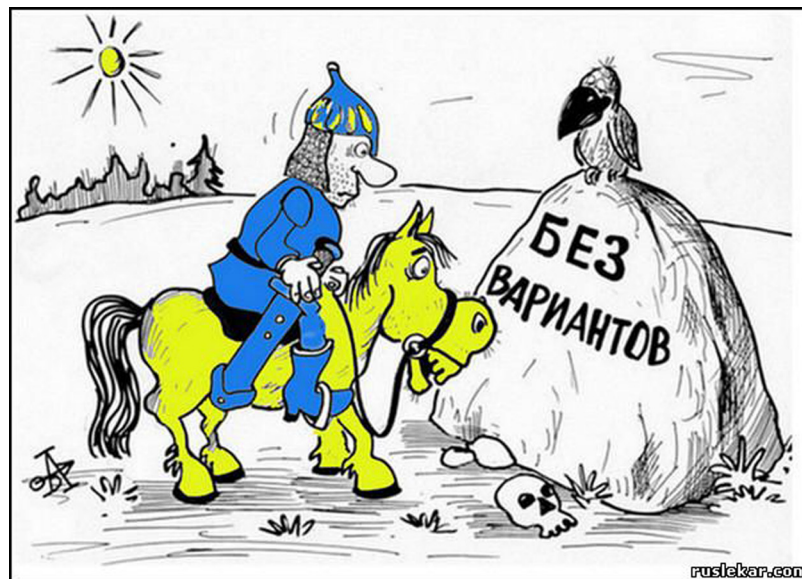
Думаю, что слышал.

Ну и как тебе? Слух не режет? Ничего внутри не екает?

Я лично, когда первый раз услышал, думал фейк какой-то, мираж, показалось. Не может быть! А потом понял, что может. Они реально есть, эти самые «русские бандеровцы». Не украинские, не польские, не румынские, а русские!!! И их там, на территории бывшей Украины, немало. Более того - их там много. Они сами себя так называют. Некоторые произносят это даже с гордостью.

Получается странная картинка: одни русские на Донбассе, воюют с другими русскими. Правда этим русским в уши дуют, что с одной стороны - украинские (русские) фашисты и бандерлоги, а с другой - русские путинские наемники, москали и сепары.

Отсюда напрашивается вопрос: кто против кого воюет? Но главное - ради чего и за что? За какую идею?

И.В. Плотницкий, генералиссимус вся Луганщины

- Может, ради Новороссии? - спросишь ты меня.

Так ее же нет. Похерили и зачеркнули тем самым фломастером, нашу Новороссию. Еще осенью 2014 года все решили, если ты этого не понял.

- Может тогда ради мира на Донбассе?

Так и его там тоже нет. Как стреляли, так и стреляют.

- Тогда ради чего?

А вот ты и подумай ради чего и кого? Это тебе будет задание на дом.

Алексей Борисович Мозговой, командир нашей бригады «Призрак», об этом начал говорить еще в далеком 2014 году. Известна одна его фраза, которая сейчас стала крылатой:

- «У Новороссии есть только два врага - это правительства ЛНР и ДНР!»

По-моему, коротко и предельно четко. Комментарии излишни.

А есть еще одна. Сама известная и часто тиражируемая. Фраза, которая выгравирована даже на знамени «Призрака»:

- «Не бойся за шкуру! Бойся за честь!»

И теперь давайте признаем честно. Многим сейчас своя шкура резко стала дороже, чем честь. Особенно после убийства того же Мозгового, Дремова и Моторолы.

Сейчас актуальна другая фраза:

- «Засунь свое мнение и язык в задний проход! А если не засунешь, то будешь там, где Мозговой и Дремов!»

Вот по такому принципу многие сейчас и живут. Принцип этот очень прост:

- Не высовывайся и не вякай. Целее будешь.

Грустно все это...

А помнишь, как весной 2014 года все красиво начиналось? Сколько красивых фраз и лозунгов было?

- Русская весна! Вежливые люди! Крым наш! Вставай Донбасс!

Где это все сейчас?

Короче, бери стакан. Давай с тобой помянем Новороссию!

...ОСТАНЬСЯ ЖИВОЙ!

В предыдущей части я подробно описал, что такое Минск-2 и зачем, по моему мнению, он был нужен? Поэтому сейчас я не буду углубляться в дебри геополитики и прочей болтологии на эту тему. Добавлю лишь и уточню один момент:

Вторые Минские соглашения были подписаны 12 февраля 2015 года, когда само Дебальцево не было еще окончательно освобождено от «доблестной» украинской армии. Что сама Дебальцевская операция, вернее ее активная фаза, продолжалась потом еще неделю. И завершилась она только 18-19 февраля 2015 года полным освобождением города и его окрестностей.

Когда-нибудь, лет эдак может через пятьдесят, нам, из архивов ФСБ достанут и покажут истинные масштабы и точную цифру наших потерь при штурме этого города. Но это будет нескоро. Я же, в свою очередь, ограничусь одним словом, которое уже упоминал ранее... потери были - **ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ!!!** Остальное - военная тайна.

Кстати, если вам, кто-то будет рассказывать из «достоверных источников», о том, что они, эти потери, были минимальны, то тут уже дело ваше, верить этому «источнику» или нет? Мозги у каждого свои.

Я к чему это все?

Бригада «Призрак», при освобождении Дебальцево тоже ведь, как и все, понесла потери... **НО!...** В отличие от других подразделений, потери эти были небольшие! Небольшие, несмотря на то, что наша бригада принимала **САМОЕ АКТИВНОЕ** участие в этом мероприятии. Причем реально принимала, а не «на камеру». Что такое «на камеру» многие, наверное, знают? Это когда, например, стратегические высоты, укрепрайоны, села или города берут одни, а в телевизоре потом показывают других.

«Телевизионный планктон» ведь, в большинстве своем, особо не задумывается: кто, что, где, когда и с какими жертвами взял тот или иной населенный пункт или высоту? Ему по ТВ уже все разжевали и положили в рот. Глотай и наслаждайся процессом. Остальное не его, планктона, забота.

Кстати, российские каналы, у нас в «Призраке», тоже были и снимали. Например: спецкоры «России» и «НТВ. Правда, были они у нас не так часто.

- Почему не часто?

- Да очень просто. Все дело в том...

...что Мозговой, для наших СМИ был не очень удобной медийной фигурой, по причине того, что он со своими идеями о Новороссии, никак не вписывался в «генеральную линию партии». Скажу даже больше: по многим вопросам, эта линия очень сильно отличалась от официальной, потому что сам проект «Новороссия», к моменту начала Дебальцевской операции, был уже давно и плотно «заморожен», а само слово «Новороссия» перестало мелькать в наших СМИ, то есть было удалено из медийного пространства России.

- Почему так произошло? - спросите вы меня.

- А ответ очень прост и лежит он на поверхности:

Новороссию, к тому моменту, уже давно «слили»! Вот только вслух нам об этом не говорили. Очень тихо, плавно и аккуратно, само понятие и слово «Новороссия» исчезло из эфиров наших российских политических ток-шоу.

Вот только не путайте понятия: ЛДНР и Новороссия. Два полукняжества - это еще не вся Новороссия. И ты, читатель, сам это знаешь.

Они такие же разные, эти понятия, как обычный серый кот и амурский тигр. Вроде и порода одинаковая - кошачья, но масштабы и весовые категории у них разные.

Можно привести еще пример с птицами: воробей и орел!

Воробей конечно тоже птица. Но не Орел!

Он мало летает и много прыгает, в поисках пропитания. Еще больше чирикает. А если и летает, то не высоко, с ветки на ветку.

Почему Новороссию слили, а Донбасс еще нет, я уже тоже ответил в предыдущей части? Поэтому здесь повторяться не буду.

Кстати, тут не надо быть видным политическим аналитиком или экспертом, коих сейчас на каждом нашем канале по доброму десятку. Они, эти эксперты, как правило, одни и те же. Только и успевают, что переходить от одного канала к другому. Из студии в студию. Вроде бы днем он выступал с речью на «Первом»... смотришь, а он уже на НТВ, а ночью на «России», у Соловьева или еще каком другом канале. И когда они только все успевают анализировать и выдавать инфу в эфир? Да, что там анализировать? Когда они домой успевают, к жене и детям? Вот, загадка природы.

Но я отвлекся. Вернемся в Дебальцево.

Пожалуй, единственным ТВ-каналом, который был с нами тогда, практически каждый день, это был «Лайфньюс», в лице съемочной группы Сергея Давыденко. В том числе в Ломоватке и Алчевске. В интернете вы можете легко найти его репортажи с передовой и интервью с самим Мозговым, сделанное в разное время.

Так почему же «Призрак», при штурме этого города, понес наименьшие потери, спросишь ты меня, дорогой читатель? В чем тут дело?

А дело все в том, что наш комбриг, в первую очередь думал о своих бойцах, а не о том, что: «Дебальцево надо взять любой ценой и кровью!»

Да, он мог себе позволить такую «роскошь», как независимость!!!

Мозговой, многие свои решения принимал самостоятельно. Дело в том, что у него такие понятия, как: честь, достоинство и совесть, были в крови. Так же, как и здравый смысл, что в период боевых действий имеет большее значение, чем просто исполнение приказа: «Вперед, за Родину!»

У Борисыча, как у комбрига, была еще одна важная черта - у него всегда было свое мнение на то или иное действие или противодействие. И это мнение он не боялся высказывать вслух, в противовес директивам и инструкциям из «Луганского обкома». За что, собственно, неоднократно подвергался резкой критике, оскорблениям и даже угрозам.

Как покажет время, угрозы эти, к сожалению, были не просто угрозами. Через три месяца, после описываемых здесь мной событий, они будут приведены в исполнение. Но сейчас не об этом...

- 18-20 февраля 2015 года. Дебальцево - Алчевск.

После того, как был освобожден последний дом в Дебальцево, встал острый вопрос с беженцами. Что с ними делать?

Напомню, кто если не в курсе, что Дебальцево в те дни напоминало Сталинград! Со всеми вытекающими гуманитарными последствиями. Люди неделями сидели в подвалах под бомбежками. Сидели в своих разбитых домах и квартирах без элементарных бытовых условий: отопление, газ, водопровод, канализация, электричество. Тогда цель была у всех одна - просто выжить!

Все было разбито и разрушено. Помню сияющие дыры в стенах от снарядов и пуль, в мертвых домах, в которых как-то жили люди. Помню эти черные, пустые окна, с выбитыми стеклами, смотрящих на меня, как-то холодно и тихо. Было ощущение, что я нахожусь среди каких-то жутких декораций к фильму о Великой Отечественной войне. Что это все кино. Что вот сейчас я переключу канал на другой фильм... и все исчезнет с нажатием кнопки...

Но оно не исчезало. Не исчезало, потому что это все было в реальности. Так же, как запах гари, крови и пороха витавший в воздухе в те дни в Дебальцево. В городе - призраке!

Первая помощь, после освобождения, многим беженцам была оказана, конечно же, на месте, в самом городе. Людям предоставляли медицину и горячие питание по мере возможности. Но в полном объеме, в разрушенном войной городе, это было делать очень затруднительно. Поэтому Мозговым было принято решение:

Силами бригады «Призрак» часть беженцев перевести на автобусах в Алчевск и там, временно, расселить их по общежитиям.

Это были обычные, заводские общаги, которых на бескрайних просторах бывшего Союза тысячи - коридор, по краям которого расположены комнаты. Общая кухня, общий туалет. Ничего особенного для простого, мирного человека. Особенность была лишь одна: здесь они были в безопасности.

Я помню этих людей. И буду помнить всегда!

Грязные, голодные, вонючие (уж простите за подробности), уставшие, обессиленные, с глазами кротов, которых только что вытащили на свет Божий. Они смотрели на нас и не верили своему счастью. Не верили, что уже все закончилось. Что есть свет, вода... что вокруг никто не стреляет, и никто не умирает.

Комбриг тогда лично обходил каждую комнату и у всех спрашивал, кто, как устроился, нужно ли еще что-то?

Передвигался он по этим комнатам, как всегда, стремительно. Мы, естественно, с ним. Мы - это Я, Албанец и Рок. Метла, Лесник и Макс остались тогда в Ломоватке. С нами еще Зазик (Сергея Тюрин) со своей камерой, как настоящий военкор. Я потом видел эти кадры. Камера, конечно, не может передать в полной мере то, что было в реальности. Например - запахи.

Помню, заходим в одну комнату. Мозговой впереди, я за ним, Рок и Албанец в коридоре. Рядом Зазик со своей камерой. Я стою молча, стараюсь не дышать. В этой комнате собрали лежачих больных. Тех, кто почти не передвигался самостоятельно. Вонь в комнате такая, что глаза режет. Борисыч же, как будто не замечая этого запаха, спрашивает у беженцев:

- Ну, как устроились?

- Да, спасибо. Все хорошо.

- Вас покормили?

- Да, спасибо.

- Может, есть еще какие-то просьбы?

- Да, есть, - чуть не плачет одна бабуля.- Собаку я там свою оставила, в Дебальцево. Помрет она без меня.

- Бабушка, я все понимаю, животных тоже люблю, но нам сейчас в первую очередь надо о людях позаботиться, вы уж извините. И, главное, сами выздоравливайте, - отвечает ей Мозговой.

После чего прощается и идет в следующую комнату.

В другой комнате картина примерно та же самая. Только воздух уже не так режет глаза. Там уставшие люди просто сидят на кроватях.

Мозговой останавливается в середине комнаты. Там две пожилые женщины (одна инвалид, без ноги, рядом с ней стоит инвалидная коляска) и пожилой мужчина

- Здравствуйте! Ну, рассказывайте, как вы тут, - обращается он к ним.

- А что вам котышки рассказывать? Спасибо, шо приняли, накормили, - говорит одна из бабушек с украинским говором.

- Ты садись, - говорит Борисычу пожилой мужчина лежащий на другой кровати.

- Да, спасибо, я постою, ничего страшного, - отвечает он ему.

- Да ты же на ногах весь день, садись.

Но Борисыч не садится.

- Вы уж извините, что поместили вас в такие скромные условия, чем богаты, - продолжает он разговор.

- Да ничего страшного. Главное что свет над головой и тепло, - хором отвечают ему люди, - Мы там вообще сидели в подвалах без еды и воды.

- Вас покормили, все хорошо? - интересуется Мозговой.

- Все хорошо, покормили. И даже на руках занесли сюда. Спасибо хлопчикам вашим, - отвечает ему женщина без ноги.

Все это Зазик снимает на свою камеру. Я стою рядом с ним, тут же в комнате. В кадр не попадаю, но наблюдаю эту всю картину своими глазами.

- Скоро все будет хорошо. Скоро мы вас отправим по домам, - продолжает Борисыч.

- Так, а по каким домам? Дома то наши все разбиты, - спрашивает мужчина.

- Отстроим, восстановим. Наши ведь отцы и деды после той войны отстроили все. Вот и мы отстроим.

- А возьмьтэ мэни до сэбэ. Я военная. Я з вами поеду, з Богом. И дорогу покажу вам, як ангел буду захищать вас, - говорит бабушка с украинским говором.

- Да у меня каждый боец: ангел, - улыбается Мозговой.

- От отож я вам и желаю с Богом, с ангелами. Штоб Господь нэчисту силу бил. Нэхочуть если жить с Богом, нэхай тогда жить с сатаной.

- Ну спасибо Вам за это. Пойдем мы дальше если позволите.

И тут пожилая женщина встает с кровати, берет Мозгового за руку, потом за лицо и говорит:

- Моя ж ты ридна, моя ж ты дитына. Живий останься! Прощу я тэбэ, - говорит она ему.

Комбриг улыбается ей еще шире и отвечает:

- Конечно. Непременно останусь. А пока, позвольте, я пойду служить дальше.

- Иди, служи.

Женщина крестит его, потом всех нас. После чего мы продолжаем свой обход по общежитию.

Тогда, в феврале 2015 года, эта пожилая женщина, как и мы все, еще не знала:

Что комбригу бригады «Призрак» Алексею Мозговому судьба отведет остаться в живых всего три месяца.

Что на него будет покушение 7 марта того же года, когда он чудом останется жив.

Что будет парад победы 9 мая в Алчевске, вопреки всему.

Что на его похороны 26 мая, в том же Алчевске соберется полгорода...

И что через год, 23 мая 2016 года, ему установят в этом городе памятник.

Всего этого тогда мы еще не знали...

НОВОГРИГОРОВКА

- 20 февраля 2015 года.

- Албан, Рок, подъем! Выезд через пять минут, - говорю я парням, заходя в класс, где мы базировались с момента прибытия в Ломоватку.

- Куда едем? - спрашивает Албанец.

- Без понятия. Саня «Песня» мне сказал, что бы я вас предупредил.

- Блин, когда уже МЫ будем ездить, а не просто по ночам дежурить? - пытается возмутиться Метла.

- Метелочка, да подожди ты. Еще успеешь. А пока, в бой идут одни «старики», - подкальывает Метлу Албанец, застегивая на ходу свою «горку» и напевая себе под нос свою любимую мелодию:

«Мети, мети моя метла. Мети моя метелочка».

Макс, Лесник и Метла снова остаются в школе, по причине отсутствия у них оружия. А я с Албанцем и Роком прыгаю в нашу «Секвою».

В этот раз я сажусь на переднее сиденье. Мозговой за мной, Албанец слева от него, Рок сзади. Песня, как обычно, за руль.

- Куда едем? - спрашивает он Мозгового.

- В Новогригоровку.

Поселок Новогригоровка расположен в северной части от Дебальцево. Еще пару дней назад там шли ожесточенные бои. Укры отчаянно сопротивлялись, прикрывая Дебальцево с северной части города. Они не верили, что в котле. Им просто об этом «забыли» сказать. А когда они это поняли, то было уже поздно. Крышка котла захлопнулась.

Захлопнулась она в районе поселка Логвиново, что находится на трассе между Дебальцево и Светлодарском. И, что бы спасти свои жизни, у них оставалось два варианта:

Первый - сдача в плен.

Второй - выходить из окружения малыми группами, незаметно просачиваясь по тропам и полям. Но для этого нужно было бросить всю свою бронетехнику. Что, собственно, они в итоге и сделали.

Вообще у меня тогда сложились стойкие ощущения того, что я это все уже видел в кино и читал в учебниках по истории.

Тоже зима. Тоже котел. Такие же попытки внушить своим солдатам, попавшим в окружение, что они на самом деле не в окружении. Что о них не забыли и что помощь вот-вот придет. Помощь, которая в итоге к ним так и не пришла.

Тот, кто хотя бы немного знает историю Великой Отечественной, уже, наверное, догадался, что я сейчас провожу аналогию с окружением зимой 1942-43г.г. войск германского вермахта, под командованием фельдмаршала Паулюса, под Сталинградом.

Да, согласен, что генералам укровойск в Дебальцево было далеко до Паулюса. Так же, как Порошенко далеко до Гитлера в плане масштабности их личности. Согласен так же, что количество попавших зимой 1942-43 гг. в котел немцев и румын под Сталинградом, было неоспоримо больше, чем укров и поляков в Дебальцево. Но согласитесь, что все остальное очень сильно напоминало то, что уже было в нашей истории. А она, как известно, имеет свойство повторяться.

Короче говоря, в окрестностях Дебальцево, на тот момент, уже шла «широкая распродажа» украинского военторга. Нужно было только все это успеть собрать и вывезти. Вывезти пока весь этот военторг не «раздербанили» другие подразделения.

Техника у укров была, конечно, уже старая, еще советская. Половина, по понятным причинам военных действий негодная, потому как разбитая. Но многое было целое, еще на ходу. В основном это были БМП-1, БМП-2, БТРы, танки Т-64, Т-72 «Уралы» и «Камазы», а так же «гордость» украинского военного автопрома - броневые автомобили «КрАЗ», сделанные на Криворожском Автомобильном заводе. Помню, как их в количестве десяти штук, сам пан Порошенко, презентовал на всю Украину перед отправкой в Дебальцево.

Так вот два из них, «по наследству» и достались нашему «Призраку». Один КрАЗ правда был совсем разбит, половина кабины и кузов были раскурочены прямым попаданием чего-то тяжелого. Его пустили потом на запчасти. А вот второй оказался совершенно целым. Я даже, как-то в него залезал, осматривал. Броня кузова у него была «на глаз» сантиметров 12-15. От прямого попадания РПГ-7 она конечно бы не спасла, а вот от АК-74 и даже ПКМа, думаю, укрыла бы точно.

Выехали мы тогда уже после обеда. Ехали недолго. Примерно полчаса, с учетом того, что мы все еще находились непосредственно в зоне боевых действий.

Везде следы от недавних боев, в виде воронок и разрушенных частных владений.

Заезжаем в Новогригоровку. Возле одного из домов Мозговой командует остановиться.

Мы синхронно, вместе с ним, чуть ли не на ходу выпрыгиваем из Джипа. Соблюдая дистанцию примерно в метр от него, берем Борисыча с трех сторон. Этот маневр нами - мной, Албанцем и Роком, был тогда уже отработан до автоматизма, без слов и всяких согласований. Каждый понимал, где и с какой стороны он должен находиться. Тихо, спокойно, без лишней суеты. Потому, как главная задача охраны - это сам человек, которого ты охраняешь. Куда ты, туда и он. При этом, глаз у тебя должно быть, как минимум в два раза больше, чем у обычного бойца. То есть одна пара еще и на затылке. Саня «Песня» тоже с нами, но скорее, как сопровождающий.

Подходим все впятером к одному из разрушенных одноэтажных зданий. Стекла выбиты, двери тоже. Стены все изрешечены следами от пуль и осколков. Там уже суетятся бойцы одного из наших призраковских подразделений. Некоторых я узнаю. Они меня тоже. Здравуемся с ними.

- Что тут такое? - спрашивает комбриг у одного из бойцов с позывным «Бурят».

- Тут укроповская казарма была, - Алексей Борисович, - внутри полный бардак. Растяжек нет. Мы проверили.

Заходим с Мозговым вовнутрь. Там и правда бардак. На полу мусор, гильзы, вскрытые цинки от патронов, пустые пачки из-под сух-пайков... и даже личные вещи бойцов доблестной украинской армии. Видно, что бежали они отсюда в спешке.

- А это что такое? - спрашивает нас Мозговой.

Почти на всех стенах висят детские рисунки, где украинские мальчики и девочки поздравляют своих защитников с новым годом. Под каждым рисунком пожелания на украинском языке и подпись примерно такого содержания (в переводе на русский):

С новым годом, дорогой воин АТО. Спасибо тебе за мое

счастливое детство! Бейте москалей до победного конца и возвращайтесь домой! Слава Украине! Ниже подпись:

Такой-то Виталик, Василь, Наталка, Олэся, и т.д. Пятый, шестой, седьмой «А», «Б», «В» класс, такой то Житомирской, Ивано-Франковской, Кировоградской, Полтавской, Черниговской, Николаевской, Херсонской, Тернопольской, Харьковской школы.

Рисунков очень много. И все они от детей примерно со второго по седьмой класс.

Мы снимаем их со стен. Читаем. Молча читаем. Передаем друг другу из рук в руки.

У меня в голове мелькают мысли, что Россия очень сильно запоздала с освобождением русских на территории бывшей Украины. Запоздала лет эдак на 10-15, а то и 20. И что, в большинстве своем, Россия до сих пор живет вчерашним днем и мыслями о якобы братском нам украинском народе. Мы все еще по инерции думаем, что вот сейчас они там все проснутся, быстро сменят бандеровский режим, переключат свои зомбяшки на правильные каналы... и снова у нас с ними будет все зашибись - мир, дружба, сало, горилка, балалайка. Ну, мы же вроде как славяне. Братья и сестры. А то, что у этих «братьев» уже выросло два поколения таких вот детишек, которое с молоком матери впитывает в себя, что Россия - это зло, что русский - это оккупант, а никакой им не брат, не кум и не сват, нас это не волнует. Мы почему-то твердо уверены, что они все там, в бывшей Украине, спят и видят, как мы их освобождаем от их же хунты.

Вот только какой-то странный и дикий парадокс у этой войны: по обе стороны фронта слышна русская речь и русский мат.

Я стоял, смотрел на эти детские, с виду безобидные рисунки, и сам себе задавал все эти вопросы:

- Тавр, да не гони... «онижедети», - говорит мне внутренний голос.

- Ну да, пока они дети, а скоро уже будут взрослыми, - отвечаю я мысленно сам себе. - И что тогда? Что дальше?

- Нужно просто еще подождать. Скоро само все рассосется, устанут. Скоро они все прозреют. Там же не все еще бандеровцы, - отвечает мне мой же голос.

- Тогда чего мы ждем? Может того, когда бандеровцами там станут ВСЕ, от мала до велика?

Мои философские мысли прерывает Мозговой:

- Так ладно, тут мне все понятно, пошли на выход. Рисунки я возьму с собой, - говорит он нам, забирая листы из наших рук.

Мы выходим из бывшей казармы укров на свежий воздух.

Кто-то из ребят протягивает Борисычу пакет.

- Что это? - спрашивает он бойца.

- Это носки, Алексей Борисович. Совсем новые. Укры забыли. Мы тут вот нашли.

- Трофеи что ли? - смеется Мозговой. - Кому надо, разбирайте, - обращается он ко всем бойцам, стоящим вокруг.

Каждый взял себе по паре. Я тоже. Правда, применять их по назначению не стал. Оставил себе на память. Так они у меня и лежат дома, с трезубом и надписью «УКРАИНА».

- Алексей Борисович, там, за домом, укроповский танк стоит. Почти новый, только гусеница сбита, - говорит один из бойцов.

- Да ты что, а ну пошли посмотрим, - улыбается Мозговой и быстрым шагом направляется в сторону танка. Мы, естественно, с ним.

Обходим дом. За ним, в метрах двадцати, в лесопосадке и правда стоит танк.

Борисыч подходит к нему хлопает по броне, потом залезает на него сверху.

- Вот это подарочек от украинского военторга, вот это я понимаю. Вот спасибо господин Порошенко, - еще шире улыбается Мозговой.

Комбриг на этом танке выглядит, как Ленин на броневике.

Мы стоим и радуемся вместе с ним, как дети.

- Алексей Борисович, это, похоже, тот самый «Булат». Гордость украинского танкостроения, - говорю я ему.

- Вот и я смотрю, что, похоже, это он и есть, - отвечает Мозговой, спрыгивая с «Булата». - Он на ходу?

- Да. Только гусеница сбита и пара катков разбито. Его бы вытащить отсюда. Увяз он тут сильно, - отвечает Бурят.

Мы обходим танк, вместе с комбригом несколько раз, с разных сторон.

Одна его ходовая часть нормальная, вторая увязла глубоко в землю, с той стороны, где сбита гусеница.

Что бы тебе читатель было понятно, я сейчас приведу кое-какие ТТХ этого «чудо-танка» украинского производства:

Украинский танк «Булат» — это, по сути, полная модернизация советского основного танка Т-64. Модернизация шла по трем, наиболее важным для любого танка критериям: маневренность, огневая мощь и защита. Танк впервые был продемонстрирован в 1999 году, а принят на вооружение украинской армии в 2004 году. По состоянию на конец 2014 года стоимость модернизации Т-64 до уровня «Булата» стоит примерно 14-16 млн. гривен.

Чем же отличается танк «Булат» от советского Т-64? На танк был установлен новый, более мощный двигатель 5ТДФМ объемом 13,6 литра и мощностью 850 л.с., он на 20% мощнее своего предшественника, при этом имеет те же самые габариты. Этот двигатель имеет один из самых «холодных» выхлопов в мире, что обусловлено его конструкционными особенностями, что в свою очередь делает танк «Булат» менее уязвимым для оружия, навещающего по тепловому следу.

На машину установили более современную систему управления огнем, она состоит из прицела наводчика 1Г46М, ночного комплекса наводчика ТО1-КО1ЭР, который может быть заменен на тепловизор, танкового баллистического вычислителя 1В528-1, стабилизатора пушки 2Э42М и прицельно-наблюдательного комплекса ПНК-4СР.

- Надо бы его отсюда вытащить, пока другие не вытащили, - говорит вслух Мозговой.

- Тут мощный буксир нужен и трос хороший, - высказывает свои мысли ему Саня Песня.

Раз нужен, значит надо его найти.

Направляемся вместе с Мозговым к нашей машине. Садимся и едем искать буксир.

Примерно минут через пять видим, как нам на встречу движется два БТРа с двумя полосками на броне. Так укры (если кто не знает) помечали свою технику, что бы она отличалась от нашей. Но на этом трофейном БТРе уже издалека видно, как развивается флаг Новороссии.

- Это кто там себе два БТРа отхватили? Что за подразделение, - ворчит вслух Борисыч. - Неужели «Август»?

- Похоже на то, - с грустью в голосе говорит Саня Песня.
- Вот же паразиты. И когда только успели? - продолжает Мозговой. - А ну-ка, Саш, тормози возле них.

БТРы останавливаются в пяти метрах от нашей «Секвой».

Мы выпрыгиваем из Джипа и вместе с Борисычем подходим к ним.

У одного из них, на броне, белой краской гордо написано - «ПРИЗРАК».

- Так это же наши. Вот, молодцы. Вот, это я понимаю, - смеется Мозговой.

Механик-водитель здоровается с Борисычем, не вылезая из люка.

Тот машет ему рукой, что бы он заглушил мотор.

Боец сквозь рев мотора орет ему:

- Алексей Борисович, я не могу заглушить. Потом мы его хрен заведем.

- Хорошо, я понял. Ты откуда и куда направляешься?

- Из Дебали на Комиссаровку.

- Там много еще этого добра?

- Хватает. Но быстро разбирают. ДНРовские подразделения очень шустрят. Много уже успели вывезти. Наши с ними уже «кусаться» даже начали.

- Ясно. Разберемся, - продолжает Борисыч. - Помощь твоя нужна. Нужно «Булат» вытащить. Сможешь?

- Не знаю, надо пробовать, - орет Мозговому боец.

- Вот он тебе дорогу покажет, - кричит ему комбриг и показывает рукой на меня.

После чего добавляет:

- Тавр, давай, залезай на броню, покажешь ему, куда ехать.

Я быстро залезаю на БТР, сажусь на башню. Тот ревет, рычит, извергая клубы дыма, толкается с места, и мы выдвигаемся.

Мозговой с Песней, Албанцем и Роком едут за нами.

Подъезжаем на место стоянки «Булата». После нехитрых манипуляций с тросом цепляем танк к БТРу. Тот ревет, дергается с места, газует, но «Булат» даже не шевелиться. Делаем еще несколько попыток. Та же картина.

В принципе, этого и следовало ожидать, так как масса обоих сильно отличалась в пользу «Булата». А если учесть, что у того

еще была и сорвана гусеница, то шансы вытащить его, были у нас почти нулевые. Но попробовать-то надо было.

И тут Саня Песня, зачем-то решил подъехать на нашей «Секвое» поближе к месту «боевых действий». И как оказалось зря. Проткнул колесо, наехав на осколок, торчащий из земли.

- Как это тебя угораздило? - спрашивает Борисыч Саню.

- Да я сам не знаю.

Мы подходим к машине. Колесо уже спустило.

- Запаска есть, - спрашиваю я Саню.

- Да, должна быть.

«Песня» открывает багажник, начинает искать запаску.

- Короче, тут все понятно. Танк этот мы сегодня уже не выдернем. Значит, приедем за ним завтра. Надо только, что бы его никто без нас отсюда не забрал, - говорит Мозговой и добавляет Песне:

- Мы в Дебальцево. Ты давай меняй колесо и на базу. Кого оставишь в помощь?

- Тавр, останься, поможешь мне, - обращается Саня ко мне.

Я остаюсь с ним, а Борисыч вместе с Албанцем и Роком, «поймав» проходящую мимо нас МТЛБ, уезжают в сторону Дебальцево.

В итоге с колесом мы провозились около часа. С Божьей помощью, фонариком и матами закончили мы, когда уже окончательно стемнело.

К ужину, мы были в Ломоватке.

МЕТЛА

- 23 февраля 2015 года.

Примерно после обеда мы начали готовиться к отправке обратно, в Алчевск. Мы - это личная охрана комбрига Алексея Борисовича Мозгового в составе шести бойцов и еще несколько человек из других подразделений, что на тот день, по разным причинам, оставались в Ломоватке.

Помню, что сбор штаба, а так же вывоз остатков Б/К и продовольствия выпал как раз на мою смену дежурства. Дежурили мы тогда по одному. По-другому мы бы просто не успевали восстанавливаться. Напомню, что оружие, из шести человек охраны, имели только трое - Я, Албанец и Рок.

Почему только трое, а не все шесть? Об этом я уже писал в предыдущих частях.

Короче, все таскали ящики с Б/К и тушенкой, а я наблюдал все это броуновское движение со стороны.

Кстати о тушенке. Видя, как ее остатки уплывают мимо нас в подогнанный для этого дела грузовик, я торможу Рока, тащившего очередную коробку с кониной и свинойной мимо меня.

- Рок, ты бы изменил маршрут и пару коробок нам в класс закинул. Неизвестно еще, чем и когда нас в Алчевске будут кормить.

- Слушай, а ведь верно. О себе надо тоже не забывать, - улыбается мне Рок, меняя «маршрут» коробки в наш класс.

Видя эту картину, Лесник и Метла, делают то же самое.

- Эй, это вы куда потащили? - интересуется Саня «Песня», который тоже принимал участие в передислокации.

- Сань, ну, а че мы жрать-то будем, когда в Алчевск приедем? - говорит ему Лесник.

- Ладно, только я ничего не видел, - улыбается Песня. - Держи тогда вот еще и мою коробку.

Как покажет время, эта самая тушенка окажется чуть ли не единственным источником нашего питания по прибытии в Алчевск. Тогда мы еще не знали, что поставки гуманитарной помощи из России для бригады «Призрак» будут в скором време-

Метла. 8 марта 2015 год. Алчевск

ни перекрыты Луганским обкомом. Перекрыты для того, что бы Мозговой стал поговорчивее с этим обкомом по части вливания бригады в стройные ряды народной милиции ЛНР. Правда сей факт сейчас стараются активно замалчивать, дабы не нарушать картину полной идиллии и единения этих самых рядов. Впрочем, как и все остальное, что связано с именем командира бригады «Призрак». Но об этом позже.

- *Тот же день. Вечер.*

- Борисыч с Песней уехали, - говорит Метла, заходя в класс.

- В смысле уехали? - недоумеваем мы.

- Да я сам ничего не понял, - оправдывается Метелка. - Сказали только, чтобы мы ждали тут. Должен какой-то автобус за нами приехать.

- Зашибись, и долго нам тут торчать? - возмущается Лесник.

- А я знаю? Че ты меня об этом спрашиваешь?

- А кого мне спрашивать? Ты же там сейчас дежурил, а не мы?

- Ну, так позвони Песне и спроси сам у него, - чуть ли не кричит уже на Лесника Метла.

- Бля, конечно я позвоню. Ты же сам не мог все узнать, - продолжает наседать на того Лесник.

- Да, че вы разорались. Я щас сам все узнаю, - говорю я им и начинаю набирать номер Песни.

В трубке слышны гудки.

- Да, слушаю.

- Сань, это Тавр. Когда и кто нас заберет отсюда?

- Пока ждите. Скоро за вами приедут. Не забудьте генератор забрать, что под лестницей стоит.

- Хорошо, заберем. Когда транспорт будет?

- Я не знаю. Сегодня точно уедите, а пока собирайтесь потихоньку, - говорит Песня и кладет трубку.

- Ну, че там? - задает вопрос Албанец.

- Да хрен его знает. Сказал, ждите, и что бы генератор мы не забыли забрать.

- Так, а сколько ждать?

- Без понятия.

- Ну, а я че говорил. Он мне то же самое сказал, - растягивая

слова на свой манер, возмущается Метла. - Нечего было на меня орать.

- Да никто на тебя не орет. Просто можно же было сразу все выяснять, - продолжает Лесник.

- Ну, че ты пристал к Метле, - улыбаясь, вставляет уже свое слово Макс. - Метла у нас парень резкий и шустрый. Он просто не успел спросить.

Мы все впятером начинаем ржать.

- Да, ну вас в баню, - обижается Метла, заваривая себе чай.

- Ладно, раз такое дело, будем ждать. А пока давайте собираться, - говорит Албанец, скручивая свой матрас.

Собрались мы быстро. Нам особо-то и собирать было нечего. Все наше и так было при нас. Скрутили и завязали свои матрасы, на которых все это время спали. Проверили все ли у каждого на месте из личных вещей. Уложили нашу провизию по мешкам. Вот и весь сбор.

После чего сели пить чай и слушать байки Макса из его жизни.

Рассказчик Макс был интересный. Байки травил так, что мы от смеха тогда, чуть животы не надорвали.

Автобус за нами пришел только часа через два. Загрузив генератор, матрасы и свои шмотки, мы отправились на нем обратно в Алчевск. На этом наша Дебальцевская эпопея была закончена.

В город мы прибыли уже поздно вечером.

Нашим новым местом дислокации, с этого дня, стало здание штаба бригады «Призрак». Или, как мы его тогда ласково называли - «Избушка».

Заезжаем во внутренний двор штаба, через железные ворота. Здравуемся с караулом, что стоит на этих воротах, потом с теми, кто внутри самого штаба.

- Саня Песня здесь? - спрашиваю я у одного из бойцов.

- Был, но уже уехал. Сказал вам располагаться пока в комнате, что напротив «караулки».

Заходим в эту комнату, а она практически пустая. Только одна кровать, стол и шкаф. Окно на половину завалено мешками с песком.

- Зашибись, и где тут спать? - задает сам себе вопрос Лесник.

- Лес, это называется: «ни в чем себе не отказывайте», - улыбаясь, отвечаю я ему.

- Да мне ваще по-барабану, где спать? Можно и на полу, как в Ломоватке, - растягивая, как всегда свои слова, говорит Метла.

- Метелочка, да мне тоже по-фигу, не на курорт же приехали. Правда? - улыбается Албанец. После чего начинает разбирать свои вещи, напевая при этом уже привычную нам мелодию:

- Мети, мети моя метла. Мети моя метелочка!

- Албан, да ты уже запарил с этой песней, - пытается возмутиться Метла.

Но поняв, что это бесполезно, выходит и комнаты.

- Я завтра сваливаю, - решил обрадовать нас Макс.

- Куда? - интересуется Рок.

- В отпуск хочу съездить. Надоело все.

- Нас и так мало, а еще ты свалить хочешь, - говорит ему Лесник.

- Ты это точно решил? - спрашиваю я Макса.

- Да. Сегодня переночую здесь, а завтра напишу рапорт на отпуск.

- И куда собрался?

- Пока тут побуду, в городе. А там видно будет.

- Пусть едет. Каждый сам решает, как ему быть? - говорит Албанец. После чего добавляет. - Надо к Мозговому подняться. Сказать, что мы приехали.

- Да, надо. Заодно скажем, что нас завтра будет на одного меньше, - говорю я.

Оставляем свои вещи в комнате и всей толпой поднимаемся к комбригу, на второй этаж. Стучимся. Заходим. Мозговой сидит за компом и что-то пишет.

- Ну что, прибыли? - отрываясь от ноутбука, спрашивает комбриг.

- Так точно, прибыли, - отвечает за всех Албанец.

- Уже расположились?

- Да, в комнате, на первом этаже. Алексей Борисович, там только одна кровать, - вставляет свое слово Лесник.

- Завтра Песня утром приедет, разберется, - отвечает Мозговой.

- Тут вот еще что. У нас завтра один уезжает, - вступаю я в разговор.

- Да, я рапорт на отпуск хочу подать, - говорит Макс.

- Хорошо, я понял. Еще вопросы есть?

- Никак нет, - отвечаем мы и выходим из кабинета.

Решили распределить смены. Каждому, как обычно, по два часа.

- Давайте я сейчас. Албан, а ты меня потом сменишь, - говорит Албанцу Метла.

- Не вопрос, Метелочка, давай. Я пока все равно спать не хочу, - отвечает Албанец.

Метла заступает на дежурство, а мы все дружно идем наводить порядок в комнате, где остановились. На несколько недель эта комната станет для нас домом.

Метла - это был его позывной.

А звали его Андрей... Андрей Анатольевич Ряжских.

(У нас у всех там, на Донбассе, были позывные. В целях безопасности. Имена и фамилии друг друга мы зачастую даже и не знали. До сих пор, по привычке, иногда между собой так и общаемся.)

Метла, был из местных, из Стаханова. Помню наше с ним первое знакомство, когда мы все еще были в роте СБ «Призрака».

Я тогда был дежурный по роте. Сидел на втором этаже, у входа, где и располагалось наше подразделение.

Задача дежурного простая: не пускать чужих в расположение роты.

И вот сижу я, листаю в телефоне интернет... и краем глаза вижу, что кто-то поднимается к нам по лестнице.

- Здесь рота «СБ» Призрака? - спрашивает меня парень в камуфляжной форме.

- Да, здесь, - отвечаю я ему. - А тебе, кто нужен?

- Командир ваш, Стилет.

- Его сейчас нет. Уехал.

- А когда будет?

- Без понятия. Но сегодня будет. Тебе он зачем?

- Да вот, хочу к вам в роту перевестись.

- Понятно. А сам откуда?

Метла

*Бригада "Призрак".
Личная охрана комбрига Алексея Мозгового.
Март 2015г. Метла, Охотник, Тавр,
Лесник, Ангел.*

- Со Стаханова.
- Ясно. Вижу ты по форме. Сам откуда прибыл?
- Из Анновки.
- Ну и как там?
- Да хрень полная. Мне там не нравится. Бухают все. Порядка нет, дисциплины среди ополченцев, тоже. На днях, по пьяни, чуть друг друга не перестреляли. У вас, в «Призраке», я слышал порядка больше.
- У нас да. Потому как сухой закон. Тебя как звать?
- Метла.
- А меня Тавр. Ты приходи позже. Стилет вечером должен быть.
- Хорошо, я позже заскочу, - говорит Метла. Жмет мне руку и уходит.

Вот так мы с ним и познакомились.

В тот день я не придавал особого значения нашей встрече. Ну, пришел человек устраиваться к нам в роту, ну и что тут такого? Сколько таких бойцов было. Одни приходили, другие уходили. И то, что мы с ним впоследствии будем вместе в личной охране Мозгового, я, конечно, тоже не мог знать.

Как не мог знать и того, что 23 мая 2015 года, на трассе Алчевск-Луганск, возле поселка Михайловка, он погибнет.

Погибнет вместе с нашим комбригом...

Покойся с миром, брат!!!

В ОСАДЕ

- конец февраля 2015 года. Алчевск.

По прибытии в славный и суровый город Алчевск мы, естественно, в первую очередь привели нашу комнату, что располагалась на первом этаже штаба «Призрака», в достойное жилище для проживания. К уже имеющейся там одной койки, притащили еще четыре. После чего поставили их в два яруса. Плюс, письменный стол и шкаф, довершили всю полноту композиции расположения личной охраны комбрига.

Сам же Мозговой, работал и жил тогда у себя в кабинете. В прямом смысле этого слова. Дело в том, что за самим рабочим кабинетом, у него была еще комната отдыха с диваном. Вот там он и спал.

Его быт от нашего, особо не отличался. Питался он тем же, что и мы. То есть тем, что готовили наши повара, которые были из числа гражданских. Две женщины приходили к нам в штаб и варили обед-ужин сразу на всех. На всех, это на нас - личную охрану, на самого Мозгового и на охрану, которая отвечала за внешний периметр самого штаба. Эти бойцы дежурили посменно и были они из другого подразделения «Призрака».

Через несколько дней, после прибытия из Дебальцево, запасы нашего продовольствия стали истощаться.

- Почему так получилось? - спросишь ты меня, читатель. - В чем тут было дело?

- А очень просто. Все дело в том, что каналы гуманитарной помощи, что шли к нам в «Призрак» из России, как то резко стали таять. Пока не превратились в мелкий ручеек. Спасла нас тогда тушенка. Та самая, которую мы заботливо привезли с собой из Ломоватки. Но и она, через какое-то время тоже стала заканчиваться.

Тут я хочу дать небольшое пояснение для читателей. Не нужно при слове - «Россия», понимать это слово буквально!

Дело в том, что гуманитарная помощь, что яко бы шла в тех самых «Белых Камазах» и которую вам так отчаянно показывали тогда по всем каналам, до нас просто не доходила. Всю гуманитарку тогда и сейчас распределял Луганск. А все то, что шло к нам

в «Призрак», было не от правительства РФ и МЧС, а от простых неравнодушных граждан и общественных организаций России. Многие на коробках так и писали - «Бригаде Призрак от такого-то города» или же: «Командиру «Призрака» - Алексею Мозговому от таких-то и тех-то». Причем, все это шло не только на нужды самой бригады, но еще и для простых граждан самого Алчевска, детских организаций и пенсионеров - теплые вещи, канцелярские товары, книги, учебники, продукты питания, в том числе детское и т.д.

И вот все это, после Дебальцево, нам стали перекрывать.

Мне это напоминало осадное положение древней крепости, которую враги пытаются взять измором, отрезав на подступах к ней все пути сообщения, не забыв отравить при этом прилегающие к ней колодцы и водопровод.

- Да ладно! В тылу так не бывает. Что за бред? - слышу я от тебя, читатель, возмущенные возгласы.

- Бывает! Очень даже сильно бывает. Особенно это часто проявляется, когда враг не только внешний, но и внутренний!

Его же вроде, с виду, как и нет. Потому что он, как правило, ходит в овечьей шкуре. Ходит и блеет по теле-ящику всем о том, что судьба Донбасса - это его тоже судьба! И что он прямо таки спать и есть не может, переживает. Как сядет за стол, с рябчиками и ананасами, так и начинает переживать:

- Как же там, этому народу живется в Стаханове, Первомайске или Дебальцево? Может подкинуть им там костей, с барского стола, что бы не передохли все часом? А то, как потом докладывать на верх, старшему брату, куда людишки подевались?

Кстати, у нашего комбрига, Алексея Борисовича Мозгового, на этот счет есть один замечательный стих:

Куда не плюнь, везде дворяне.
Кто граф, кто княжеских кровей.
Раздача титулов по пьяни,
Все для народа, для людей.

Размен наград на килограммы,
Блестят в медалях пиджаки.
Тускнеет позолота храмов,
Но спят взор особняки.

В мундирах толпы генералов,
Погоны бисером горят.
Уж на бразильских карнавалах,
Такие, точно победят!

Святой отец, с крестом и в рясе,
Безгрешный господа слуга...
Найдет и в пост блаженной грязи,
Без страха, страшного суда.

В отдельном списке слуг народа,
Борец за правду, демократ.
Несчастный нищий, год от года
Страдает бедный депутат...

В разгар чумы, парад банкетов,
Произрастает страха плод.
Бомонд дворян в стране советов,
Где загнан в стадо весь народ!

Орда элитных скоморохов,
Господ и дам, блатная рать.
От рассуждений мало проку,
Пора немножко в них стрелять.

Но можно продолжать и дальше,
Ходить на митинги за грош.
Внимать речам вранья и фальши,
И «морды» выбирать из «рож»...

Эти стихи были написаны им задолго до событий на майдане и Донбассе. Но, что самое скверное... Будут они актуальны и через пять, и через десять лет. Особенно последние строчки:

И ведь не поспоришь с Мозговым, потому что так все и есть.

Я к чему это все? Можно конечно сколько угодно тут иронизировать по поводу выше сказанного, если бы не одно НО!!!
Через несколько дней после нашего возвращения из Дебаль-

цево в суровый город Алчевск поступила информация о том, что нас будут штурмовать. Штурмовать, естественно, по-взрослому, со всеми вытекающими последствиями. Нас - это штаб бригады «Призрака», а точнее здание «избушки» и прилегающей к ней территории. Но обо всем по порядку.

- *Первое марта 2015 года. Алчевск. Вечер.*

- Тавр, ты спишь? - слышу я голос Лесника с верхней койки.
- Нет еще. Чего тебе?

Лесник тут же спрыгивает на пол и выдает мне:

- Нас штурмовать собираются.

- Ты гонишь, что ли? С чего ты взял? - не понимая его беспокойства, улыбаюсь я.

- Мне сейчас смс скинули. К нам из ДНР едет штурмовая группа.

После чего Лес называет подразделение.

Моя улыбка тут же пропадает.

- Ах..ть. Это точная инфа? И почему из ДНР, а не из Луганска?

- А я знаю почему? Мне человек только что написал, что к нам выехали. Он сам из этого же подразделения. Я ему верю, потому что знаю его лично.

- А ошибиться он не мог? - вступает в разговор Албанец, лежащий рядом на своей койке.

- Нет, не мог. Я вам точно говорю. Сегодня ночью будет штурм.

- Так, давай без паники, - говорю я Леснику. Мы тут тоже не дети с водяными пистолетами.

- Да никто не паникует, - начинает уже заводиться Лесник.

Надо к Мозговому подняться, предупредить.

- Ну, так пошли, чего сидим, - говорит Албанец и встает.

У кабинета Борисыча дежурит Метла.

- Че случилось? - спрашивает он нас.

- Да тут намечается небольшой пиф-паф, - говорю я Метле.

- В смысле?

- В прямом. Сейчас расскажем. Борисыч у себя? - спрашивает его Лесник.

- Да. Там еще Саня. Недавно зашел.

После чего мы стучимся в кабинет Мозгового и заходим.

Комбриг, как обычно, сидит за своим столом. На столе ноутбук. Тут же, в кабинете, Саня Песня.

- С чем пожаловали? - спрашивает Мозговой.

- Алексей Борисыч, нас штурмовать собираются, - говорит Лесник.

- Я уже в курсе.

- Что делать то будем? Нас всего четверо. Плюс охрана, что внутри штаба, - вставляет свое слово Албанец.

- Разберемся.

- Нам бы усилиться людьми и оружием, Алексей Борисыч, - добавляю уже я. У нас в наличии только автоматы и по паре гранат на каждого. Чем обороняться будем?

- А я, по-вашему, чем сейчас занимаюсь? - ворчит комбриг.

- Люди будут.

- Ясно. Разрешите идти?

- Идите.

- Тавр, вы за дверью пока подождите меня. Я сейчас выйду, обсудим план действий, - говорит нам Песня.

Выходим из кабинета. Пока ждали Песню, решили перекурить в коридоре.

- Ну, давайте уже, рассказывайте, че случилось? - пытается нас Метла.

- Короче, штурмовать нас сегодня будут, - втягивая сигаретный дым, говорит ему Лесник.

- Да ла-а-адно. Кто? - удивляется Метелка, растягивая слова на свой манер.

- А ты думаешь некому? - добавляю уже я.

- Да че вы Метелочку пугаете. Все будет хорошо, - вставляет слово Албанец. - Ты, главное, резких движений не делай.

- Я и не делаю. Я вас нормально спрашиваю, а вы, как я вижу, на приколе все.

- Метла, да какие нах...р приколы? Все по-взрослому, - нервно куря сигарету, отвечает Лесник. - Штурмовая группа из ДНР сюда уже едет. Щас Саня выйдет, решим, что нам делать?

Из кабинета выходит Песня.

- Короче так, расклад такой. Я сейчас еду за дополнительным б\к и железом. Вы остаётесь здесь. Усиление к нам сейчас подьедет.

- Пулемет, Сань, нужен, - говорю я Песне.
- Привезу.
- Сань, у нас патронов на 10 минут боя, - добавляет Албанец.
- Сколько магазинов у вас?
- По четыре на каждого.
- Я понял. Может, обойдется еще, и штурма не будет. Все, я поехал.

Песня быстро спускается по лестнице, на первый этаж, садится в «Секвою», дает по газам и выезжает за территорию штаба. Караул, что на улице, закрывает за ним железные ворота.

Мы с Лесником подходим к ним.

- Че за движуха, парни? - обращаются к нам бойцы, стоящие на воротах.

- Да тут война небольшая намечается. Одни нехорошие ребята из ДНР едут типо нас разоружать, а возможно и валить.

- Ахринеть, вы это серьезно?

- Ага. Серьезнее некуда. Вы на пятиэтажки поглядывайте, особенно на подъезды и крыши. Там снайпера могут быть. Короче, полная боевая готовность!!!

Кто хоть раз был в штабе «Призрака» знает, что с трех сторон его окружают четыре пятиэтажных дома. Расстояние от них всего каких-то 30-40 метров. С чердака любого здания сам штаб и прилегающая территория, как на ладони. Что делает позицию для снайперов, просто идеальной. И мы это, конечно, ВСЕГДА понимали.

- Давай на крышу штаба залезем, - говорит мне Лесник.

- Зачем?

- Хочу осмотреться там.

- Хорошо, давай.

По пожарной лестнице мы залезаем на крышу. Несколько минут ходим по ней, рассматривая пятиэтажки и прилегающие к штабу территории.

- Я тут до утра останусь, - неожиданно мне выдает свое решение Лесник.

- Лес, ты гонишь. Че ты тут собрался делать?

- Тавр, я не гоню. Кто-то же должен быть на крыше?

- Для чего? Что бы стать идеально мишенью вот с этого чер-

Алчевск. Лесник на крыше нашей «избушки»

дака? - говорю я ему, тыча стволом своего автомата в ближайшую пятиэтажку. - Тут даже спрятаться негде. Разве, что за антенной.

Но Лес мои доводы не слышит. Он твердо убежден, что ему нужно тут остаться.

- Давай спустимся вниз лучше. Еще раз обойдем периметр с внешней стороны. На крышу ты еще успеешь залезть, - говорю я ему.

- Хорошо, давай. Но потом я на крышу.

- Ладно, зайдем только в комнату, я перчатки одену, а то руки уже задубели.

Заходим в комнату. Там Албанец, сидя на койке, проверяет наличие своего б\к.

- Вы куда пропали? - спрашивает он нас.

- Да на крышу лазили, - отвечает Лесник.

- Нахе...а?

- Позиции наши оттуда осматривали. Лес хочет там до утра остаться, - улыбаясь, говорю я Албанцу.

- Не понимаю я. Тебя же оттуда первого из СВД «снимут», когда все начнется, - говорит он Леснику.

- Я ему то же самое уже сказал, - добавляю я.

- Бля, а что вы предлагаете? Сидеть тут и ждать, когда нас штурманут? - начинает снова заводиться Лесник.

- Че ты орешь. Ты думаешь, я сам об этом не думал? - заводится Албанец. - Тебя же первого там и завалят. Там наша крыша, как на ладони.

- Я все равно полезу, - начинает упираться Лесник. - До шести утра посижу, а там видно будет.

- Ты че, дурак? Мы тебе реальные вещи с Тавром говорим. Нахрен ты там нужен на этой крыше, - орет на Лесника Албанец.

- Пацаны, давайте успокоимся, - влезаю я в их перепалку. - Лес, ты подумай. У тебя на крыше два варианта:

Либо сдохнуть там от пули снайпера, либо от воспаления легких. На дворе не май месяц. Нас и так в охране осталось четверо. Не хватало, что бы ты еще заболел.

- Тавр, да че ты ему объясняешь. Если хочет, пусть лезет на эту крышу. Нас все равно всех рано или поздно завалят, вместе с Мозговым. Как Бэтмена и Ищенко. А потом все спишут на укропов. Это лишь вопрос времени. Вы че не понимаете, что мы смертники?

Конечно, мы это понимали. Албанец был прав. Вот только, кому из нас повезет больше, мы тогда еще не знали.

Вскоре прибыло наше подкрепление. Примерно десять бойцов. Среди них были Охотник, Холс, Каравай и Ангел. Еще минут через 15 приехал Саня Песня.

- Пошли, можете разгрузиться, - говорит он, заходя к нам в комнату.

Идем. Открываем багажник нашей «Секвой». А там картина маслом. Нас приветливо встречает ПКМ с двумя коробками патронов 7,62 к нему, по 150 штук в каждой. Плюс несколько РПГ-18 «Муха» и пару цинков с патронами 5,45 и 7,62.

- Ну, нормально. Воевать можно, - улыбается Лесник, забирая ПКМ из багажника «Секвой». Остальное забираем мы с Албанцем.

- Сань, откуда это все? - спрашиваю я Песню.

- У Стилета забрал. Он мне был должен еще с Ломоватки.

После того, как все оружие было бережно перенесено в нашу каморку, ко мне подходит Охотник.

- Тавр, у меня тут идея есть.

- Говори.

- Я с собой гражданку взял. Хочу прогуляться по местным дворам. Разведать обстановку.

- Мысль хорошая. Мне нравится. Ты только там поаккуратней смотри.

- Ну, само собой.

- Давай я с тобой, на всякий случай, - говорит Лесник.

- Не, надо. Будешь привлекать внимание.

Охотник переодевается в гражданку и выходит за ворота.

Через полчаса возвращается.

- Ну, че там? - спрашиваем мы его.

- Есть две подозрительные машины, тут и тут, - говорит он, показывая нам их координаты.

- В чем подозрения?

- Любовухой в нашу сторону смотрят. В обоих тачках по два человека сидят, на переднем сиденье. Явно следят за кем-то.

- Ясно. Это все?

- Да. Больше ничего такого не заметил.

- Я думаю, что те, кто едет сюда уже знают, что мы их ждем, - говорю я вслух.

- Конечно, они уже знают. И если они не конченные идиоты, то на штурм они не пойдут, - говорит Албанец.

- Согласен. Одно дело засада, где-нибудь на трассе, как с Бэтменом было. Другое - штурм здания в центре города. Много крови и шума будет.

- Я тоже так думаю. Но расслабляться не будем, - говорит Лесник.

- Конечно, не будем. Пойду я Метелку сменю, - говорит Албанец и уходит на второй этаж, где расположен кабинет Мозгового.

Через пять минут Метла заходит в комнату.

- Есть че пожрать?

- Сходи на кухню, там может еще что-то осталось с обеда? - говорит ему Лесник.

- Нет там ни хрена, одна холодная гречка в кастрюле. Даже хлеба нет.

- Тогда жрать нечего. Тушенка кончилась еще вчера, ты же знаешь.

- Надо в магазин сходить. У кого бабки есть? - спрашиваю я парней.

- У меня вот, 20 гривен есть, - достает свои деньги Лесник.

- У меня 27 и еще мелочь, - считает на ладони свои гривны Метелка.

- Давайте сюда. Остальное я добавлю, - говорю я им.

Охотник и Холс добавляют еще свои.

- Тавр, ты там смотри, аккуратнее. Сам знаешь, штурм может начаться, - говорит мне Лесник.

- Лес, все будет нормуль. Без меня не начнут, - улыбаюсь я ему.

- Ладно, ты давай там недолго только. Бронник одень.

Одеваю бронезилет. Сверху свою разгрузку, в которой четыре магазина с патронами и две гранаты. Проверяю все ли на месте? После чего выдвигаюсь на выход.

- Если что, кричите - «Караул, убивают!» и три зеленые ракеты в небо, - ржу я, выходя из штаба за ворота.

Магазины были от нас недалеко (штаб наш располагался практически в центре Алчевска). Правда, из-за комендантского часа, почти все они к тому времени уже были закрыты. Кое-как я нашел один работающий.

Захожу вовнутрь, а там очередь примерно из 5-6 людей мужского пола, за пивом. Я окидываю всю эту публику взглядом, поправляю свой автомат на плече и негромко, но внятно спрашиваю:

- Мужчины, вы не против, если я без очереди пройду? А то там война намечается, а мы голодные.

- Да, конечно, проходите, - слышу я ответ.

- Благодарю вас, господа, - отвечаю я, и начинаю перечислять продавщице, что мне нужно. После чего укладываю всю провизию в пакет и молча выхожу из магазина.

В это же время, на кухне, Лесник ставит кипятить чайник. Заходит Мозговой. Открывает холодильник. Там пусто.

- У нас поесть что-нибудь есть? - спрашивает он Лесника.

- Алексей Борисович, только вот гречка, но она холодная.

Могу разогреть.

- Да ладно, не надо. Я так поем. Тарелка есть?

- Да. Вот чистые.

Борисыч накладывает себе гречку в тарелку и выходит из кухни. А я возвращаюсь в штаб с пакетом продуктов.

В ту ночь, штурм штаба «Призрака» так и не было. Ту самую штурмовую группу, как я потом узнал, развернули на полпути. Инфа о том, что мы их ждем, до них тоже была оперативно доведена.

Утром к центральному входу штаба подогнали трофейный бронированный КраЗ. Тот самый КраЗ, что влился в наши ряды с Дебальцево.

В таком режиме, мы провели всю ночь и весь следующий день. Тогда мы еще не знали, что вся эта «движуха» лишь только начало. И что конец ей будет 23 мая того же года.

Но об этом уже в следующих частях моей исповеди.

ИВАНОВКА

- Начало марта 2015 года. Алчевск.

В прошлой части я уже говорил о том, что после завершения дебальцевской операции, власти ЛНР перекрыли нам кислород в гуманитарном вопросе. Если говорить прямо - Бригада была поставлена перед выбором:

Либо она должна переходить в полное подчинение и на обеспечение, так называемой - народной милиции ЛНР.

Либо появлялась реальная угроза прекращения существования самой бригады, как таковой.

В те дни, у нас было ощущение, что мы реально находимся в блокадном положении. С продуктами питания стало совсем хреново. Из курева, например, у нас оставалась только махорка. Дело дошло уже до того, что мы начали делать из нее самокрутки.

Эту махорку нам раздавали еще во времена нашей службы в роте СБ. Тогда мы, помню, все еще шутили и смеялись, что это нам, дескать, на черный день.

И вот этот день наступил.

- Тавр, у тебя есть что-то из гражданки, на обмен? - обращается ко мне Албанец, поднимаясь на второй этаж.

Я дежурю в этот момент у кабинета Мозгового. Моя смена.

- На какой еще обмен? - не понимаю я вопроса Албана.

- Да мы с Лесником хотим свои вещи сходить поменять. На рынок. Курить-то у нас совсем уже не чего.

- Кое-что есть, - говорю я ему. - Пойди пока за меня. Я сейчас сбегаю, посмотрю.

Через пять минут я возвращаюсь. Отдаю Албанцу, то, за чем ходил.

- Вот, подойдет? - спрашиваю я его.

- Нормально.

- Вы только недолго. А то вдруг будет выезд. Саня Песня в курсе, куда вы собрались?

- Да, я ему уже сказал. Мы быстро.

После чего Албанец и Лесник уходят.

Примерно через полчаса они вернулись.

- Ну че, поменяли? - спрашиваю я Лесника.

- Ага. Взяли блок сигарет, несколько пачек «Доширака» и пару консервов. Короче, жизнь налаживается, - смеется он, протягивая мне пачку «Донского табака».

Я быстро распечатаваю ее. Достая одну сигарету. И смакую дым, наслаждаюсь происходящим процессом вместе с Лесником. После махорки, «Донской табак» кажется мне, как минимум - «Парламентом».

Ты сейчас читатель, наверное, сидишь и недоумеваешь. Почему мы вынуждены были идти на такие крайние меры, как обмен вещей на сигареты и продукты? Зачем менять, если все это можно было купить? Ведь есть же магазины и рынки.

Оно, конечно, можно. Если есть деньги. Но дело в том, что нам, на тот момент, никаких денег не давали. Мы тогда, как шутили некоторые бойцы:

- Воевали и служили за еду и идею!

Но одной идеей, брат, сыт не будешь и на хлеб эту идею не намажешь!

Даже если эта идея о светлом будущем - Новороссии, Русском мире и т.д.

Поэтому после Дебальцево, люди из бригады стали постепенно уходить. Уезжали, как правило, в ДНР или же возвращались обратно, в Россию.

Денежное довольствие для бойцов ДНР стало выплачиваться еще в конце 2014 года. А чуть позже эту эстафету подхватили и власти ЛНР. Зарплата была, конечно, небольшая, в разных подразделениях по-разному. Но если учесть, что мы тогда в бригаде денег не получали совсем, то картина складывалась хреновая. Денег нет, гуманитарки тоже нет.

Плюс сказывалось еще и то, что активная фаза боевых действий, как таковая, была уже закончена. У многих пришло понимание того, что наступления «На Киев» не будет.

Мозговой все эти процессы, конечно, знал и понимал. Но ничего с этим сделать не мог. Вернее мог, но для этого ему надо было расформировать бригаду до отдельного батальона и влиться в дружные ряды народной милиции ЛНР. Влиться, как ему это

неоднократно, любезно и настойчиво предлагал сделать Луганский обком.

Чуть позже он так и сделает. Но это будет уже потом.

- Алчевск. Тот же день.

- Тавр, Албан, на выезд. Саня сказал, чтобы мы готовились, - говорит нам Лесник, заходя в комнату.

- Куда едем? - спрашиваем его.

- А я знаю? Мне Песня ничего не сказал. Только предупредил, чтобы были готовы.

Ясно. Как всегда - конспирация.

Уже через 10 минут Я, Лесник, Албанец, Песня и комбриг на нашей Тойоте-«Секвое» выдвигаемся из Алчевска. Песня за рулем, Албанец впереди, я слева от Мозгового. Сзади нас Лесник. С нами еще Аня - наш пресс-секретарь «Призрака». Метла тогда остался на «избушке».

- Алексей Борисович, куда едем? - спрашивает Мозгового Лесник.

- В Ивановку, - отвечает тот.

В Ивановку, так в Ивановку.

Пока едем, слушаем «Казачье радио» Стаханова.

И тут Мозговой понимает, что мы едем куда-то не туда.

- Песня, а мы куда едем? - спрашивает он.

Саня уже и сам понял, что свернул не на ту дорогу, и что мы двигаемся в сторону Украины. Чертыхаясь, он разворачивает джип на 180 градусов.

- Вот, ты бы нас сейчас привез к украинским товарищам. Порадовал бы их, - улыбается Борисыч.

- Виноват. Что-то я задумался, - оправдывается Песня.

- О чем думаешь, Саш? - спрашивает комбриг.

- Алексей Борисович, а, может, зря развернулись? - улыбается Албанец. - Сейчас бы навели там шороху.

- Ага, надо было прям до Артемовска гнать. Они бы там, как узнали, что сам Мозговой пожаловал, сразу бы город сдали, - смеется на заднем сиденье Лесник.

- Да уж, было бы, что потом вспомнить, - добавляю уже я.

- Вам бы только повоевать. А, вот, скажите мне лучше, что это за песня сейчас по радио играет? - спрашивает нас Борисыч.

Мы напрягаем слух, но не можем понять. И если честно, у нас даже вариантов нет.

- Эх вы. Это же - «Не для меня придет весна...», - говорит он нам и начинает подпевать своим басом.

Так я впервые услышал, как поет Мозговой. Петь он умел. С таким голосом, какой был у него, можно было спокойно выступать в опере.

Примерно через час мы были в Ивановке.

И только тут я понял, зачем мы сюда приехали? Здесь была церковь и приход. Как я потом впоследствии узнал, тут нес службу духовный батюшка Борисыча, с которым его когда-то познакомил Аня.

Подъезжаем к церкви. Выходим из джипа. Мозговой креститься на кресты куполов и идет мимо церкви, в сторону церковного прихода.

- Лесник, ты останься в машине, на всякий случай, - говорит Леснику Песня.

Лесник остается, а мы - я, Албанец, Песня и Аня - идем вместе с Борисычем.

Заходим в большой одноэтажный дом, что за церковью. Там нас встречают прихожане и сам батюшка. Он здоровается с Мозговым, потом с нами. После чего предлагает нам пройти, отведать постной пищи.

Тогда, как раз уже шел пост. Нам поститься не привыкать. В том плане, что с харчами у нас и так было не очень. Прихожане любезно накрывают перед нами стол.

Сам же Мозговой, с Аней и батюшкой проходят в другую комнату. Для разговора.

Примерно через 20 минут после приема пищи мы втроем выходим на улицу перекурить. Стоим общаемся, разговариваем.

Еще минут через десять выходит Мозговой.

Я его таким никогда не видел. Ни до, ни после этой поездки.

Он вышел. Подошел к нам. Молча достал сигарету. Подкурил. Долго молчал, смотря куда-то вдаль. Взгляд прямой. Даже какой-то злой. На щеках гуляют желваки.

Мы с Песней и Албанцем стоим, смотрим на него молча.

После очередной затяжки, Борисыч выдает нам:

- Вот вы мне скажите, почему они воруют?

- Алексей Борисович, вы про кого, кто ворует? - спрашивает его Албанец.

- Да в том-то и дело, что все. Почему они все воруют? Чего им не хватает? - снова спрашивает нас комбриг.

- Борисыч, а сейчас никому нельзя верить, время такое, - говорит Мозговому Песня.

- А кому мне тогда верить? Почему, когда мне дали миллион, я его потратил на бригаду, а не себе в карман положил?

- Вот поэтому именно вы наш комбриг, а не кто-то другой, - вступаю я в разговор.

- Ну да, я комбриг. Вот, только для чего я тут жилы рву? Кому это все надо? Может плюнуть на все и уйти в монастырь? Как считаешь, Саш? - обращается он к Песне.

- В монастырь-то мы всегда успеем.

Из прихода выходит Аня с батюшкой. Он нас перекрещивает.

- Храни вас Бог, дети мои - воины Руси нашей!

Мы прощаемся с ним и идем к машине, где нас уже заждался Лесник.

Обратно ехали молча. Мозговой всю дорогу думал о чем-то своем, известном только ему. Было видно, что разговор со священником стал для него откровением.

Холс

ХОЛС

(Алексею Калашину - Холсу, посвящается эта часть...)

- начало марта 2015 года. Алчевск. Здание штаба «Призрака».

Как я уже писал ранее, в личной охране Мозгового на тот период нас оставалось всего четыре человека - Я, Албанец, Лесник и Метла.

В Ломоватке нас было еще шестеро, но по прибытии обратно в Алчевск уехал Макс (Максимов Андрей), а после него, через несколько дней, ушел Рок. Он перевелся в другое подразделение, кажется, в Стаханов.

Ночью дежурили так же, по два часа, по одному. Днем же, если выезжали куда-то с Мозговым, в машину уже садились по трое или по двое. Один раз даже, помню, я с ним ездил один.

У меня тогда сложилось стойкое мнение, что комбриг за нас, как за охрану, особо и не держался. Ему реально было по барабану, сколько людей с ним будет в машине на тот или иной момент. Борисыч смотрел масштабно, вдаль, за горизонт. Нам же - его охране, тогда было уже не до горизонтов.

Нам просто нужна была смена!

Смена, чтобы мы могли элементарно отдыхать и восстанавливать свои силы. Потому что, как я уже писал в одной из частей, не выспавшийся и не отдохнувший боец, теряет свою реакцию и боевую способность, минимум на 50%. Со всеми вытекающими последствиями.

Можно, конечно, не спать сутки, двое или даже трое. Можно спать по три-четыре часа в день, как это было у нас в Ломоватке. Это все, конечно, нехорошо, но это объяснимо, потому что мы были в зоне боевых действий и относились к этому с пониманием. Сейчас же, находясь в мирном и тихом Алчевске, мы реально не понимали, почему нам не дают еще людей для охраны первого лица бригады?

Я к чему это все?

У любого человека, рано или поздно, как я написал выше, накапливается усталость и организм дает сбой. Накапливается она незаметно, и тогда становится уже неважно, кто ты - амери-

канский рэмбо, русский десантник, румынский стрелок или чукотский оленевод. В первую очередь - ты человек. А человек имеет привычку спать и есть. Ну, вот, такая это тварь.

Все это мы, конечно, понимали. Поэтому ждать, когда наши организмы начнут давать этот самый сбой, мы не хотели.

- Короче, надо до Борисыча опять идти, - говорит вслух Лесник.

- Зачем? - спрашиваю я его.

- Надо говорить, чтобы он дал нам кого-нибудь на сменку. Хотя бы еще четырех человек. Меня уже на ходу вырубает спать. А это не есть хорошо.

- Да, согласен. Со мной та же хрень происходит. Но, может, вначале с Песней поговорим?

- Тавр, а то мы ему не говорили? Все он знает. Ты же сам ему вчера напоминал. Что он тебе ответил?

- Что он ищет людей.

- Да че их искать? Можно вон тех же Охотника, Холса, Ангела и Каравая ему предложить, что были у нас недавно на усилении, во время попытки штурма.

- Можно, конечно. Тем более, что они уже тоже не «Стилетовские», как и мы. Значит согласятся. Охотник мне сам, как-то говорил, что не против быть в охране «Первого». К тому же я в отпуск собираюсь. Мне надо смотаться по семейным делам.

- А ты Песне говорил?

- Нет еще.

- Я тоже хочу съездить домой. Но как тут поедешь, когда нас всего четверо?

- Вот и я о том же.

В это время в комнату заходит Албанец. Вешает на батарею свои постиранные носки и спрашивает:

- О чем разговор?

- Да вот хотим к Борисычу зайти. Поговорить с ним по поводу людей для еще одной четверки, - говорим мы Албанцу.

- Я тоже об этом думал. Нельзя постоянно ху...ть в таком графике. А Песня че говорит?

- Да ни х...ра он не говорит. Только обещает, - возмущается Лесник.

- Короче, пошли прям сейчас, пока никуда мы не выехали. Метла дежурит у кабинета. Значит Мозговой там.

Идем к комбригу. По пути встречаем Сашу Песню.

- Вы это куда? - спрашивает он нас.

- Мы к Борисычу. Хотим по поводу смены поговорить.

- А вы думаете, я ему не говорил? Ладно, раз такое дело, пошли тогда вместе. Сами все услышите.

Заходим в кабинет.

- Алексей Борисович, разрешите?

- Заходите. Что там у вас?

- Нам бы еще людей, в охрану. Вы же знаете, что нас всего четверо, - говорит ему Лесник.

- Что бы нас было хотя бы две четверки, - добавляю я.

- Саш, ты к Стилету обращался? - спрашивает Песню Мозговой.

- Да, обращался. Не дает он людей. Говорит, что у самого не хватает.

- Алексей Борисович, мы сами неоднократно со стилетовскими разговаривали по этому поводу. Не хотят они в вашу охрану идти.

- Что значит, не хотят, почему? Как это понимать?

- Мы не знаем, почему? Они не говорят.

- Алексей Борисович, люди есть. Просто надо ваше распоряжение на их счет, - снова обращается к Мозговому Лесник.

- Песня, кто из нас начальник охраны? Если надо, то бери еще людей, - говорит комбриг.

- Я понял, Борисыч. Сделаем.

После этого разговора вопрос с людьми был решен. Вскоре к нам добавились: Охотник, Холс, Каравай и Ангел. Правда, не сразу.

- Сань, я в отпуск хочу съездить, - говорю я Песне, после того, как мы вышли из кабинета.

- Надолго?

- Точно не знаю, недельки на две точно.

- Я тоже хочу, - добавляет Лесник.

- Ясно. Когда хотите?

- Ну, вот парни нам на смену придут, тогда и рванем.

- Хорошо.

Если память мне не изменяет, Холс, Ангел, Охотник и Ка-

Алексей с мамой - Татьяной Михайловной

равай первый раз на смену, в личную охрану, заступили - 6 марта. Впервые за долгое время, мы могли себе позволить выходной день.

Помню, вышли мы как-то с Холсом перекурить, во двор избушки. Стоим с ним, общаемся о том, о сем.

- Холс, все хочу тебя спросить. Почему ты - Холс? Откуда такой позывной?

- Я просто леденцы «Холс» люблю, - смеется Леха.

- Может тогда уж лучше ХоМс, а не Холс? Тем более, что ты опером был. Почти, как Шерлок Хомс получается, - улыбаюсь я.

- Не, не хочу. Меня уже пытались на ХоМса переименовать. Но мне лучше Холсом. Привык уже. Кстати, а почему ты Тавр?

- Это от слова - Таврия, то есть: Таврида, Крым. Я ведь крымский сам.

- А я думал, ты из Москвы?

- В Москву я уже потом переехал. А до этого в Крыму долго жил, в школу там пошел. Закончил ее тоже в Крыму. У меня до сих пор там много друзей и одноклассников осталось.

- Ясно. А я из Тюмени. Слыхал? - делая последнюю затяжку, спрашивает он меня.

- Да, знаю, конечно. Был даже проездом как-то у вас, на поезде.

- А че проездом-то? Надо было тормознуться. У нас там есть, на что посмотреть, - улыбается Леха.

- Ну вот, после войны и съезжу к тебе, в гости. Если пригласишь, - смеюсь я в ответ.

- Да не вопрос. Приезжай, конечно. Будем рады.

Леха Холс - Алексей Калашин.

Мы с ним были знакомы еще со времен нашей службы в роте СБ «Призрака». Он был командиром второго взвода. Потом он по каким-то своим причинам ушел от «Стилета» в другое подразделение бригады. Был там опером. Хороший, открытый и веселый парень он был.

- Почему был? - спросишь ты меня читатель.

- Потому что 23 мая 2015 года Алексей погиб.

Погиб в той самой Тойоте-«Секвое», вместе с нашим комбригом - Алексеем Мозговым, Песней, Метлой и Аней Самелюк. Это случилось на трассе Луганск - Алчевск. Версии этой трагедии я тут расписывать сейчас не буду. Их и так уже предостаточно.

Я лучше расскажу, каким он был!

Что мне о нем потом рассказывала его мама - Татьяна Михайловна:

«Леша родился в Тюмени, в январе 1983 года.

Учился хорошо, занимался спортом, проблем не было. Был всегда очень заботливым по отношению ко мне. Помогал во всем.

После школы поступил в кадетский корпус в Санкт-Петербурге, но не доучился всего несколько месяцев. Написал, что это не его. Приехал в Тюмень и пошел в армию.

После армии работал менеджером в разных организациях. И везде пользовался авторитетом. Но пришло время, когда перестали платить и он стал работать частным образом.

Утром, уходя на работу, он всегда оставлял завтрак для меня. А когда возвращался с работы, звонил и спрашивал, что мне вкусенького принести? Мог выполнить любую работу по дому. Очень вкусно готовил.

Еще он работал на Сочинской олимпиаде. Позже, с группой ребят, поехал работать в Москву. Когда у меня случился инфаркт, целый год ухаживал за мной. Потом поехал на север, на заработки. Обещал скоро вернуться... Но не вернулся.

И я стала его искать. Мне его знакомая на севере, написала, что он уехал с ребятами-добровольцами на Донбасс.

Конечно же, я была в шоке!

Примерно через полгода мы с ним начали переписываться и сильно спорили. Я хотела приехать в Алчевск, но он не разрешил. Потом я успокоилась немного, так как он написал, что встретил замечательную девушку и хочет на ней жениться. Сказал, что поедет с розами на танке, делать ей предложение. А после они приедут в Тюмень. Писал, что больше никогда не оставит меня одну и будет обо мне заботиться.

И вот наступило 23 мая, когда его не стало...

Я поехала хоронить его в Алчевск.

Когда я увидела его, мне стало больно и страшно! У него не было половины головы, разорвана щека, руки в крови. Остались только губы и нос. Не дай Бог другой матери такое увидеть!»

Что такое жить без сына?

И ночами длинными не спать?

Ожидая, верить и надеяться
Что на небе встретимся опять?

Что такое жить без сына?

Это от бессилия страдать,
Не обнять его тебе, и не увидеть
Лишь возможность фото целовать...

Что такое жить без сына?

Это радость в сердце потерять
Все вокруг становится ненужным
Ты перестаешь душой существовать...

Что такое жить без сына?

Это у могилки постоять
Принести букет цветов и свечи
Для тебя, сыночек, зажигать.

Что такое жить без сына?

Не могу словами передать...
Это боль разлуки и бессилье...
Это значит тихо умирать...

Что такое жить без сына?

Не дано другим меня понять.
Дай же, Бог, чтоб боль и расставанье
Не познала ни одна на свете мать!

P.S. Алексей был у нее единственным сыном...

Спи спокойно, брат! Мы тебя никогда не забудем!

ПОКУШЕНИЕ

- 7 марта 2015 года. Алчевск.

Этот, казалось бы, обычный, весенний, предпраздничный день, врзался в мою память очень четко и, наверное - уже на всегда!!!

- Почему же, что в нем такого особенного? - спросишь ты меня, читатель.

И я тебе отвечу:

- Особенность его заключается в том, что в этот день было совершенно вооруженное нападение на машину комбрига «Призрака» Алексея Мозгового.

Но обо всем по порядку.

- 8 утра. Алчевск. Здание штаба бригады «Призрака».

Я поднимаюсь по лестнице, на второй этаж штаба, что бы сменить Албанца у кабинета Мозгового.

- Ну, че все нормально тут? - спрашиваю я его.

- Да. У тебя курить есть?

- Нет. Сам ночью у пацанов, что на воротах стоят, стрелял.

- Ясно. Короче, Борисыч только под утро спать лег. Просил его в 8 утра разбудить. Мне это Метла по смене передал, - говорит Албанец.

- Так, а ты заходил уже к нему?

- Нет еще.

- Ладно. Я сам его разбуджу. Побудь пока тут, - говорю я Албанцу и захожу в кабинет.

За кабинетом комната отдыха. Захожу туда. Комбриг спит.

- Алексей Борисович, подъем!

В ответ - тишина. Реакции - ноль.

Подхожу к дивану. Тормошу его.

- Алексей Борисович, проснитесь.

Мозговой открывает глаза. После чего, пару секунд пытается сообразить, что происходит?

- Тавр, что случилось?

- Вы просили вас разбудить.

- Да, хорошо. Сейчас встаю, - говорит он мне... и переворачивается на другой бок.

Все понятно. Выхожу из кабинета.

Там Албанец. И еще какие-то люди по форме, на прием к Мозговому.

- Ну че, разбудил? - спрашивает меня Албанец.

- Да какой там. Спит, - улыбаюсь я.

- Тут вот народ к нему уже собирается, - кивает Албанец на людей в камуфляже.

Те, в свою очередь, уже все поняли.

- Мы попозже тогда заедем, когда он проснется, - говорят люди в камуфляжах и спускаются вниз, по лестнице.

- Ладно, Тавр, я пошел. Может, у кого курить стрелну? - размышляет Албанец, после чего спускается тоже вниз.

Еще через какое-то время по лестнице поднимается какая-то женщина.

- Вы к кому? - спрашиваю ее.

- Мне нужен Мозговой.

- По какому вопросу?

- По личному. У меня сын пропал. Уж куда я только не обращалась. Бесплезно. Может, он мне чем поможет? Люди посоветовали к нему обратиться, - чуть не плачет она.

- Вы знаете, он сейчас спит. Попробуйте зайти через час.

- Да, хорошо. Я понимаю. А через час он сможет меня поднять?

- Надеюсь, что да.

После женщины пришли еще люди. Потом еще и еще. И всем мне приходилось говорить то же самое.

Поднялся Лесник.

- Тавр, а что Борисыч, спит еще?

- Ага. Я пытался его поднять. Но бесполезно.

- Так там внизу уже целая делегация выстроилась. Уже час прошел.

- Я в курсе. Ладно, попробую еще раз его поднять. Постой пока здесь.

Делаю еще одну попытку разбудить комбрига.

- Алексей Борисович, вставайте. Уже девять часов. Там люди к вам пришли.

Мозговой просыпается. Садится на диван. И выдает мне:

- Что, без меня больше некому? Почему все ко мне-то? Аркадич и Шевченко где? - и тут же добавляет - Ладно, сейчас встану. Дайте мне только десять минут прийти в себя.

Через десять минут он уже принимал «ходоков» у себя в кабинете.

- Примерно 13.00. Тот же день. Штаб «Призрака».

В комнату, где мы расположены, заходит Саня Песня.

- Готовьтесь, через 10 минут выезжаем.

- Куда едем, Сань? - спрашиваем мы его.

- В Луганск.

В Луганск, так в Луганск.

Через десять минут выходим во двор «избушки».

Стоим, курим. Ждем, когда выйдет Мозговой с Песней. Но их нет. Заходим с Албанцем и Лесником обратно, в штаб. Поднимаемся наверх. Там дежурит Метла.

- Ну че, когда едем. Саня где? - спрашиваем у него.

- У Борисыча, там, - кивает Метелка на дверь кабинета.

Ладно. Стоим, ждем у кабинета.

Еще через десять минут выходит Песня.

- Сань, ну че, когда едем-то? - спрашиваем его.

- Пока не знаю. Ждите.

Проходит еще полчаса. Мозгового нет.

Мы понимаем, что что-то происходит, но что именно - непонятно!

Никогда до этого мы так долго не сидели и не ждали!!!

Обычно, после того, как Саша Песня говорил о выезде, мы уже через пять-десять минут стартовали. А тут сидим и чего ждем?

Проходит еще примерно полчаса. Борисыч вместе с Аркадичем выходят из кабинета. Мы подлетаем к машине. Песня - за руль. Албанец - на переднее сиденье. Метла и Лесник - садятся сзади. Сам Мозговой, как обычно на свое место - за Албанцем. Аркадич... садится на мое место, рядом с Мозговым.

- Борисыч, так а я куда же? - не понимая, обращаюсь я к Мозговому.

- Ты останься. Сегодня едем без тебя.

Хлопает дверь. Песня дает по газам. И «Секвоя», вырываясь на волю, скрывается за железными воротами штаба.

Картина маслом - все уехали. Меня оставили.

Делать нечего. Возвращаюсь обратно в штаб.

- А ты че не уехал? - спрашивает меня Карат.

Карат - это боец, который пару дней назад был взят Песней к нам, в охрану. Не знаю уж по каким соображениям, но Саня его почему-то взял. Хотя многим до этого отказывал.

- Да вот, оставили меня. Места не хватило, - говорю я ему, ложась на свою койку.

На душе, как-то беспокойно. В голове бегают разные мысли:

О том, что все это очень странно и непонятно. Странно от того, что мы раньше НИКОГДА так долго не ждали своего выезда. Да и место, куда мы едем, нам заранее никогда не сообщалось. Обычно мы о нем узнавали, когда уже занимали свои места в машине. А тут вот такое.

- Тот же день. Около 17 часов. Здание штаба «Призрака».

У Карата, который спал на соседней от меня койке, раздается телефонный звонок. Как потом выяснилось, звонил Лесник:

- Да, слушаю, - говорит он в трубку. - Что ты сказал, я не понял? - остатки сна пропадают с его лица.

Видя то, как Карат меняется в лице, спрашиваю его:

- Что случилось, кто это?

- Тавр, на наших напали.

- Кто напал, когда, где? - начинаю я его засыпать вопросами.

- Машину обстреляли, на трассе, - бормочет он мне.

- Да ты можешь толком объяснить, где они, кто звонил? - ору уже я на него.

- Лесник звонил. Они уже здесь. Едут в больничку, - отвечает он мне.

- Бл...ть, в какую больничку? Что с ними, кто ранен?

- Я не понял, кто ранен. Сказал, что едут в городскую, что рядом с нами.

Я хватаю автомат и выбегаю из комнаты, на ходу крича Карату:

- Давай за мной.

Во дворе штаба прыгаем в чью-то машину и гоним до больницы. Благо она находится недалеко от нас.

Подъезжаем. Выскакиваем из машины. Возле входа уже стоит наша «Секвоя». Стекла с правой стороны разбиты. Корпус самой машины изрешечен осколками. Заглядываю вовнутрь. Там никого. На сиденье, где обычно сидит Мозговой - кровь.

Вокруг больнички уже суетятся наши бойцы из роты СБ вместе со Стилетом.

«Оперативно сработали. Молодцы», - мелькает мысль.

Тут же, из здания больницы, слегка ошалевший, выходит Лесник. На щеке кровь.

- Где Борисыч, что с ним? - спрашиваю его.

- Там, - машет он мне на дверь. - На операцию повезли. С ним Албанец и Аркадич.

- Ты сам как?

- Контузило немного от взрыва. А так вроде цел.

Забегаем с Каратом вовнутрь. Дальше по коридору. Возле операционной Аркадич. В руках у него по пистолету. Глаза квадратные.

- Стой, кто идет? - орет он мне.

- Аркадич, свои. Не стреляй! - кричу я ему.

После чего приближаюсь и медленно опускаю ему руки вниз.

- Что с Борисычем, жив? - спрашиваю его.

- Да. Только осколками посекло не много.

- Я зайду?

- Зайди.

Захожу в операционную. Мозговой лежит на «каталке». Возле него хирург делает манипуляции с его правым ухом. Рядом Албанец.

- Доктор, что скажите? - обращаюсь я к врачу.

- Все нормально. Сейчас только последние осколки достану и будем зашивать.

- Ясно. Албан, а Метла где?

- Там, за окном стоит, - кивает Албанец в сторону окна.

- Ну, что жить буду? - спрашивает врача комбриг.

- Будете, конечно. Или вы на тот свет торопитесь? - отвечает хирург. После чего добавляет. - Надо в другое отделение переместиться. Тут небезопасно. Ребята, помогите.

Албанец вместе с хирургом везут Борисыча на каталке в другое отделение. Я с Аркадичем впереди.

- Да что вы меня, как какого-то умирающего, везете? - возмущается Мозговой, пытаюсь встать.

- Так, тут я командую. Лежим, не встаем, - говорит ему врач.

- Завози сюда, - обращается он уже к Албанцу, кивая на другой кабинет.

Борисыч самостоятельно слезает с каталки и садится на стул.

- Что в истории болезни написать? - спрашивает его хирург.

- Ну, не знаю. Напишите, что я неосторожно брился и порезался, - улыбается Мозговой.

- Доктор скажите, а раны глубокие? - обращаюсь я к хирургу.

- Нет, не очень. В основном, ухо пострадало. Да и то осколками от стекла.

- Короче, не переживайте, пацаны. Жить буду, - снова шутит Борисыч.

- Что там с внешней стороны происходит? - спрашивает меня Аркадич.

- Там нормально. Здание взяли в оцепление.

- Кто взял?

- «Стилетовские». Из роты «СБ», - отвечаю я ему.

Еще примерно через минут десять после всех процедур и формальностей выходим с Мозговым из больницы. Садимся в легковушку, на которой мы приехали. Песня за руль, Борисыч на переднее сиденье, я сзади. Едем в штаб.

Там уже Аня Самелюк и корреспонденты из «Лайф Ньюс». Борисыч заходит в кабинет, Аня, Песня и корреспонденты за ним. Я остаюсь дежурить у дверей.

Вскоре подтягиваются Лесник, Албанец и Метла.

- Ну, теперь рассказывайте, что это было? - обращаюсь я к ним, доставая сигарету.

- Нападение это было, - говорит мне Лесник. - Две мины сработало. Хорошо еще, что Саня ехал посередине дороги. Если бы не это обстоятельство, то все могло быть по-другому.

- Я думаю, что это чисто попугать решили, - говорит Албанец. - Если бы хотели нас завалить, то завалили бы.

- Да хрен знает. Ты же сам видел, как все было? Если бы Саня не дал по газам, то нас потом могли уже и обстрелять.

- Думаешь, просто повезло? - спрашиваю я Лесника.

- Думаю, да. Спасибо Песне, что не стал тормозить.
- А ты почему Карату позвонил, а не мне?
- Да я просто его номер сегодня себе забивал. Он у меня первым в «исходящих» был. Когда пошли взрывы, там уже некогда было твой номер искать. Поэтому Карата набрал.

- Ясно.

Тут из кабинета выходит Аня.

- Ребята, надо в аптеку сходить. Пластырь купить. У Борисыча кровь опять из уха идет. Кто сходит?

- Давай я схожу, - говорю я ей.

- Тавр, на вот, деньги. Возьми только широкий пластырь, а то тот, что налепили, тонкий. Отклеивается.

- Хорошо, я понял. Может еще чего взять: йод, бинты, зеленку?

- Это все есть. Пластыря только широкого нет.

- Ясно. Я понял. Скоро буду.

Минут через двадцать я вернулся. Ухо Борисыча залепили нормальным, широким пластырем и в тот же вечер он дал свое первое, после покушения, интервью. Не забыв при этом поздравить милых женщин с наступающим восьмым марта. Это интервью тут же разлетелось по просторам интернета.

- Примерно 22.00 того же дня. Здание штаба «Призрака».

- Тавр, глянь, что по местным Луганским каналам уже кричат? - говорит мне Лесник, протягивая свой телефон.

- А че там?

- Да ты сам видос посмотри.

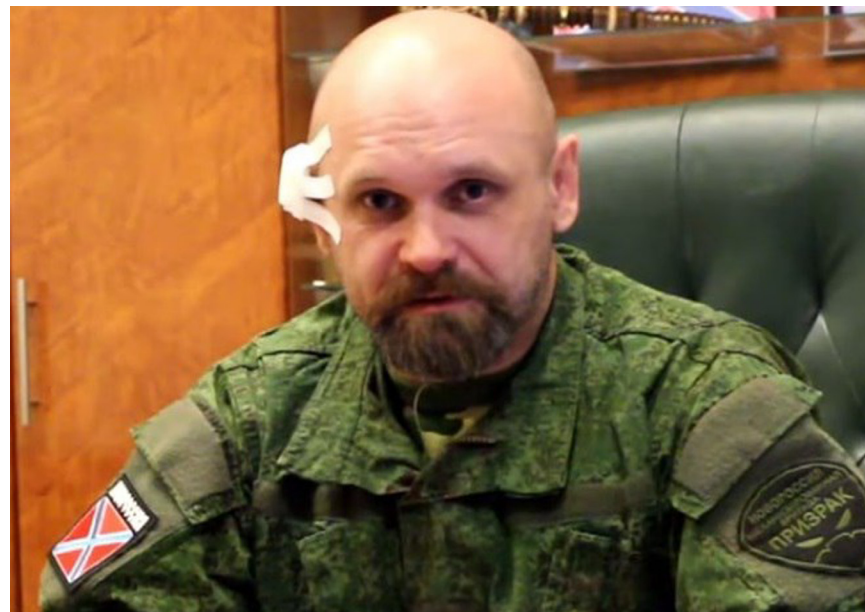
Открываю видео. Там, если коротко, говорится о том, что на командира бригады «Призрак» сегодня вечером было совершенно неудачное покушение неизвестной украинской диверсионной группой.

- Оперативно работают ребята. Уже и укропов назначили главными виновниками, - говорю я Леснику.

- Так и я о том же. И откуда только они это все берут? С чего они взяли, что это укропы? - возмущается Лесник.

- Ну, так ведь больше некому, кроме как укропам. Иначе народ не поймет.

- Ну да. Типа Плотва тут не причем.

Мозговой после покушения. 7 марта 2015 г.

- Я не понимаю, почему Плотницкого не уберут? - вступает в разговор Метла. Москва разве ничего не знает и не понимает?

- Метла, а ты думаешь, что Москва не в курсе, что здесь происходит? - улыбаюсь я ему.

- Тавр, тогда к чему весь этот цирк с укропами?

- Метла, ты че, как маленький. Ты еще не понял, кому это все надо и для чего? - наезжает на Метелку Лесник. - На днях «Косогора», в Антраците зачистили. Слышал? До этого еще кучу командиров положили. Теперь вот Мозгового хотели. Че тут не понятного? Лично мне все ясно, кто это делает.

- Да че вы опять наезжаете? Я вас нормально спрашиваю, а вы орете, - обижается Метелка.

- Метла, ты когда-нибудь слышал об Анастасио Самосе? - спрашиваю я его.

- Нет, а кто это? - не понимает он меня.

- Да был такой в Никарагуа диктатор. Народу у себя в стране крошил немерено. Ярый антикоммунист был и нацист. Поэтому америкосы на все его художества закрывали глаза. Даже поддерживали оружием и своей политической риторикой.

- А причем тут Плотва, не понимаю?

- Сейчас объясню. Как-то американские журналисты спросили у Франклина Рузвельта: «почему Америка позволяет творить беззаконие этому сукиному сыну?» На что Рузвельт им спокойно ответил - «Да, Самоса, конечно, сукин сын, но он НАШ сукин сын».

- Теперь ты понял? - говорит Лесник.

- Тавр, ты хочешь сказать, что...

- Да, Метла. Именно это я и хочу сказать. Плотницкий для Москвы, это как тот Самоса для Америки. Он - кремлевский «сукин сын»! Мы с тобой это знаем, Москва это знает, Мозговой тоже знает. Все все знают и понимают, но «политика партии» у нас сейчас такова, что «сор из избы» не выносятся. Не целесообразно это сейчас делать. Понимаешь?

- Получается, что Албанец был прав, когда говорил, что Мозговой смертник и мы вместе с ним? - размышляет Метла.

- Да, брат, так оно и есть. Это вопрос лишь времени. Ладно, давай не будем о грустном. Живы будем - не помрем. Пошли лучше покурим, - говорю я парням и иду на выход из нашей комнаты.

МЫ ВЕРНЕМСЯ ВЕСНОЙ, НА ЗАРЕ...

- 8 марта 2015 года. Алчевск. Штаб «Призрака».

В этот день мы с Мозговым никуда не выезжали. Причина была проста - наша Тойота-«Секвоя» была разбита после вчерашнего покушения, а новой машины для передвижения, у нас еще не было.

Помню, погода в тот день выдалась солнечная и понастоящему весенняя. Запахло весной. Настроение у всех тогда было приподнятое, праздничное. Война войной, а восьмое марта ведь еще никто не отменял. Поэтому мы, как истинные джентльмены и «призраки», начали дорогих женщин поздравлять еще с утра. Всех тех, кто заходил к нам в штаб. А кто не заходил, через интернет.

И сразу как-то вчерашние события отошли на второй план. Жизнь продолжалась. На дежурство с утра заступила четверка Охотника: он сам, Холс, Каравай и Ангел. А мне... еще сильнее захотелось домой, в отпуск.

- Лес, ты Саню Песню не видел? - обращаюсь я к Леснику.

- Он, кажется, у Борисыча. А тебе он зачем?

- Да хочу насчет отпуска с ним переговорить.

- Я тоже хочу. Как пойдешь с ним говорить, маякни мне.

- Хорошо.

- У меня, кстати, идея есть?

- Какая? - спрашивает Лесник.

- Давай все вместе сфотаемся. На память - Я, Ты, Метла, Албанец, Охотник, Холс, Ангел, Каравай. Кто знает, как дальше оно будет?

- Давай, конечно. Я только «за». Только я в маске буду, - улыбается Лесник.

- Ну, это уже твое дело. Сам смотри.

Вместе с Лесником и Ангелом выходим из штаба во двор. Там стоят и курят Охотник, Холс, Албанец и Метла.

- Парни, мы тут с Лесником в отпуск собрались. Давайте на память пару фоток сделаем.

- Давай, конечно. А ты когда ехать собрался? - спрашивает меня Охотник.

- Пока не решил еще. Скорее всего, завтра, если Песня отпустит.

- Я не буду фоткаться. Не люблю я это дело. Давайте лучше я вас всех сниму - говорит Холс.

- Тавр, я тоже не буду. Ты знаешь, по какой причине, - добавляет Албанец.

- Хорошо, не вопрос. А Каравай где?

- Он наверху, возле кабинета Борисыча. Там к нему корреспонденты приехали.

- Ясно. Ну, тогда все вокруг, - говорю я парням и даю Холсу свой мобильник, для съемки.

Эти фотографии, в тот солнечный, мартовский день, для меня станут единственными и последними, на которых Метла вместе с нами... Живой!

Чуть позже, в коридоре штаба, я «перехватил» Сашу Песню.

- Сань, разговор есть.

- Слушаю тебя.

- Помнишь, я тебе про отпуск говорил?

- Да, помню. Все-таки хочешь поехать.

- Да, хочу.

- Надолго?

- Недельки на две.

- Но ты же вернешься, да?

- Конечно, вернусь. Куда же я без вас? - улыбаюсь я ему.

- Хорошо, езжай. Когда хочешь ехать?

- Думаю, что, скорее всего, завтра. Если ничего не произойдет.

- Тавр, ты же понимаешь, что все уже произошло еще вчера.

- Да, согласен. Кстати, хотел тебя спросить: что ты сам думаешь по этому поводу, что это было? Албанец говорит, что хотели просто припугнуть.

- Нет. Я так не думаю. Наши взрывотехники говорят, что оба заряда были мощные. Просто ставили их дилетанты. Плюс, повезло то, что я ехал посередине дороги, а не рядом с местом взрыва.

- Короче, повезло вам.
- Вот именно - повезло.
- И на чем теперь будем ездить?
- Завтра машина будет. А «Секвою» попробуем восстано-
вить, - говорит мне Саня.
- Ну, дай Бог. Там Лесник во дворе. Он с тобой тоже хотел
поговорить насчет отпуска.
- Хорошо. Поговорим, - отвечает мне Саня и выходит на све-
жий воздух.

- Тот же день. Штаб «Призрака». Около 16.00.

На улице по-прежнему солнечно. Поэтому мы все наслаж-
даемся весенней погодой во дворе штаба. После вчерашнего на-
падения, у нас снова усиление. От роты СБ к нам добавили - Си-
бирь, Коржа, Клокера и Нила, который пару дней назад вернулся
из трехнедельного отпуска.

Из дверей штаба вместе с оператором выходит военкор те-
леканала «Лайф Ньюс» Сергей Давыденко. Тот самый, что делал
репортажи о нашей бригаде во время штурма Дебальцево. Впро-
чем, делал он их не только во время, но и до и после этого.

Сергей подходит к нам, здоровается.

- Ну что, сняли материал? - спрашиваем мы его.

- Ага. Хорошо получилось. Мозговой, как всегда много ин-
тересного говорил. Вечером, смотрите по телику.

- А у нас его нет, - смеемся мы.

- Ну, значит тогда в инете. Кстати, мне надо снять еще вашу
машину, - говорит он нам, показывая на разбитую осколками
«Секвою», которая стоит тут же - во дворе штаба.

- Ну, так снимай. В чем проблема?

- Да проблем-то нет. Мне просто нужен один из вас, кто вче-
ра был с Борисычем.

- Это без меня, - говорит Албанец

- Я тоже не хочу светиться, - добавляет Лесник.

- Ясно. Ну, а вы? - обращается он ко мне с Метлой и к осталь-
ным, стоящим в кругу и мирно курящим «Донской табак».

- А, что надо говорить? - спрашиваю я Сергея.

- Да ничего особенного. Просто надо показать степень по-
ражения машины и рассказать, как это было?

- Да не вопрос. Давай я скажу. Мне можно. Я и так уже на
двух укропских сайтах вишу, как злой и страшный Бармалей-бое-
вик бригады «Призрак», - улыбаюсь я.

После чего было снято то самое видео, возле нашей разби-
той «Секвой».

- Тот же день. Вечер. Здание штаба.

Я лежу на своей койке у нас в комнате и просматриваю но-
вости в инете. Лесник и Метла занимаются тем же.

- Тавр, - обращается ко мне Метла.

- Да. Что?

- Скажи, ты, правда, думаешь, что это наши вчера нас хоте-
ли взорвать?

- Метла, это смотря, кого ты имеешь ввиду под словом -
«наши». С такими «нашими» и врагов не надо.

- Ну, ты понял, про кого я?

- Конечно, понял. Но на самом деле: неважно, что я думаю.
Неважно также, что думаешь ты, Лесник, Албанец и баба Шура с
бабой Нюрой. За нас ТАМ уже подумали и все нам рассказали. Ты
же сам сейчас читаешь, что там пишут.

- Я-то читаю. Но там такой бред, что даже ребенку ясно, кто
это сделал?

- Метла, так если тебе все уже ясно, чего ты тогда у Тавра
спрашиваешь, - вступает в наш диалог с верхней койки Лесник.

- Че ты опять лезешь? Я с Тавром разговариваю, а не с тобой,
- начинает заводиться Метелка.

- Не ругайтесь. Метла, я тебе сейчас один пример приведу,
после которого ты поймешь, почему я так думаю? Скажи, ты пом-
нишь историю с Малазийским «Боингом», который сбили про-
шлым летом?

- Конечно, помню. А причем тут «Боинг» и Мозговой?

- Все очень просто, брат. Дело в том, что сейчас идет война
не только на поле брани: с танками, самолетами и пулеметами.
Война еще идет и информационная - за мозги людей. А в ней все
средства хороши. Даже те, что ниже пояса.

Ну, вот смотри, - продолжаю я. - Этот самый «Боинг», когда
его сбили, еще не успел упасть на землю, а америкосы на весь мир
уже стали кричать, что это дело рук России. Что типа это мы его
завалили. Улавливаешь мою мысль?

- Не совсем.
- Все дело в том, что им - америкосам, неважно было изначально, кто его сбил на самом деле? Виновные были УЖЕ назначены. Причем назначили их еще ДО падения обломков самолета.
- Так, а причем тут Мозговой? Это он его, что ли, завалил?
- растягивая слова на свой манер, никак не поймет мою мысль Метелка.
- Да при том, что тебе объясняют, что вчера было тоже самое, только уже с нами, - не выдерживает и почти кричит Лесник.
- Ну, в общем-то, да. Технология та же. Масштабы только поменьше. Главное: быстро накидать инфы тем, кто это схавает. А после проследить, чтобы они это проглотили, - добавляю я.
- Да мы вчера не успели еще из больницы выйти вместе с Мозговым, как по всем каналам уже кричали, что это типа сделала укропская ДРГ, - снова кричит Лесник.
- Да, как-то уж очень быстро везде стали расписывать, что это были укропы. Лично у меня возникает сразу же вопрос: откуда у них, у этих СМИ, такая уверенность, если нападение на машину было только час назад? Им об этом сами укры, что ли, рассказали?
- Тавр, тут пишут, что какие-то укропские «Тени» на себя все это взяли, - говорит мне Метла.
- Метла, они такие же укро-«Тени» ДРГ, как я испанский летчик, - смеюсь я в ответ.
- Че ты эту хрень читаешь? - опять вставляет свое слова Лесник. - Это обычные клоуны из интернета, а не какие не «Тени». Это такая политика, Метла. А политику делают люди. В том числе и в телевизоре. Теперь ты понял? - добавляет опять Лесник.
- Да не дурнее тебя, - огрызается на Лесника Метла. Вот только на хрена мне такая политика? Я сюда не за этим приехал.

В комнату входит Холс.

- Че вы тут орете? Вас даже в коридоре слышно, - улыбается Леха.
- Да мы тут с Тавром объясняем Метле, кто нас вчера хотел взорвать, - отвечает Лесник.
- Да че тут думать и так понятно, кто, - говорит Холс. - Я вот вам сейчас одну вещь расскажу, охринеете.
- А ну, давай, - оживляется Лесник.

- Знаете почему «стилетовские» из СБ не хотят идти в личную охрану к Мозговому?
- Почему?
- Они не считают это престижным. Типа не за тем сюда приехали, чтобы за комбригом бегать.
- А ты откуда это узнал? - спрашиваю я Холса.
- Ну, так я же бывший опер, - улыбается Леха. - Я сейчас на воротах вместе с Коржом курил. Они же на усилении у нас сейчас. Он мне и сболтнул об этом.
- Я тоже такое слышал, но уже от другого человека.
- А почему они тогда раньше у Мозгового в охране были? - спрашивает Холс Лесник.
- А все очень просто. Костя (Стилет), таким вот способом хотел «утереть нос» бывшей охране Борисыча. А когда утер, ему уже стало неинтересно. И он отозвал своих людей.
- Так он и нас с Албанцем хотел забрать тогда, из Ломоватки. Вот только мы не поехали. Помнишь, Лес? - обращаюсь я к Леснику.
- Да конечно помню. Мы же тогда с Метлой и Максом к вам на ротацию приехали, без автоматов, - смеется Лесник. - Вместо четверки того же Коржа.
- Ну да. Песня хотел еще «Соболь» у Коржа забрать на передовую, для раненых, но Корж в тот же день оперативно свалил сюда, в Алчевск, - улыбаюсь я.
- Я уже слышал эту историю, - говорит Холс. - У вас пожрать ничего нет? А то я с утра ничего не ел.
- Да мы тут сами на подсосе, недавно даже шмотки свои ходили менять на жрачку и курево, - говорит Лесник.
- Ясно. Ладно, пошел я тогда, - отвечает Холс и направляется к выходу.
- Холс, подожди, - кричу я ему. - У тебя какой размер одежды?
- Да хрен знает, какой? Большой. А зачем тебе?
- Да мне тут «Димсон» куртку одну передал, через Нила, а она мне в животе большая. Классная куртка. Может, померишь?
- Ну, давай.
- Я достаю из шкафа куртку и отдаю ее Холсу. Тот одевает ее на себя.
- Кажись, мой размер, - улыбается Леха.

- Слушай, ну прям на тебя. И цвет нормальный, светло-зеленый, почти армейский, - говорит Холсу Лесник.
- Короче, носи тогда, на память.
- Спасибо, Тавр.
- Да не за что, брат - улыбаюсь я, обнимая Холса.
Оставшиеся время вечера и ночь прошла без происшествий.

- Утро 9 марта 2015 года. Алчевск. Штаб «Призрака».

Этот день выдался таким же солнечным, как и предыдущий. Этот день, как, впрочем, и многие остальные мои дни на Донбассе, я запомнил навсегда. И только один момент отделяет его жирным шрифтом от всех остальных - в ЭТОТ ДЕНЬ я уезжал с Донбасса.

Уезжал спокойно, без лишней суеты.

- Тавр, ну что, ты едешь? - спрашивает меня Саня Песня, заходя в нашу комнату.

- Да, Сань, еду. Уже почти собрался. Вот думаю: на чем мне лучше до Изварино добираться.

- На автобусе езжай. Прям так, по форме. Бесплатно едешь. Тебе же до Москвы надо? - спрашивает Лесник

- Ну, да.

- Ну и все. Там из центра, на Москву автобусы идут. Они с ополченцев и добровольцев деньги не берут.

- Да, я знаю.

- Короче так, я через час буду. Отвезу тебя в центр. Я новую машину нашел. Ты пока собирайся, - говорит мне Саня и выходит из нашей комнаты.

Мне особо-то и собирать было нечего. Все, что надо, я и так уже собрал и положил в свою сумку. Осталось только раздать парням то, что через границу не пропустят - оружие и боеприпасы. В итоге, каждому досталось от меня по магазину с патронами и по гранате. А свой АКС, с откидным прикладом, я отдал Карату. Он был тогда единственным из охраны, у кого не было своего автомата.

Саня, как и обещал, приехал через час.

- Тавр, ну что, ты готов? - спрашивает он меня, заходя в комнату.

- Ага.

- Ну, тогда поехали. Жду тебя во дворе.

- Я с тобой поеду, - говорит мне Лесник.

Я беру свою армейскую сумку. Окидываю на прощание взглядом нашу комнату и выхожу на залитый солнцем двор штаба.

Все наши уже стоят возле машины.

Охотник и Метла решают тоже меня проводить до автобуса.

Подходит Албанец.

- Тавридзе, ты извини. Я не поеду. Не люблю я этого.

- Албан, да не вопрос. Я понимаю.

Мы с Албанцем обнимаемся на прощание, жмем друг другу руки, после чего я сажусь в машину.

- Тавр, подожди, - кричит мне Холс. После чего тоже протягивает мне свою руку для прощания.

- Счастливо тебе, брат, - говорю я ему.

- Ты же вернешься? - спрашивает меня Леха.

- Конечно, вернусь. Береги себя.

- Удачи тебе.

- И тебе.

После чего наша машина трогается с места.

Через десять минут мы уже были на том месте, откуда уехали автобусы на Москву и другие города России. Возле самого автобуса уже идет суета пассажиров. Кто-то уезжает, кого-то провожают. На нас особого внимания никто не обращает. В этом городе народ уже привык видеть людей в форме, с оружием в руках.

- Братух, нам тут надо друга до Москвы отправить, - говорит водителю Охотник, поправляя свой АКС.

- Мне хотя бы до Каменск-Шахтинска, а там я уже на поезд переседаю, - добавляю я.

Воитель окидывает меня взглядом, после чего говорит мне:

- Проходи. Садись в конец автобуса. Там уже тоже ваши сидят.

- Хорошо, только попрощаюсь со своими. Через сколько отправляемся?

- Через пять минут.

Подхожу к парням. Те стоят возле машины, курят.

- Ну, вроде все нормально. Договорились. Через пять минут оправление.

- Как таможеню пройдешь, напиши, - говорит Лесник.
- Да, хорошо.
- Ну, давай брат, - говорит Охотник, обнимая меня.
- Потом я прощаюсь с Лесником, Метлой и Саней Песней.
- Спасибо, Сань, что подвез, - жму ему я на прощание руку.
- Береги себя.
- Да не за что, Тавр. Ты тоже себя береги. Возвращайся скорей.
- Я буду стараться.
- Ребята садятся в машину, и Песня дает по газам.

Это был последний раз, когда я их всех - Песню, Метлу и Холса - видел в живых...

Последний, потому что назад я так и не вернулся.

Примерно через два часа, с заездом в Луганск, мы были на таможене - в Изварино.

В салон автобуса заходят два пограничника-ополченца. Начинают проверять у пассажиров документы. Я и еще пять человек, таких же добровольцев, сидим в конце салона. Ждем, когда один из ополченцев к нам подойдет.

- Готовим документы к осмотру заранее, - слышу я голос одного из них.

- Куда едем? - обращается ополченец к молодому парню, листая его украинский паспорт.

- В Москву.

- Зачем? С какой целью?

- На заработки.

- У нас тут война идет, а ты на заработки значит. Сам воевал, в ополчении был?

- Нет, не был.

- Болеешь, наверное?

- Нет, я здоров, - парень опускает голову.

- Ясно. Кем до войны-то был?

- В милиции служил.

- Это при укропах еще, что ли?

- Да.

- Все понятно. Будем тогда тебя сейчас «пробивать». Выходим из автобуса с вещами.

Парень молча берет свою сумку и выходит.

Примерно те же вопросы задаются еще пяти людям призывного возраста, мужского пола. После чего их тоже выводят на свежий воздух, для проверки.

Понимая, что, возможно, сейчас будут задавать вопросы уже мне, я достаю свой российский паспорт. Протягиваю его ополченцу. Тот смотрит на меня и выдает:

- Брат, ты даже не доставай. С тобой мне и без паспорта все понятно. Вижу из «Призрака» ты. Далекое едешь? - обращается он ко мне.

- До Москвы.

- Думаю, что автобус будет еще долго тут стоять. Там, перед ним еще пять таких.

- И надолго это затянется? - спрашиваю я у него.

- Часа на полтора, а то и два. Ты торопишься?

- Да. У меня поезд через два часа. Могу не успеть.

- Тогда тебе лучше на ту сторону пешком. Быстрее будет.

- Я понял. Спасибо за совет, - говорю я ему и выхожу из автобуса.

Таможеню я и правда прошел быстро. И через два часа сидел уже в вагоне поезда, который меня вез домой - в Москву.

Вез туда, где нет войны. Туда, где меня любят и ждут.

Я ехал, смотрел в окно и под стук колес, глядя, как в этом окне мелькают поля, дома и березы... задавал себе этот вечный вопрос - почему уходят на войну? И сам же на него себе отвечал. В стихах.

Почему уходят на войну?

Нет, не по приказу. - Добровольцем.

Дом оставив и свою семью,

Зная, что ты можешь не вернуться.

Можно же остаться в стороне,

Думая: без нас там обойдутся.

Тихо так сидеть в своей норе,

Что бы завтра мог опять проснуться.

Почему ты рвешься в этот ад,
Ты ведь можешь стать там грузом двести,
Так же, как твой друг или комбат,
Что погибли на закате вместе.

Почему уходят на войну?
Чтож вам не сидится на диване.
Для чего, зачем и почему?
Тянет вас туда всегда, славяне?

Не уже ли просто пострелять?
Или может это от безделья?
Как в инете тролли говорят.
Знающие все в любое время.

Им же все известно наперед,
Кто ты и зачем туда поперся?
И что завтра там произойдет,
Там, от куда друг твой не вернется.

Почему уходят на войну?
Может за деньгами, заработать?
Я вот все никак не разберу.
Или же красивый кадр сфотать?

Этот опостылевший вопрос.
Воинов диванного спецназа,
Троллей и всех тех, кто не донес,
Задницу свою до унитаза.

Почему уходят на войну?
Нет, не по приказу. - Добровольцем.

Воевать уходят ЗА СТРАНУ!!!
Чтоб над ней взошло сегодня солнце.

ОНИ РЕШИЛИ, ЧТО УБИЛИ ЕГО...

(Эта часть была написана накануне годовщины гибели командира бригады «Призрак» Алексея Мозгового, 22 мая 2016 года.)

МОЕМУ КОМБРИГУ, АЛЕКСЕЮ БОРИСОВИЧУ МОЗГОВОМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

- 23 мая 2015 года.

В этот день, на трассе Алчевск - Луганск, возле населенного пункта Михайловка, была подорвана, а после расстреляна машина, в которой находился командир бригады «Призрак» Алексей Борисович Мозговой, его личная охрана и пресс-секретарь - Аня, Песня, Холс, Метла...

Еще утром они все были живы. Еще днем строили планы на вечер, а возможно на завтрашний день. Я тоже строил...

Говорят, что в жизни у каждого человека есть некий рубеж, который так и называется - «до и после»... У меня таким рубежом в жизни стала эта дата - 23 мая 2015 года...

- Москва. 23 мая 2015 года. Примерно 18 часов вечера.

Я гуляю по набережной Москва - реки со своей давней подругой, с которой мы не виделись сто лет. Крайний раз я был на ее свадьбе. С тех пор утекло столько воды, что все так сразу другу и не расскажешь. Весеннее, теплое, майское солнце светит нам и радуется вместе с нами. У нас прекрасное настроение. Мы идем и на ходу, что-то там рассказываем о том, что у нас было в жизни за эти годы? Что нового у нее, а что у меня? Кругом гуляют люди. Катаются на велосипедах дети. Мы идем по набережной и общаемся.

И тут, у меня в кармане раздается телефонный звонок. Я смотрю на экран. Звонит Охотник - мой друг, с которым мы были вместе в личной охране у Мозгового и который, к тому времени уже перебрался в Питер.

- Лен, ты извини, мне нужно ответить. Друг из Питера звонит, - говорю подруге.

- Здравствуй, брат, какими судьбами? - улыбаясь, спрашиваю я его.

- Юр... Борисыча убили, - слышу тихий голос Охотника в трубке.

- То есть, как убили? Кто, когда? - моя улыбка тут же сползает, и я с трудом пытаюсь осознать, то, что сейчас от него услышал.

- Пока неясно кто. Где-то час назад. Мне самому только что Лесник позвонил, рассказал.

- Подожди, это точно? Может, он просто ранен? - с надеждой спрашиваю я.

- Да, точно, - слышу ответ в трубке. И по его сдавленному голосу понимаю, что это так.

- Кто с ним был? Кто, я тебя спрашиваю, с ним еще был? - чуть ли не ору я в трубку.

- Я точно не знаю. Кажется еще Метла, Холс и Аня. Саня Песня был за рулем. В инете уже должна быть инфа. Посмотри. Конец связи.

Выключаю телефон. Нахожу рядом стоящую, пустую лавочку. Сажусь. Молча достаю сигарету и почти сразу же выкуриваю ее. После этого достаю следующую и подкуриваю снова.

- Юр, что с тобой? Что случилось? - спрашивает подруга, садясь рядом.

- Моего комбрига убили...

- Как, когда?

- Час назад. Подробности пока не знаю. Надо в инете посмотреть. А лучше по тв. Лен, ты извини. Мне надо домой. У меня тут, что-то инет не тянет.

- Да, конечно. Я понимаю. Тебя отвезти, я на машине, - спрашивает она.

- Если тебе не трудно.

Едем молча. В голове путаются мысли. В душе эмоции, кипящие из злости, скорби, ненависти тем, кто это сделал... и слабостью надежды - вдруг не правда, вдруг может ошибка?

Подъезжаем к дому. Прощаюсь с подругой. Забегаю в квартиру. Включаю телевизор. Там уже почти по всем канал передают и подтверждают то, что мне сказал Охотник.

Люди в погонах из Донецка и Луганска, на полном серьезе, наперегонки сообщают примерно следующее:

- «Сегодня, 23 мая, примерно в 17 часов, на трассе Луганск - Алчевск была расстреляна машина командира бригады «Призрак» Алексея Мозгового. Вместе с ним погибли бойцы из его личной охраны и пресс-секретарь. По нашим сведениям это могла сделать некая украинская диверсионная группа, которых сейчас на территории республики насчитывается около восьмидесяти и которые в последнее время активизировали свою деятельность»
ВОСЕМЬДЕСЯТ!!!

Вы только вдумайтесь в эту цифру. Восьмидесять хорошо упакованных, экипированных и обученных, с оружием в руках ДРГ укропов спокойно и свободно разгуливаю по территории ЛДНР... Не восемь, а восьмидесять!!! И если учесть, что каждая такая группа должна состоять, как минимум из 4-5 бойцов, то получается - 400 человек!!! Нормально так, да?

Одна из таких вот групп, как бы «нечаянно» и нарвалась, по мнению этих людей в погонах, на машину комбрига «Призрака». Бред, скажите вы? Да, бред. Но если этот бред льется с экранов ТВ, то это уже не бред. Это уже информация! На что же, вернее на кого, она была рассчитана, тогда - в мае 2015 года? Думаю, что ответ прост. На простого обывателя, который придя с работы домой, включит ящик и будет эту лапшу глотать не прожевывая. Уверен, что многие ее и проглотили. А если нет, то сделали вид, что такая группа была. Ведь если это сделали не укры, то возникает логичный вопрос - КТО-ТОГДА?

Большинство здравомыслящих людей давно уже поняли КТО? Просто не хотят об этом говорить вслух, в целях собственной безопасности. Подвалы МГБ и так уже переполнены.

Лично я убежден - это сделали те, кому Мозговой был крайне не удобен в своих высказываниях, суждения и мыслях о Новороссии и все, что с ней связано. Это сделали люди, которых он критиковал в открытую, не стесняясь в выражениях и словах.

Его боялись! Это правда. Боялись те, кто воровал и до сих пор ворует, прикрываясь народными лозунгами.

Уверен, что если бы Борисыч пошел в политику, как он потом планировал, и выдвинул бы свою кандидатуру на должность главы Луганской республики, то он бы эти выборы выиграл, даже не напрягаясь. Что называется - одной левой. Поддержка народа у него была огромной. Люди ему верили. Люди шли к нему и ЗА ним.

И вот прошел год.

Сейчас, когда я это пишу, на дворе май 2016 года. Все так же светит солнце, растет трава и цветет сирень. Жизнь бежит и продолжается. Жизнь не стоит на месте, в том числе и у меня. За то время, что я был на Донбассе и после него, у меня появилась много друзей. Мы часто собираемся, созваниваемся и вспоминаем их... Тех, кого с нами нет, и уже никогда не будет...

А еще я знаю, что в моей жизни еще будет много хороших и светлых дней... И будет память... Память о нашем комбриге - Алексее Мозговом и моих братьев, что погибли вместе с ним!!!

Ты прости Борисыч нас,
Дорогой ты наш комбриг,
Что беду не отвели,
В этот страшный жизни миг.
Что не мы, а вы сейчас,
На пороге в рай стоите,
Песня, Холс и ты Метла,
Если можете - простите!
Пусть земля вам будет пухом,
В этот теплый, майский день.
Соловьи пускай поют вам,
И всегда цветет сирень.
Мы вас, братья, не забудем,
Вы теперь для нас семья.
Песня, Холс, Борисыч, Аня,
И, конечно же, Метла...

Этот стих был написан мной на следующий день после их гибели - 24 мая 2015 года. Хотел написать новый, к их годовщине... Но вчера понял, что лучше, чем тогда, я уже не напишу... Да и не надо.

На этом, наверное, можно поставить жирную точку, добавив, что моя книга - «Исповедь российского добровольца», подошла к завершению...

КОНЕЦ.

Но так я сказать не могу. Потому что, что-то мне подсказывает, что это еще не конец. А знаете почему?

- Потому, что ВСЕ... только начинается!!!

9 мая 2015 г. Бригада “Призрак” проводит парад победы в Алчевске.

Кировский батальон Призрака. 2014 г.

Личная охрана комбрига Мозгового, апрель 2015 г.

Мозговой и Анна Самелюк

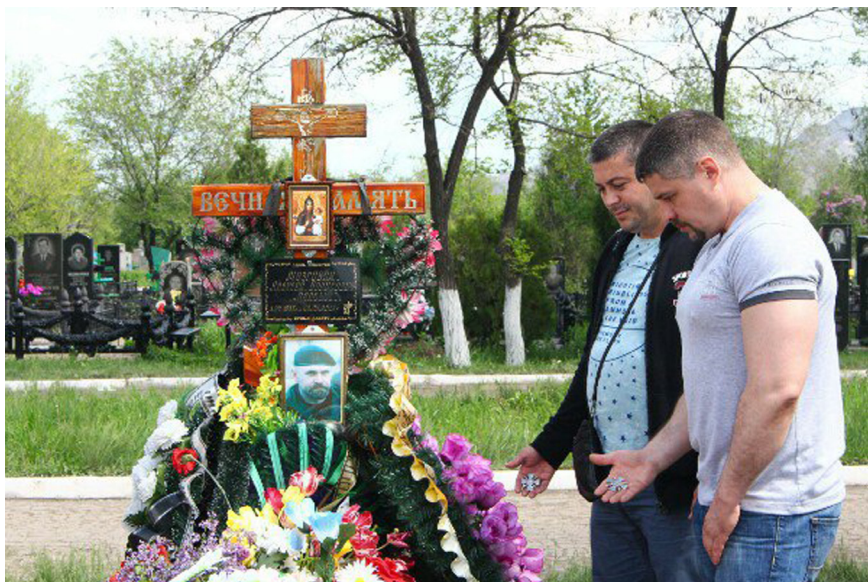
Аркадич и Шевченко дают интервью с места расстрела машины Мозгового. 23 мая 2015 г.

Похороны бойцов бригады Призрак. Алчевское кладбище. 26 мая 2015 г.

Похороны бойцов бригады Призрак. Алчевское кладбище. 26 мая 2015 г.

Тавр и Лесник у могилы Мозгового. Алчевск. Май 2016 г.

Тавр и Лесник на втором съезде добровольцев Донбасса в Ростове.
Октябрь, 2016 г.

ЭПИЛОГ

Дорогой мой друг! Ты сейчас держишь книгу, которую только закончил читать. Я не знаю, какие у тебя после прочитанного сейчас мысли и эмоции? Но надеюсь, что книга тебе понравилась, и ты сделал правильные выводы. Возможно, она перевернула некоторые твои представления об этой войне? Я не знаю.

Я очень надеюсь, что свою «Исповедь российского добровольца» я писал не зря. Потому, что писал я ее не ради себя, а ради тех, кто остался на Донбассе навсегда. Ради тех, кто уже никогда не вернется домой!!!

А еще - ради живых... чтобы они их помнили!!!

И, вот, что хотел добавить...

7 марта 2015 года, как ты уже знаешь, на трассе Луганск - Алчевск было совершенно покушение на нашего командира бригады - Алексея Борисовича Мозгового. Тогда Бог отвел - все остались живы.

Для меня же, Лесника и Албанца, тот день, можно назвать - вторым днем рождения!!!

А для Метлы, Песни и самого Мозгового, он стал предупреждением смерти, о том, что она дала им отсрочку...

...Отсрочку на два с половиной месяца!!!

Тогда, да еще иногда и сейчас, я слышал и слышу от различных «воинов» такое мнение:

- Личная охрана Мозгового - это штабные. Штабные, которые рядом с Мозговым чувствовали себя в безопасности в отличие от бойцов, что сидели в окопах. Что мы, по мнению этих людей, ничем не рисковали. Просто катались вместе с Мозговым на джипе и все.

Господа!

Вы это все скажите Метле, Песне и Холсу.

А еще спросите их о том, что они чувствовали - в мае 2015-го, когда садились последний раз в этот самый джип? Какие были у них мысли?

Вот только они вам уже не ответят...

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ВЕСНА.....	4
ВРАГ У ВОРОТ.....	9
БЕЖЕНЦЫ.....	14
ДОБРОВОЛЬЦЫ.....	17
СБОРЫ.....	21
ДОРОГА НА ВОЙНУ.....	27
ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ.....	31
АЛЧЕВСК.....	37
УЧЕБКА.....	43
РОТА «СБ».....	47
СВАДЬБА В МАЛИНОВКЕ.....	53
АРМЕЙСКИЕ БУДНИ.....	59
ЗАСАДА.....	64
ПЕРЕМИРИЕ.....	72
ОТПУСК.....	76
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ВОЙНУ.....	88
ПОЧТА.....	95
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	103
НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ.....	107
ПРИНЦИП ПЯТИ «П».....	113
ДЕБАЛЬЦЕВО. НАЧАЛО.....	120
НОВОАЗОВСК.....	128
ЛОМОВАТКА.....	138
АЛЛАХ АКБАР.....	144
ВСЕ ПОЗНАЕТСЯ В СРАВНЕНИИ.....	152
САБОТАЖ.....	159
ПРОГУЛКА НА ВОЙНУ.....	166
ПРИКАЗ №5.....	174
МИНСК-2, КНЯЖЕСТВА ЛДНР, БЕЛЫЕ «КАМАЗЫ»И ДРУГИЕ СКАЗКИ МИНСКОГО ЛЕСА».....	180
...ОСТАНЬСЯ ЖИВОЙ!.....	189
НОВОГРИГОРОВКА.....	196
МЕТЛА.....	205
В ОСАДЕ.....	213
ИВАНОВКА.....	225
ХОЛС.....	231
ПОКУШЕНИЕ.....	238
МЫ ВЕРНЕМСЯ ВЕСНОЙ, НА ЗАРЕ.....	247
ОНИ РЕШИЛИ, ЧТО УБИЛИ ЕГО.....	260
ЭПИЛОГ.....	274

Юрий Горошко

Исповедь российского добровольца

Дизайн обложки
Е.В. Семёнова

Печать
ИП Бурина А.В. («Традиция»), Москва
www.traditciya.ru
E-mail: orders@traditciya.ru

Эту и другие книги можно приобрести
в магазине «Слобода «Голос Эпохи»»
www.golos-epohi.ru

Подписано в печать 30.04.2017 г.

Формат 84x108/32

Усл. п. л. ...

Тираж 100 экз.

ISBN